

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

И.Б. Мощанский

«ТАНКИ, ВПЕРЕД»

КУРЬЕЗЫ ТАНКОВОЙ ВОЙНЫ
В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД
1941-1944 ГГ.

И.Б. Мощанский

Танки, вперед!

*Курьезы танковой войны в
битве за Ленинград*

Москва
Вече
2009

Мощанский И.Б.

М74 Танки, вперед! Курьезы танковой войны в битве за Ленинград. — М.: Вече, 2009. — 192 с. — (Забывтые страницы Второй мировой).

ISBN 978-5-9533-3884-4

Книга известного военного историка И.Б. Мощанского посвящена использованию бронетанковых войск Красной Армии в самой длительной операции Великой Отечественной войны — сражении за Ленинград. С 1941 по 1944 год силы Северо-Западного, Северного, Ленинградского и Волховского фронтов, а также нескольких отдельных армий сделали все, чтобы сохранить город на Неве для нашей страны и человеческой культуры.

В представленной работе описаны малоизвестные операции сражения под Ленинградом, а также быт и жизнедеятельность штабов, соединений, и, нередко, рядовых танкистов. Опираясь на архивные и историко-литературные документы, автор описывает трагические и комические происшествия, так хорошо характеризующие национальную идентичность нашего народа. Наиболее подробный анализ посвящен Синявинской операции (19 августа — 1 октября 1942 года) — неудачной попытке Волховского и Ленинградского фронтов прорвать блокаду Ленинграда.

ББК 63.3(2)622.1

«ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ»

Летом 1941 года дальние подступы к Ленинграду прикрывали Северо-Западный и Северный фронты, входившие в межфронтовое объединение — Северо-Западное направление под командованием Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова.

Северный фронт был создан 24 июня 1941 года и прикрывал территорию Кольского полуострова, Карелии, а также разворачивал Лужскую оперативную группу (Лужский рубеж) в тылу отступающего на восток Северо-Западного фронта. Так как фронт разворачивался на базе Ленинградского военного округа¹, комфронта стал командующий округом генерал-лейтенант М.М. Попов, а начальником штаба — генерал-майор Д.Н. Никишев.

Северо-Западный фронт, созданный на базе Прибалтийского Особого военного округа, с началом войны вел бои на территории Эстонии, Псковской и Новгородской областей. 2 июля германские войска нанесли контрудар в стык 8-й и 27-й армий и прорвались в направлении Острова и Пскова. За неумелое управление войсками командование Северо-Западного фронта в полном составе было снято со своих постов. С 4 июля в командование фронтом вступил генерал-лейтенант П.П. Со-бенников. Членом Военного совета был назначен корпусной комиссар В.Н. Богаткин, а начальником штаба стал генерал Н.Ф. Ватуин — заместитель начальника Генерального штаба, который находился на фронте с 22 июня 1941 года².

Успехи немецких войск в первые три недели войны привели к тому, что их командование настолько уверовало в слабое сопротивление советских войск, что надеялось, начиная наступление с 10 июля, в 4 дня преодолеть 300-километровое расстояние до Ленинграда. 4-я танковая группа противника с рубежа реки Великая и реки Череха возобновила свое наступление на лужском и новгородском направлениях. Однако уже на второй день наступления командующий 4-й танковой группой генерал Гепнер понял, что на лужском, то есть кратчайшем к Ленинграду направлении, из-за упорного сопротивления русских прорваться без значительных потерь и в короткие сроки не удастся.

Подвижные соединения 41-го моторизованного корпуса 12 июля были остановлены упорной обороной правофланговых соединений 11-й армии Северо-Западного фронта и передовых отрядов войск Лужской оперативной группы юго-западнее Луги. Не сумев прорваться на Ленинград через Лугу, командование 4-й танковой группы повернуло основные силы 41-го корпуса на север с задачей прорваться к Ленинграду через леса западнее Луги и Копорского плато. 14 июля противник вышел к реке Луга в 20—35 км юго-восточнее Кингисеппа и захватил переправы у Ивановского и Сабека. Дальнейшее его продвижение здесь было также остановлено контратаками резервов Лужской оперативной группы, выдвинувшихся к этому времени из Ленинграда.

56-му моторизованному корпусу вермахта из 4-й танковой группы, который действовал против левого фланга Лужской оперативной группы, тоже пришлось пробиваться на восток с боями. На новгородском направлении корпусу генерала Манштейна удалось прорваться вдоль левого берега реки Шелонь и передовыми частями выйти к лужской полосе обороны западнее Шимска.

В связи с тем что 16-я германская полевая армия наступала на Холм и Старую Руссу, между ее соединениями и 56-м моторизованным корпусом образовался 100-километровый

Танки, вперед!

разрыв. Эту брешь советское командование решило использовать с целью срыва наступления врага на Новгород и разгрома прорвавшихся к Шимску частей его 56-го корпуса.

13 июня по приказу Главкома Северо-Западного направления маршала К.Е. Ворошилова часть соединений Северо-Западного фронта (включая три дивизии, переданные из Северного фронта) должны были нанести контрудар с целью разгрома частей 56 мк, прорвавшихся в район юго-западнее Шимска. Командующий Северо-Западным фронтом в своей директиве № 012 от 13 июля приказал войскам 11-й армии генерала В.И. Морозова осуществить задуманный план.

Главной ударной силой операции должны были стать три свежие дивизии, переданные из состава Северного фронта. 70-я стрелковая дивизия генерал-майора А.Г. Федюнина (военком — полковой комиссар Б.О. Галстян) из состава Лужской оперативной группы считалась одной из лучших в довоенном Ленинградском ВО, была прекрасно укомплектована и сколочена. 237-я стрелковая дивизия генерал-майора Д.А. Попова (военком — полковой комиссар Б.С. Давидович), переброшенная из района Гатчины, а также 21-я танковая дивизия полковника Л.В. Бунина (военком — полковой комиссар П.И. Калашников), ранее входившая в состав 10-го механизированного корпуса, тоже привлекались к контрудару.

Для проведения наступления командующий 11-й армией решил создать две группировки: северную — в составе 70-й и 237-й стрелковых и переброшенной сюда 21-й танковой дивизий (120 Т-26, 28 огнеметных — всего 148 танков на 8 июля 1941 года) и южную — в составе 183-й стрелковой дивизии. Войскам были поставлены следующие задачи:

237-й стрелковой дивизии — нанести удар из района Городище, ст. Каменка в юго-западном направлении на Болоцко (фронт наступления — 15 км);

183-й стрелковой дивизии — перейти в наступление с рубежа Илемно, Сухлово (фронт 12 км), нанося удар в северозападном направлении на Замушки, и во взаимодействии

с 237-й дивизией окружить и уничтожить прорвавшиеся в район н/п Сольцы и западнее Шимска части противника (8-я танковая и часть сил 3-й моторизованной дивизий);

70-й стрелковой дивизии — нанести удар из района южнее Любач на юг в направлении н/п Сольцы, рассеять окружаемую группировку противника и во взаимодействии с 237-й и 183-й стрелковыми дивизиями уничтожить ее. Готовность войск устанавливалась на 14 июля.

Таким образом, замысел командующего 11-й армией состоял в том, чтобы ударом по сходящимся направлениям во фланг и тыл противника окружить его войска, рассеять и уничтожить их. С целью не допустить отхода противника на юг за Шелонь командующий армией по южному берегу реки развернул 202-ю моторизованную дивизию. Для обеспечения ударных группировок с запада 237-я стрелковая дивизия должна была одним полком организовать надежное прикрытие со стороны населенного пункта Большой Звад, и 182-я стрелковая дивизия 22-го стрелкового корпуса — перейти в наступление и овладеть городом Порхов.

На этот раз наступление решили прикрыть с воздуха. Авиаподдержку осуществляли четыре авиационные дивизии Северо-Западного и Северного фронтов и 1-й дальний бомбардировочный корпус.

Командир 70-й стрелковой дивизии генерал-майор Федюнин принял следующее решение: ударами с рубежа Пи-рогово, Багрово, Скирино (фронт наступления 17 км) в двух направлениях — Пирогово, Большое Заборовье, Молочково и Скирино, Муссцы, Сольцы — окружить и уничтожить 8-ю танковую дивизию противника. Главный удар планировалось нанести силами двух полков — 68-м и 252-м (на фронте 10 км); третьему — 329-му полку одним батальоном обеспечить правый фланг дивизии, а двумя батальонами составить резерв командира дивизии в готовности для наступления на Сольцы. Глубина задачи 70-й стрелковой дивизии составляла 12 км (ближайшая задача — 8 км, дальнейшая — 4 км).

Танки, вперед!

*

8-я танковая дивизия вермахта на 22 июня 1941 года на вооружении трех батальонов своего 10-го танкового полка имела 49 легких танков Pz.Kpfw.II, 118 машин чехословацкого производства Pz.Kpfw.IV(1), 30Pz.Kpfw.IV, 7 командирских машин Weh. 38(1) и 8 командирских танков на гусеничном шасси немецкого производства³. Конечно, к середине июля ²/₃ этого числа уже была выведена из строя, но германское бронетанковое соединение все равно представляло из себя грозную силу.

Основу нашей 21-й танковой дивизии составляли танки T-26 различных марок: пулеметный двухбашенный T-26 образца 1931 г., пушечный с цилиндрической башней образца 1933 г., пушечные с коническими башнями образцов 1938 и 1939 г.; огнемётные (химические) OT-26, OT-130, OT-133. Читателя, конечно, интересует вопрос: могли ли наши танки на равных сражаться с германской техникой из 8 тд, представленной на этом ТВД? При ответе на этот вопрос необходимо проанализировать ГТХ линейного пушечного T-26, сравнивая его по трем оценочным параметрам: подвижности, защищенности и огневой мощи.

Легкий танк поддержки пехоты T-26, являвшийся «дальним родственником» британской разработки «Виккерс» 6-тонный, по хорошему требовалось снять с производства уже в 1936—1937 годах. Но основательно устаревшую и концептуально (к этому времени уже были созданы пехотные танки с мощной бронезащитой: К-35 и Н-35 во Франции, а также «Матильда I» в Великобритании; впрочем, они отличались крайне архаичным вооружением) и технически машину продолжали выпускать до 1941 года. Начать массовый выпуск танка сопровождения T-50, имевшего броню на уровне среднего T-34, так и не удалось.

С подвижностью, первым из оценочных параметров, у T-26 дело обстояло довольно плохо — он уступал всем танкам вермахта, за исключением чехословацкого 35(1). Последний был вообще близок по своим ГТХ к T-26, поскольку создавал-

ся в рамках той же концепции и по образу и подобию «Вик-керса» 6-тонного.

Защищенность у Т-26 была еще хуже — даже германский Рг.КрГлу.1 (по сути, танкетка с вращающейся башней) имел более толстую броню, чем Т-26. Все остальные немецкие легкие (в том числе и чехословацкого производства) танки

1941 года защищались лобовой броней в 25—30 мм против 15 мм у Т-26, а средние и тяжелые (напомню читателю, что до

1942 года немцы делили танки на классы не по боевой массе, а по калибру артсистемы) — до 50 мм.

Нельзя, впрочем, сказать, что не предпринимались никакие шаги для усиления бронирования Т-26. Введение конической башни (образец 1938 г.), а затем и наклонной брони подбашенной коробки (образец 1939 г.), безусловно, способствовало повышению пулестойкости брони. Но только пулестойкости! От снарядов такая броня по-прежнему не спасала. Кардинальное же усиление бронезащиты было конструктивно невозможно. Неизбежно возраставшую при этом массу не выдержала бы ни ходовая часть, ни двигатель, ни трансмиссия. Масса Т-26 к концу серийного производства и без того возросла до 12 тонн, что самым негативным образом сказалось на его технической надежности.

Пожалуй, только с вооружением у Т-26 было все в порядке. Мощная (для 1941 года) 45-мм пушка в определенной степени компенсировала недостаточность бронезащиты Т-26 и уравнивала его шансы в огневой дуэли с танками вермахта.

Впрочем, отнюдь не недостатки этой боевой машины снижали наши шансы в наметившемся противостоянии. Проблема была в первую очередь в организации боевой деятельности бронетанковых соединений. Достаточно проследить историю использования техники в 21 тд с 22 июня по 13 июля 1941, чтобы понять, почему к началу нашего контрудара дивизия была лишь частично боеспособна¹.

22 июня 1941 года находившийся в местах зимнего расквартирования (управление соединения находилось в г. Пуш-

Танки, вперед!

кин) 10-й мехкорпус РККА, к которому относилась 21-я танковая дивизия, был поднят по тревоге. В этот же день поступило распоряжение: «Выступить своим ходом и сосредоточиться в районе Антреа, Киипен-Йоки, Хейнтъ-Йоки (так в документе. — *Примеч. авт.*). Танковым частям сосредоточиться к 5.00 24.06 (потом этот срок был перенесен на 25 июня. — *Примеч. авт.*), а пехоте — к 5.00 29.06».

21-я танковая дивизия к началу войны дислоцировалась в районе Сертолово, Черная речка, насчитывая в своих рядах 177 линейных Т-26, 38 огнеметных танков на базе Т-26, 9 транспортеров и бронетранспортеров на гусеничной базе Т-26, 41 бронемашину и 417 автомобилей. В первый день войны дивизия выдвинулась маршем по маршруту: Слуцк, Ленинград, Агалатово, Киркомяки, Кивиниеми, Ряйся-ла, Сапрала, Антреа. В 175-километровый путь выступило 160 линейных Т-26, 38 огнеметных танков, 7 гусеничных бронетранспортеров и 39 бронемашин (автомобили пошли другим маршрутом). За 48 часов непрерывного движения со средней маршевой скоростью 4 км/ч, «сжигая» и без того невысокий моторесурс, к 8.00 25 июня 21 тд сосредоточилась в районе Хяньныкиялнниеме, Полила, Иля-Наскуа. Из-за технических неисправностей в пути было брошено 35 танков и одна бронемашина (они подтягивались еще несколько дней подряд. — *Примеч. авт.*).

До 5 июля танки 10-го мехкорпуса поддерживали войска 23-й армии, обороняющей Карельский перешеек. Основу 10 мк составляли 21-я и 24-я танковые дивизии, 198-я моторизованная дивизия, 7-й мотоциклетный полк, 386-й отдельный батальон связи, 2-й отдельный моторизованный инженерный батальон, 65-я полевая касса Госбанка.

С утра 5 июля из оперативного отдела Северного фронта пришло указание: 21 и 24 тд отобрать по 100 танков каждой и подтянуть их к железнодорожным станциям для переброски в район Красногвардейска в резерв фронта. Подобный приказ был обусловлен необходимостью принять меры в связи с угро-

зой прорвавшихся моторизованных соединений противника, которые 4 июля захватили г. Остров.

Такой скороспелый и непродуманный приказ буквально развалил функционирование 10-го мехкорпуса. Командование соединения гадало: надо ли брать штаб корпуса или штабы дивизий, нужно ли с собой брать полки или другие подразделения? Танкисты возмущаясь, говорили, что лучше и целесообразнее было бы отдать приказ о переброске танковых полков в 100 танков. Сюда вошли бы все подразделения полка. Командование, штабы — все материально-техническое обеспечение — было бы уже готово, ранее сколочено. А так мехкорпус «раздваивался» — ведь кому-то нужно командовать и танками, оставшимися в 23-й армии.

Бардак продолжал нарастать. Задержки с погрузкой в эшелоны происходили из-за того, что назначенные к отправке танки вели сражения на Карельском перешейке. Необходимо было выводить их из боя, сосредоточивать и подводить к станциям погрузки. Такие действия были обусловлены идеей оставить перед финскими войсками гораздо более изношенные танки, а относительно новые боевые машины отправлять в район Красногвардейска для борьбы против более сильного противника.

На 7 июля ситуация прояснилась. 10 мк, хоть и чрезвычайно медленно, отправлялся в новый район сосредоточения Луга, Толмачево. А оставшиеся в 23 А танки свели сначала в два, а потом в пять отдельных батальонов. К 18 часам 7 июля все 19 необходимых к отправке эшелонов были загружены и отправлены.

8 июля прибыло и было разгружено всего 6 эшелонов. Из первых двух выгрузившихся эшелонов танковый разгружался 25 минут, а тыловой — около 7 часов. Начальник второго эшелона капитан Е.В. Озеров не организовал разгрузку, и каждое подразделение занималось исключительно своим имуществом. Те, у кого было много людей, закончили работу и пошли спать, в то время как боеприпасы, запчасти к

Танки, вперед!

танкам никто не разгружал. А вышеупомянутый начальник эшелона играл в это время в шахматы. Только когда он был «отловлен» представителем отдела АБТУ Северного фронта, это безобразие с разгрузкой удалось прекратить.

К исходу 9 июля было получено приказание — передать 21 тд Северо-Западному фронту. В 2.30 10 июля соединение было поднято по тревоге, а в 4.30 дивизия прошла Лугу с задачей: следовать по маршруту Луга, Лудомы, Заречье и сосредоточиться в районе Порхова в готовности действовать в псковском и островском направлениях. Дойдя до Заполя, 21 тд получила приказ вернуться обратно. Прodelав 100-километровый марш совершенно впустую, соединение возвратилось на исходные позиции. Несколько ранее пришла шифровка об отправлении ж/д транспортом 24 тд, и поэтому помощник начальника отдела АБТВ капитан Литвинов поехал с этим приказанием в Лугу. Но в штабе Северного фронта опять передумали: теперь уже на новые позиции перебрасывалась 21 тд. И не железной дорогой, а своим ходом. Между тем 24 тд, вытянувшись на ж/д станцию для погрузки, получила приказ оставаться на месте.

В 9 часов 10 июля 21-я танковая дивизия вновь получила указание выступить «по вчерашнему» маршруту. Но в связи с только что проделанным маршем, отсутствием бензина и сильной жарой командир 10 мк решил задержать дивизию до вечера — до 21.00. Надо было заправить танки, провести техосмотр, а тогда выступать. О своем решении он донес в штаб фронта. Сильного противодействия не было, и в 21.00 соединение выступило по ранее указанному ему маршруту.

Во время марша в 21-ю танковую дивизию на самолете был доставлен приказ: с ходу вступить в бой с танками противника, прорвавшимися в 45 км северо-восточнее Пскова. В оперативном отделе СЗФ думали, что она выполняет эту задачу, но соединение ни в какую атаку не ходило, а вернулось в Лугу в соответствии с указаниями из оперативного отдела Северного фронта.

12 июля 21-я танковая дивизия в составе одного танкового полка, 1 мсп, 1 гап и других дивизионных частей и подразделений к 18.30 сосредоточилась в районе Боровичей, где и поступила в подчинение 11-й армии Северо-Западного фронта.

13 июля 21-я танковая дивизия достигла н/п Николаево в 60 км юго-западнее Луги, где по просьбе командира 90 сд была сразу введена в бой с противником, наступавшим вдоль шоссе из Пскова. Комдив Бунин развернул соединение и четыре часа сдерживал противника, тем самым дав возможность 90 сд перейти к обороне и окопаться. Затем командир 21 тд вывел дивизию по маршруту Николаево, Городище, сосредоточив в лесах юго-восточнее Серебрянки все танки. В этот день 21-я танковая дивизия поступила в подчинение командира 1-го мехкорпуса Северо-Западного фронта.

Из этой «хроники неудач» становится понятно, что бронетанковое соединение совершенно не имело времени для подготовки к контрудару. Из-за беспорядочного руководства танкисты были физически измотаны и морально истощены маршами и боями.

И все-таки наступление началось. Уже 14 июля, как самостоятельное, так и поддерживая части 237-й и 70-й стрелковых дивизий, танкисты на своих легких машинах нанесли контрудар. Особенный ужас на врага наводили огнемётные танки, действовавшие во втором эшелоне по уничтожению тылов противника. В основном это были новейшие ХТ-133, строившиеся на шасси Т-26 образца 1939 года с наклонной установкой бронелистов подбашенной коробки и конической башней.

Танк нес огнемётное оборудование КС-25 (дальность огнемётания 45—50 м; число выстрелов — 40; за один секундный выстрел огнемёт выбрасывал до 9 литров огнесмеси из мазута и керосина) и 2 пулемета ДТ — спаренный в единой маске с огнемётом и в шаровой установке в корме башни. Башня ХТ-133 также была смещена вправо, а слева смонти-

Танки, вперед!

ровали резервуар на 400 л, баллоны и другие элементы огнеметной аппаратуры. Так же как и другие огнеметные танки, ХТ-133, пошедший в производство с сентября 1939 года, не оборудовался радиостанцией, но некоторые машины получили экранировку из дополнительных 30—40 мм броне-листов.

Когда огнеметные танки использовались по своему прямому назначению, противник обращался в бегство. В одной из атак, завидев ХТ-133, немецкие войска поспешно отступили, оставив нам в качестве трофеев несколько десятков автомашин с горючим и боеприпасами.

После 16-часового боя 70-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 237-й стрелковой дивизией 15 июля сломила сопротивление врага и отрезала ему пути отхода на запад. 17 июля части дивизии овладели городом Сольцы.

180-я эстонская стрелковая дивизия 15 июля нанесла удар в северном направлении из района Дно на Ситню. В течение двух следующих дней она продвинулась на 20—25 км, захватила пленных и трофеи и вышла на южный берег реки Шелонь. В то же время 183-я латышская (временно подчиненная эстонскому корпусу) и 182-я эстонская стрелковые дивизии сдерживали натиск врага с запада, прикрывая левый фланг корпуса.

В четырехдневных боях 8-я танковая дивизия и инженерный полк противника были разгромлены. Хотя 8-й дивизии и удалось вырваться из окружения, но для восстановления ее боеспособности потребовался целый месяц, так как советскими войсками было уничтожено около 50 немецких танков 8 тд, стоявших без бензина и ожидающих заправки. Части 56-го моторизованного корпуса были отброшены на 40 км к западу. Большие потери понесли тылы корпуса.

Германское командование, напуганное контрударом советских войск, 19 июля приказало прекратить наступление на Ленинград и возобновить его только после того, как к реке Луга подойдут основные силы 18-й армии.

В книге «Утерянные победы» генерал Манштейн писал: «Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным... Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения»⁵.

Одной из причин успеха контрудара 11-й армии было возросшее умение наших командиров частей и соединений находить и использовать в своих интересах слабые стороны наступательной тактики врага. Противник прорывал нашу оборону на узком фронте, глубоко вклинивался своими подвижными соединениями, преимущественно вдоль дорог, слабо обеспечивая фланги и тылы своих ударных группировок. Удар войск 11-й армии был нанесен с учетом этой тактики врага, то есть во фланг и тыл по прорвавшимся частям противника, в результате они были отрезаны от основных своих сил и разгромлены.

Однако следует отметить, что наши дивизии получали слишком широкие полосы наступления, имели неглубокое построение боевых порядков и не имели достаточных резервов. В силу этого они не могли в ходе наступления своевременно наращивать силы, а потому темпы их наступления были низкими.

Но локальная победа имела и обратную сторону. Бросая в бой указанные соединения, маршал К.Е. Ворошилов одновременно лишил себя единственного боеспособного резерва. И когда германские войска в составе более двух полноценных корпусов перешли в наступление на новгородском направлении, им противостояла только вновь сформированная из «остатков» 70, 128, 237, 1-й горнострелковой дивизий, 21-й танковой (уже практически без танков!) дивизии 48-я армия, имевшая всего 6235 человек личного состава, 5 тыс. винтовок, 104 пулемета и 31 орудие*.

Дальнейшее известно: имея «такого противника», ударная подвижная группировка 16-й немецкой армии не только заняла Новгород, перерезала все магистрали Москва — Ле-

Танки, вперед!

•

нинград, но и вышла в конце августа на ближние подступы к Ленинграду (именно тогда Северный фронт был разделен на Карельский и Ленинградский; реорганизация произошла 23 августа. — *Примеч. авт.*), а в начале сентября замкнула кольцо блокады города. Так тактическая победа обернулась стратегическим поражением.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ:

¹В соответствии с директивой Генштаба в июле 1941 года вновь было сформировано управление Ленинградского военного округа. Задачи округа: подготовка резервов, формирование и обучение частей и соединений. Командующим войсками округа был назначен генерал-лейтенант Т.И. Швалдин, начальником штаба — генерал-майор А.И. Субботин. В августе 1941 года управление округа было расформировано.

²Великая Отечественная война 1941 — 1945. Военно-исторические очерки. М., Библиотека/Мосгорархив, 1995, кн. 1, с. 118.

³*ТНотаз Б.ЛеШг. РапгеПгирреп 1933—1942. ЗсьШег МШБагуНиИюгу*, 1996, р. 191.

⁴ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 80038 ее, д. 22, лл. 17—86.

⁵*Маништейн Э. Утерянные победы*. Пер. с нем. М., 1957, с. 181.

⁶*Барбашин И.П., Кузнецова А.Н., Морозов В.П. и др. Битва за Ленинград. 1941—1944*. М., 1964, с. 60.

ТАНКИСТЫ МАРШАЛА КУЛИКА

Германское руководство, по достоинству оценивая успехи немецких войск на северо-западном ТВД, стремилось придать операции по захвату Ленинграда не только военное, но и политическое значение. 21 июля 1941 года во время посещения группы армий «Север» Гитлер говорил, что Ленинград является одним из символов большевистской революции и что «дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить катастрофа». 12 августа в дополнении к Директиве ОКВ № 34 было записано: «До начала наступления на московском направлении следует завершить операции против Ленинграда». Таким образом, судьбу города на Неве нацисты намеревались решить в ближайшие недели. Осталось только претворить планы в жизнь.

Когда германские войска захватили Мгу и вышли к Неве у ее излучины, а финская армия пробилась к реке Сестре, в немецкой ставке посчитали, что Ленинград можно будет взять буквально в течение нескольких дней. Нацисты были так уверены в его захвате, что уже назначили своего коменданта города. А этот инициативный и исполнительный немец (порядок же прежде всего. — *Примеч. авт.*) поспешил заготовить и раздать высшим чинам группы армий «Север» специальные пропуска на автомашины для проезда по Ленинграду.

Верховное германское командование настолько было уверено в быстром падении города на Неве, что на совещании

генералитета 4 сентября Гитлер заявил о достижении немецкими войсками своих целей под Ленинградом (а через день он подписал директиву о подготовке генерального наступления на Москву. — *Примеч. авт.*). После этого совещания 5 сентября в дневнике у начальника генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) генерала Гальдера появилась следующая запись: «1. Ленинград. Цель достигнута. Отныне район Ленинграда будет второстепенным театром военных действий»¹. Также «всегерманский фюрер» распорядился, чтобы командование группы армий «Север» не позднее 15 сентября передало группе армий «Центр» часть находящихся у него в распоряжении танковых, механизированных и авиационных соединений.

Но, как показали последующие события, германское командование переоценило возможности своих войск.

Политическое руководство страны и защитники города (в отличие от руководства Генштаба РККА и Ленинградского фронта) в большинстве своем в августовский период и не помышляли о возможности того, что «колыбель большевистской революции» может быть так быстро сдана врагу.

Учитывая угрозу продвижения противника к востоку от Волхова и необходимость восстановления связи с Ленинградом, 2 сентября 1941 года Ставка ВГК издает директиву № 001563 о формировании 54-й армии и ее задачах. Вновь формируемое объединение сосредоточивается в районе Новая Ладога, Волховстрой, Городище, Тихвин и подчиняется непосредственно Верховному Главнокомандованию. Руководство 54-й армией возлагалось на героя Гражданской войны, бывшего заместителя наркома обороны, маршала Г.И. Кулика. Начальником штаба армии был назначен начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта генерал-майор А. В. Сух ом лин.

В самом руководстве Ленинградского фронта, который в начале сентября отбивался от немецко-финских войск сразу на четырех направлениях, также произошли изменения. В связи с ликвидацией Северо-Западного направления 5 сентября

Танки, вперед!

комфронта стал товарищ Кулика по Гражданской, бывший нарком обороны Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов (возможно, Сталин полагал, что двум боевым соратникам при налаживании взаимодействия будет легче достигнуть положительного результата. — *Примеч. авт.*).

54-я отдельная армия под командованием Маршала Советского Союза Г.И.Кулика начала свое срочное формирование со 2 сентября 1941 и предназначалась для действий на северо-западном ТВД. Предполагалось, что основной задачей 54 А должно было стать преграждение дороги на восток немецким соединениям, «оседлавшим» Октябрьскую магистраль и вышедшим на ближние подступы к Ленинграду в районе Колпина.

В новое армейское объединение, формировавшееся на базе управления 44-го стрелкового корпуса, первоначально предполагалось включить 285, 286, 310, 314-ю стрелковые (все из 52 А) и 27-ю кавалерийскую дивизии, 122-ю танковую бригаду, 119-й танковый батальон (в боевых действиях сентября 1941 года не участвовал, вероятно, охранял штаб 54-й отдельной армии. — *Примеч. авт.*), 881, 882, 883-й корпусные артполки, другие части и подразделения.

Но занятие 39-м моторизованным корпусом вермахта Мги и тем самым прерывание последней железнодорожной связи Ленинграда со страной заставили Ставку изменить задачи армии. Согласно директиве Ставки от 2 сентября, уже 6 сентября 1941 года 54 А силами одной стрелковой дивизии при поддержке танковой бригады, наступая вдоль железной дороги Волхов — Мга, должна была овладеть станцией Мга и не дать нацистам возможности осуществлять блокаду Ленинграда.

54-ю отдельную армию стали срочно усиливать. В ее состав передали соединения и части реорганизуемой 48-й армии, а также резервы для этого объединения: 1-ю стрелковую дивизию войск НКВД и прибывшую 5 сентября из резерва Ставки 286-ю стрелковую дивизию. Видимо, также из резер-

ва, в 54 А несколько позже передали 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии Красной армии. Только что назначенный командующим 48-й армией генерал-лейтенант М.А. Антонюк в связи с расформированием армии был переведен командующим оперативной группой в составе 54-й отдельной армии — ее ударным «кулаком» в будущем наступлении.

Фактически первые свои контрудары по врагу 54-я армия стала наносить со дня формирования штаба — 7 сентября 1941 года. Да по-другому и быть не могло: Сталин надеялся, что бывшие герои Гражданской войны не подведут его на самых опасных участках советско-германского противостояния, тем более что значительная и более образованная часть руководства Красной армии уже была уничтожена вождем во время «чисток» конца 30-х годов.

Григория Ивановича Кулика репрессивная машина не коснулась. Сложно объяснить, почему так произошло, но, скорее всего, перипетии его судьбы напрямую связаны с биографией и психологическими особенностями характера нашего героя.

Итак, Г.И. Кулик родился 28 октября (9 ноября) 1890 года на хуторе Дудниково Полтавской области в Малороссии (ныне Украина). Все его образование составили двухклассное училище в 1904 году и ознакомительные военные курсы советского периода: ВАК высшего комсостава РККА в 1924 году, особая группа Военной академии им. М.В. Фрунзе с 1930 по 1932 годы. Так как военную службу в царской армии (с ноября 1912 года) он начал рядовым в артиллерии эта «специализация» закрепилась за ним и в рядах РККА.

Во время Гражданской войны территория Малороссии прославилась тем, что дала стране не столько героев белого и красного движений, сколько различных банд и локальных режимчиков, постоянно дравшихся между собою и решавших проблемы собственного материального обогащения. Тем ценнее был для революции Кулик, который уже в ноябре 1917-го стал «организатором и командиром красногвардей-

Танки, вперед!

ского отряда в районе Полтавы». Затем он занимал в Красной армии несколько различных должностей, но карьеру его определила служба начальником артиллерии 10-й армии при обороне Царицына (1918—1919) и Первой Конной армии (июнь 1920 г. — июль 1921 г.), где он близко познакомился со Сталиным, Ворошиловым, а затем и с Буденным.

Однако до 1937 года судьба не особо баловала Григория Ивановича карьерным ростом. Только после начала массовых репрессий в РККА командир-комиссар 3-го стрелкового корпуса Красной армии вдруг неожиданно в мае 1937 года назначается начальником артиллерийского управления РККА. В условиях продолжающихся репрессий влияние Кулика постепенно растет. Уже с января 1939 года его должность стала именоваться иначе — заместитель народного комиссара обороны СССР и начальник Главного артиллерийского управления (на этой должности он находился по август 1941 года. — *Примеч. авт.*). Тут же как из «рога изобилия» посыпались награды — 3 ордена Ленина (в 1937, 1938 и 1940 годах), звание Героя Советского Союза (указ от 21 марта 1940 года). Звание Маршала Советского Союза Г.И. Кулик получил 7 мая 1940 года².

Что же это был за человек? В целом его можно охарактеризовать как достаточно типичного советского управленца конца 30-х годов. В этот период Сталин руководил различными сферами жизни Советского Союза практически единолично, поэтому ему были нужны помощники-исполнители умеренно компетентные для претворения его решений в жизнь, но ограниченно образованные (или не имеющие соответственного политического веса) для реализации собственных идей общественного мироустройства. Григорий Иванович с его двухклассным образованием (а ведь мировоззрение формируется прежде всего в семье) в эту схему вписывался идеально.

Создатель знаменитой дивизионной пушки ЗиС-3, известнейший отечественный артиллерийский конструктор В.Г. Грабин, сам обладавший сложным характером, так пи-

сал о своих взаимоотношениях с Куликом: «Нужно отдать ему должное. Властность и нетерпимость не исчерпывали характер Кулика. В отличие от некоторых своих подчиненных он не боялся ответственности и порой, исходя из своего собственного понимания интересов дела и задач повышения обороноспособности страны, принимал решения более чем рискованные»³.

За время его руководства артуправлением, несмотря на многочисленные скандалы и нервозность взаимоотношений армии и промышленности, наша артиллерия достаточно интенсивно развивалась. За короткое время были разработаны и приняты на вооружение: 76,2-мм дивизионная пушка образца 1939 г. (Ф-22УСВ), 107-мм корпусная пушка образца 1940 г. (М-60) и 210-мм пушка образца 1939 г. (Бр-17), 280-мм мортира образца 1935 г. (Бр-5) и 305-мм гаубица образца 1939 г. (Бр-18).

Важнейшим достижением, в том числе и Кулика, следует считать усовершенствование и полное освоение поступивших в войска перед войной минометов: 50-мм ротных образца 1938 г. и образца 1940 г., 82-мм батальонного образца 1937 г., 107-мм горновьючного образца 1938 г. и, наконец, одного из лучших в мире 120-мм полкового миномета образца 1938 г. В 1939—1940 гг. завершилась разработка и было налажено производство новых артиллерийских боеприпасов различного назначения. Войска начали получать новые приборы наблюдения, управления огнем, подготовки исходных данных для стрельбы. Была создана и полевая реактивная артиллерия (артиллерия залпового огня). Каждая такая боевая установка, самая распространенная версия которой имела индекс БМ-13 и название «Катюша», залпом за 8—10 секунд выпускала 16 снарядов калибра 132 мм, а батарея из 4 установок — 64 снаряда. Серийное производство реактивных снарядов и боевых установок началась за несколько дней до начала войны⁴.

Кто-то может возразить, что вся эта положительная работа была проведена вопреки мнению Кулика, и только личное

Танки, вперед!

вмешательство Сталина позволило внедрить в РККА новые образцы артвооружений. Наверное, такие доводы не лишены оснований. Но весь объем проведенной деятельности не мог быть проконтролирован вождем, поэтому даже «исполнительский» вклад начальника артуправления в дело развития орудий и минометов в предвоенные годы довольно значителен.

Решения Кулика часто давали веские основания для критики. Дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза А.М. Василевский в своих воспоминаниях «Дело всей жизни» отмечал: «Генеральный штаб и лица, непосредственно руководившие в Наркомате обороны снабжением и обеспечением жизни и боевой деятельности войск, считали наиболее целесообразным иметь к началу войны основные запасы подальше от государственной границы, примерно на линии реки Волги. Некоторые же лица из руководства наркомата (особенно Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис и Е.А. Ща-денко) категорически возражали против этого. Они считали, что агрессия будет быстро отражена и война во всех случаях будет перенесена на территорию противника. Видимо, они находились в плену неправильного представления о ходе предполагавшейся войны. Такая иллюзия, к сожалению, имела место».

Очевидно, что подобное поведение связано со многими причинами: наивной верой в сталинские идеи, узким историко-политическим кругозором и слабым представлении о военном потенциале нацистской Германии.

В августе 1941 года, вслед за своими соратниками по Первой Конной К.Е. Ворошиловым и СМ. Буденным, Маршал Советского Союза Г.И. Кулик был отправлен на фронт реализовывать свой обширный опыт гражданских войн в России и в Испании (его псевдоним там был генерал Купер). Участие в нескольких военных кампаниях само по себе является «капиталом», поэтому предполагалось, что 54-я отдельная армия выполнит поставленную ей важнейшую задачу и не даст не-

мецкому командованию окружить и изолировать Ленинград от остальной территории Советского Союза.

Пока формировался штаб 54А и определялись задачи переподчиняемым соединениям, боевые действия на мгинском направлении не прекращались ни на минуту. 20-я моторизованная дивизия из 39-го корпуса вермахта продолжала рваться вперед, расширяя свой контроль над участком у излучины Невы и далее по южному берегу Ладожского озера. С 1 по 6 сентября 1-я стрелковая дивизия войск НКВД полковника СИ. Донскова и 1-я горнострелковая бригада, поддерживаемые огнем крейсера «Максим Горький» и эсминцами «Строгий» и «Стройный», стрелявших с Невы, отражали непрерывные вражеские атаки в районе Мги. Усилив свою группировку тапками, противник при мощной поддержке авиации нанес удар в северном направлении и 8 сентября захватил Шлиссельбург (впоследствии Петрокрепость), блокировав Ленинград с суши. С этого дня сообщение города со страной стало возможным только через Ладожское озеро и по воздуху. 8 сентября также официально считается началом 900-суточной Ленинградской блокады⁵.

В этот же день Гальдер записал в свой дневник: «Корпус Шмидта занял Шлиссельбург. Финны подошли к Лодейному полю». Действительно, между немецкими и финскими армиями лежало расстояние всего в 60 км. Однако преодолеть его врагу так и не удалось: все попытки немцев переправиться через Неву были отбиты 1-й дивизией НКВД и частями 115-й стрелковой дивизии (в ночь на 4 сентября была переброшена из резерва фронта в район деревни Манушкино) генерал-майора В.Ф. Конькова; финны не смогли взять Карельский укрепленный район 23 А.

Но положение было очень тяжелым, тем более что с 4 сентября противник начал обстреливать Ленинград из дальнобойных орудий.

Уже 10 сентября после двух-трех дней советской активности в дневнике начальника главного штаба сухопутных

Танки, вперед!

войск (ОКХ) генерала Гальдера появляется следующая запись: «...южнее Ладожского озера атаки противника и ожесточенные бои»⁶.

Развертывание двух новых советских армий (54-й и 52-й) к востоку от реки Волхов не стало секретом для германского командования. Так, в «летописи» генерала Гальдера за 11 и 12 сентября появились следующие фразы:

«Севернее ж/д магистрали Москва — Ленинград отмечены две новые армии»;

« В районе нижнего течения р. Волхов замечены бивачные костры и передвижение войск противника»⁷.

Естественно, германское командование стало принимать контрмеры и усилило свою группировку войск.

Ударным «кулаком» наступающей группировки — а она называлась Оперативной группой войск под командованием генерал-лейтенанта Антонюка, являлась 122-я танковая бригада. Это соединение было сформировано по штату № 010/78, утвержденному 23 августа 1941 года. Оно состояло из одного танкового полка трехбатальонного состава, мотострелкового батальона и пяти отдельных рот. Всего в отдельной бригаде насчитывалось 93 танка — 7 КВ, 22 Т-34, 64 Т-30/Т-40С. В 122 тбр имелось 92 танка (не хватало одного штатного Т-40С). Но даже в таком «усеченном виде» подобная бригада по своей боевой мощи была эквивалентна танковой дивизии вермахта. Только 6 сентября 122 тбр (командир — подполковник М.И. Рудой) прибыла на станцию Войбокало под разгрузку, а на следующий день наши войска уже атаковали врага⁸.

Фронт 54-й армии протянулся на 35 км — от деревни Липки, что находилась между Старо- и Новолодожскими каналами, до Пчевы, что в 12—13 км севернее Киришей⁹. Ударная группа под командованием генерал-лейтенанта Антонюка состояла из 128, 310-й и 286-й стрелковых дивизий, 1-й горнострелковой бригады, а также частей 3-й и 4-й гвардейских стрелковых дивизий. 128, 311 сд, 21 тд без танков, 1 гсбрбыли переданы в 54 А из 48-й армии и «представляли из себя нуме-

рацию и только». Их наскоро пополнили л/с и командирами и снова ввели в сражение. Остальные соединения оперативной группы Антошока были достаточно неплохо укомплектованными. Танки 122 тбр придавались пехотным соединениям мелкими группами в пределах численности взвода.

По докладам Г.И. Кулика стало известно, что против частей 54-й армии действовали с севера 20-я моторизованная, 12-я танковая (район Мги), 21-я пехотная (южнее Мги) дивизии и что в район Турышкина прибыла 8-я танковая дивизия вермахта.

Совокупно на этом участке германские войска имели около 250 танков¹⁰. В 12 тд на 26 августа 1941 года было 96 боеспособных танков: 7 Рг. Кр?[?]у.1, 25 Рг. Кр1\у.П, 42 Рг. Кр1\у.38 (1), 14 Рг. Кр1\у.1У и 8 командирских машин. 8 тд на 10 сентября 1941 года имела 154 боеспособных танка: 8 Рг. Кр**^{*}.1, 36 Рг. КрБт.П, 78 Рг. Кр1^[^].38(Б), 17 Рг. КрБ/ЛУ и 15 командирских машин. Выполняя собственную задачу по недопущению прорыва войск 54-й армии, немецкое командование группы армий «Север» разворачивало на этом участке в составе 16-й полевой армии вермахта 39-й моторизованный (в различных советских и зарубежных изданиях нередко германские моторизованные корпуса именовались танковыми. — *Примеч.. авт.*) корпус. Стратегические маневры сторонами были выполнены, началось банальное тактическое противоборство.

7 сентября 122 тбр прибыла в район действий 54-й отдельной армии. Только танкисты разместились и замаскировались, пришел приказ — батальону средних танков Т-34 уничтожить «30 прорвавшихся на путиловском направлении танков противника». Причем генерал-лейтенант Антонюк прибыл на КП бригады и отдал этот приказ лично".

Спешно организовав разведку и боевое охранение, батальон выдвинулся искать врага, но немцев на указанном участке не было. Как впоследствии выяснилось, никакого прорыва танков противника не имелось вовсе. Зато наши

Танки, вперед!

танкисты обнаружили себя, и вражеская авиация в течение 9 сентября методично и беспрерывно бомбила расположение танкового полка бригады. К счастью, потерь в материальной части бригада не имела, а убитых было всего двое.

10 сентября войска 54-й армии начали наступление. В нем участвовали 128, 310, 286-я стрелковые дивизии, 1-я горно стрелковая бригада, 3-я и 4-я гвардейские дивизии Красной армии. Все эти соединения усилили небольшими группами танков (не более взвода) из 122-й танковой бригады. Доводы комбрига о неправильном использовании танковой бригады с дроблением соединения на мелкие «отряды» до двух танков включительно генерал-лейтенантом Антонюком во внимание не принимались. Маршал Г.И. Кулик, также присутствующий при этом разговоре, прекратил прения, сказав: «Снимем танки, не устоит пехота»¹².

В наступлении на Синяино танки с пехотой использовались в составе трех эшелонов. Пехота скрытно преодолела полосу охранения и расположилась вблизи главного узла сопротивления — н/п Гонтовая Липка. После того как артиллерия и реактивные минометы М-8 произвели огневой налет, красноармейцы при поддержке танков бросились в атаку.

В этот день удача сопутствовала нашим войскам. Боевые машины 122-й танковой бригады, уничтожив противника в Гонтовой Липке, освободили Рабочий поселок № 7, который и удерживали самостоятельно в течение трех часов, пока танковые командиры не организовали наступление пехоты из 128-й стрелковой дивизии, остановившейся в километре от Рабочего поселка № 7.

11 сентября наши войска закреплялись на достигнутых рубежах и пытались уяснить обстановку на вверенном им участке фронта. В этот день лично генерал-лейтенант Антонюк послал в разведку 2 тяжелых танка КВ. Последние выдвинулись по лесной дороге Вороново — Турышкино и пропали. Вторая группа из двух Т-34, также отряженная для выполнения разведки Антонюком, выдвинулась для оценки

• обстановки по дороге Вороново — Карбусель. Из этого отряда только на 5-й день после убийства вернулся один танк. Оказалось, что группа из двух Т-34 наткнулась на противника и приняла неравный бой. Причем в штабе генерал-лейтенанта Антонюка к утру 12 сентября уже были сведения, что два наших танка в районе н/п Карбусель разгромили до роты противника и ведут бои в окружении, так как один из танков был подбит, а другой экипаж прикрывал товарищей. Но штаб группы немедленно этих сведений в АБТВ или бригаду не передал и сам не организовал помощи по выводу «тридцатьчетверок» из окружения.

12 августа случилась новая беда. Германские войска атаковали наши позиции на различных участках и на одном из них добились успеха. После их дальнейшего давления на нашу оборону случилась катастрофа — полностью разбежались два полка 286-й стрелковой дивизии. Войдя в прорыв, пехота и батальон танков врага последовательно захватили деревни Вороново, Поречье, Хандрово. Маршал Кулик приказал начальнику АБТВ полковнику Старо-кошко восстановить положение. Для контрудара выдвинулись 3 КВ и 8 Т-34, на которых разместились две роты мотострелково-пулеметного батальона бригады, а также бронепоезд № 82.

Взаимодействие было организовано в течение 20 минут по следующей схеме: короткий огневой налет бронепоезда и танков с места, атака двух рот мотопехоты с разных направлений совместно со взводом танков.

Успех наших войск был полным. Батальон пехоты противника был частично перебит, частично разбежался. Только на поле боя наши войска захватили 21 легкий и средний танк врага. Так как контратака 122 тбр началась в 18.30, преследование противника шло до наступления темноты и закончилось захватом Хандрово и аэродрома. 13 сентября была проведена аналогичная операция, но с меньшими трофеями, по овладению Гайтолово¹³.

Танки, вперед!

•

По итогам четырех дней боев можно сделать вывод: войска 54 А сражались в общем-то неплохо (только 122 тбр за эти бои наградили 24 человека), а руководство армией достаточно твердо руководило вверенным ему объединением.

Между тем катастрофическая ситуация складывалась по периметру обороны Ленинграда. Наши войска оставляли одну оборонительную линию за другой, и кольцо вокруг города сжималось. Казалось, еще день, и город будет сдан.

Вот в такой сложнейшей обстановке Ставка ВГК, убедившись в неспособности комфронта выправить положение, вечером 11 сентября издала директиву об освобождении маршала Ворошилова от обязанностей командующего Ленинградским фронтом и назначении на эту должность генерала армии Г.К. Жукова (с освобождением последнего от обязанностей командующего Резервным фронтом). Начальником штаба Ленинградского фронта назначался заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант М.С. Хозин.

Такая рокировка последовала не случайно. Жукова вместе с группой опытных генералов (М.С. Хозин, И.И. Федюнинский, П.И. Кокорев и др.) прислали в Ленинград для буквального спасения города. Позднее Георгий Константинович вспоминал, что «... всю ночь с 10 на 11 сентября мы провели с А.А. Ждановым, К.Е. Ворошиловым, адмиралом И.С. Исаковым, начальником штаба фронта, некоторыми командующими и начальниками родов войск фронта, обсуждая дополнительные меры по мобилизации сил и средств на оборону Ленинграда»¹⁴.

13 сентября передававший дела К.Е. Ворошилов связывался с Куликом. При разговоре присутствовал и Жуков. Кулик проинформировал Ворошилова о том, что его 54-я армия четыре дня вела ожесточенные бои с противником, имея продвижение в среднем на 2—3 км. Район Синявина и Рабочие поселки № 5 и № 1, по словам командарма 54, были сильно укреплены, и он проводил перегруппировку войск для нового наступления.

Во время этого разговора К.Е. Ворошилов сообщил, что рядом с ним находится новый командующий Ленинградским фронтом Жуков и начальник штаба Хозин, «оба вчера прибывшие в Ленинград» (?), и он от лица всех троих советует Кулику «мощным ударом опрокинуть противника на вашем левом фланге и, овладев Шлиссельбургом, бить врага в направлении Мга и далее за Запад».

Без сомнения, это был «жуковский» план. Но поскольку Кулик был ему не подчинен, генерал армии Г.К. Жуков мог только просить маршала о согласованных действиях. Так и не дождавшись какой-либо активности в течение 14 сентября, в ночь на 15 число Жуков сам позвонил Кулику.

После взаимного информирования об обстановке на Ленинградском фронте и положении 54-й армии Георгий Константинович в твердом, «жуковском», тоне сказал: «Григорий Иванович, спасибо за информацию. У меня к тебе настойчивая просьба — не ожидать наступления противника, а немедленно организовывать контрподготовку и перейти в наступление в общем направлении на Мгу».

В ответ на возражения Кулика, что ему надо подтянуть артиллерию, проработать на месте взаимодействие, вывести все части на исходные позиции, а поэтому в наступление 54-я армия сможет перейти только 16—17 сентября, Жуков ответил: «Я понимаю, что у вас большие заботы о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом... Для меня ясно, что я рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не должен. Буду решать задачу сам»¹⁵.

Так как Жуков несколько раз в сутки докладывал о положении Ленинграда в Ставку, там, видимо, по его просьбе, тоже решили поторопить Кулика, одновременно донельзя упростив ему задачу. 16 сентября Г.И. Кулик получает от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина и начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова новое указание. Сообщив, что они изучили его предложение о нанесении удара

Танки, вперед!

сначала на Шлиссельбург, затем о выходе на реку Мга, Сталин и Шапошников считали, «что вам необходимо оставить заслон со стороны Шлиссельбурга, главными силами ударить в направлении станции Мга, прикрывшись одновременно на своем левом фланге со стороны Шапки, Сологубовка. И не задерживать подготовку к наступлению, а вести его решительно, дабы открыть сообщение с Жуковым».

Что оставалось делать Кулику? Только «щелкнуть» каблуками и ответить: «Главный удар наносит тремя дивизиями и горнострелковой бригадой в направлении Мги, прикрываясь справа в направлении Шлиссельбурга, обеспечивая себя слева в направлении Турышкино».

Одновременно Кулик информировал Ставку, что, по сообщению штаба Карельского фронта, «противник форсировал р. Свирь в районе Подпорожье и захватил железнодорожный мост через р. Свирь... Противник также навел мост через реку Важенка у устья» (примерно 12—15 км от Подпорожья, вниз по течению реки Свирь. — *Примеч. авт.*).

В заключение разговора начальник Генштаба Б.М. Шапошников сообщил, что 54-я армия получает из Калинина еще две боевые дивизии после укомплектования (возможно, это и есть ранее указанные 3-я и 4-я гвардейские стрелковые дивизии. — *Примеч. авт.*), а И.В. Сталин обещал «в случае прорыва или обхода обороны Мги» дать «от нас две кадровые дивизии и, может быть, новую танковую бригаду» (16-я танковая бригада. — *Примеч. авт.*).

Видимо, наступление опергруппы генерал-лейтенанта Антонюка (128, 310, 286 сд; 1 гсбр; 3, 4 гв. сд; 122 тбр) началось 17 сентября 1941 года. Наступавшие войска поддерживали артиллерийским огнем бронепоезда № 60 и № 82 (последний из состава войск НКВД). Атакуя, наши танки строились в специальный боевой порядок — «углом вперед», дающий хорошие результаты при прорыве германской обороны: впереди шли «прорывные» 1—2 КВ, за ними 3—4 Т-34, а фланги на «расширении угла» охраняли 5—6Т-30/Т-40С. Бронепоезда

придавались стрелковым соединениям, наступавшим вдоль железной дороги¹⁶.

Однако немецкие войска оказывали ожесточенное сопротивление. У них было достаточно много противотанковой артиллерии, и они уничтожили советские танки, в том числе и тяжелые КВ, «термитными» (кумулятивными) снарядами. Авиация врага непрерывно бомбила наши боевые порядки и нанесла существенный урон танкистам и бронепоездам (было разбито два бронепаровоза и одна бронеплощадка).

20 сентября маршал Г.И. Кулик сообщал в Ставку, что целый день вел бой за взятие Синявино и Вороново, и что противник контратакует. По его словам, враг заменил 20-ю моторизованную и 21-ю пехотную дивизии на «свежие» 126-ю и 122-ю дивизии и отдельную бригаду, которые дерутся лучше. По советским оценкам, их поддерживали до 100 самолетов люфтваффе.

И здесь Григорий Иванович впервые категорически высказывает свое мнение, во многом определившее, по-видимому, его дальнейшую военную карьеру: «Докладываю, что наличными силами, без ввода новых частей, станцию Мга не взять. За 4 дня боев у нас убыло около 10 тысяч убитыми и ранеными. Поэтому я сегодня приказал закрепиться на существующих позициях, зарыться в землю».

Между тем в это же время Г.К. Жуков продолжал активно действовать. В ночь на 20 сентября части 115-й стрелковой дивизии генерал-майора В.Ф. Конькова и 4-й бригады морской пехоты генерал-майора В.Н. Ненашева форсировали Неву, захватили на ее левом берегу плацдарм в районе поселка Московская Дубровка. Так возник легендарный впоследствии «Невский пятачок».

Быстро продвигаясь на восток, к Синявину, указанные части должны были соединиться с войсками 54-й армии и тем самым деблокировать Ленинград.

Уже на второй день нашего наступления противник при поддержке танков и авиации начал контратаковать смельча-

Танки, вперед!

ков, засыпая их градом мин и снарядов. В отдельные периоды защитники «Невского пяточка» отражали по 12—16 контратак противника в день. На них обрушивалось до 50 тысяч снарядов, мин и авиабомб в сутки. Лишенные поддержки танков, надлежащего авиационного прикрытия и налаженного взаимодействия с артиллерией, высадившиеся на левый берег части несли большие потери.

Для упорядочения организации сил на «пяточке», координации усилий наших войск 22 сентября учреждается Невская оперативная группа (НОГ) под командованием генерал-майора В.Ф. Конькова. 22—23 сентября активные наступательные действия опять начала 54-я армия, которой сначала сопутствовал успех. Так, 24 сентября 310-й стрелковой дивизии под командованием полковника Н.М. Зами-ровского при решительной поддержке подразделений 122-й танковой бригады удалось отбить у немцев утерянный ранее поселок Гайтолово — важный в тактическом плане пункт вблизи восточного склона Гайтоловских высот — и оттеснить противника за речку Черную.

Как раз в это время в состав 54 А прибывает обещанная Сталиным 16-я танковая бригада. В отличие от 122-й это соединение было организовано по «усеченному» штату № 010/87 от 13 сентября 1941 года, согласно которому танковый полк состоял из двух батальонов и имел 61 танк (7 KB, 22 Т-34, 32 легких танка, в данном конкретном случае ВТ). Но из-за нехватки боевых машин во 2-м батальоне танкового полка легкие танки БТ-7/БТ-7М на 50 % были заменены на отремонтированные БТ-2 и БТ-5. Бригаду, сформированную во Владимире, сначала возглавлял подполковник Пибин.

25 сентября 16 тбр выгрузилась на станции Войбокало и стала сосредотачиваться в районе н/п Бабаново, Вейпола, Компы. В этот же день ей было приказано поддержать огнем 4-ю гвардейскую дивизию, которая контратаковала германские соединения, прорвавшиеся в район Гонтовой Липки и н/п Синявино.

И тут с 16-й танковой бригадой стали происходить мало-объяснимые вещи. В отчете о боевой деятельности танковых войск 54-й армии прямо сказано: «Были факты перед вступлением в бой: отказы экипажей участвовать в бою по причине неисправности танка, умышленное сворачивание с дороги в болото при следовании на исходные позиции, трусость и невыполнение приказа командующего бывшим командиром бригады». Возможно, обычное неумение в условиях той нервной обстановки принимали за злой умысел, но у 16 тбр появился новый командир — полковник Барышников. Танковое соединение поддержало 4 гсд в контратаке на немецкие позиции, и врага удалось остановить¹⁷.

Причем немцы размещали свои оборонительные позиции прямо перед домами и в домах населенных пунктов. Чтобы уничтожить врага, наши танкисты нередко таранили «хаты» с помощью тяжелых танков КВ. В боях выяснилось, что сносить танком надо только угол дома, после чего и происходило его обрушение. Ранее несколько наших танков КВ на полном ходу проламывали стену дома и въезжали в центр строения. Падающая крыша тут же накрывала танк, и его приходилось откапывать целому взводу красноармейцев.

26 сентября Ставка ВГК, сознавая, что между Ленинградским фронтом и 54-й отдельной армией нет должного взаимодействия, издает две директивы. В первой из них она извещает генерала Жукова, что срочно отзывает Кулика и поручает командующему войсками Ленинградского фронта руководство 54-й армией. Второй директивой № 002357 Ставка ВГК приказывает 54-ю армию с 26 сентября подчинить командующему Ленинградским фронтом, включив ее в состав фронта; командующим 54-й армией назначить начальника штаба Ленинградского фронта генерал-лейтенанта М.С. Хо-зина.

В принципе, если объективно оценивать ситуацию, Г.И.Кулик неплохо управлял армией (но надо учитывать, что его своевременно пополняли существенными для того

времени резервами. — *Примеч. авт.*): наступление немцев успешно отражались, у врага было отбито несколько важных в тактическом отношении населенных пунктов. Но личностного взаимодействия с Г.К. Жуковым достигнуто не было.

Локальные успехи войск 54 А и создание «Невского пяточка» на левом берегу Невы встревожили высшее германское командование, так как они (успехи) ставили под угрозу план осады Ленинграда. 26 сентября Гитлер приказывает немедленно отправить самолетами в Южное Приладожье 2 полка парашютистов, 20 тысяч мин, передислоцировать из группы армий «Центр» 250-ю испанскую пехотную дивизию («Голубую дивизию»), из Франции — 227-ю и 212-ю пехотные дивизии¹⁸. С их прибытием и в район Ленинграда борьба стала еще более напряженной и ожесточенной.

Обе танковые бригады, несмотря на ежедневное участие в боях, сохраняли боеспособность. На 1 октября в 122 тбр были исправны один КВ, четыре Т-34 и 11 легких Т-30/Т-40С. 16 тбр располагала 7 КВ, 5 Т-34 и 25 легкими танками семейства ВТ¹⁹. Что же касается судьбы маршала Г.И. Кулика, то здесь все сложилось совсем не просто.

После снятия с должности командарма он попадает в опалу у Сталина. 19 февраля 1942 года Кулика лишили звания Маршала Советского Союза. Началась его «генеральская эпопея». 17 марта 1942 года он стал генерал-майором и находился в распоряжении народного комиссара обороны. Через год, 15 апреля 1943 года, — генерал-лейтенантом, назначенным командовать 24-й (4-й гвардейской) армией (с апреля по октябрь 1943 года), а затем до конца 1944 года находившийся в распоряжении Главного управления кадров НКО СССР.

В годы войны Кулик был лишен своих наград, и лишь постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года ему были возвращены два ордена Ленина, полученные в 1937 и 1938 гг., и три ордена Красного Знамени, полученные в **1919, 1920 и 1930 гг.**

С января по апрель 1945 года Г.И. Кулик — второй заместитель начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии. В наградном листе начала 1945 года он был представлен своим начальником генерал-полковником Смородиновым как «опытный и всесторонне подготовленный генерал».

Однако через несколько месяцев этот же генерал-полковник, докладывая заместителю народного комиссара обороны генералу армии Н.А. Булганину, придерживался уже другого мнения: «...изучая внимательно на протяжении года работу и личное поведение т. Кулика, прихожу к выводу о необходимости немедленно снять его как несоответствующего должности...»²⁰

Сначала он был отстранен, а в начале июля 1945 года — и освобожден от занимаемой должности и зачислен в распоряжение ГУК НКО. Тут же, 9 июля 1945 года, вышло постановление СНК, где генерал-лейтенант Г.И.Кулик был «восстановлен» в звании генерал-майора.

С 19 июля 1945 года по 26 июня 1946 года он являлся заместителем командующего Приволжским военным округом, но 28 июня был уволен из рядов армии в отставку. В 1947 году Г.И. Кулика арестовали.

По справке Главной военной прокуратуры, он был расстрелян 24 августа 1950 года и похоронен в Куйбышеве.

28 сентября 1957 года постановлением Президиума Верховного Совета СССР Г.И. Кулик был посмертно восстановлен в звании Маршала Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ:

¹ ГальдерФ. Военный дневник... 1939—1942 гг. М., 1973, т. 3, с. 328.

² Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. М., Институт военных и историко-патриотических проблем и исследований / «Любимая книга», 1996, с. 45—46.

³ Грабин В.Г. Оружие победы. М., Политиздат, 1989, с. 319—320.

⁴ Сухопутные войска России: Истории создания, становления и развития. М., Воениздат, 2001, с. 326—327.

⁵ История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974, с. 237.

⁶ ГальдерФ. Военный дневник... 1939—1942 гг. М., 1973, т. 3, с. 387.

⁷ Там же.

⁸ ЦАМО РФ, ф. 410, оп. 10143, д. 2, л. 34.

⁹ На Волховском фронте. **1941—1944** гг. М., 1982, с. 13.

¹⁰ *ТНотаз БлеШг. Ранхегьгиррен* 1933—1942. ЗсыНегр МПгБагу Н151огу, 1996, р. 272.

¹¹ ЦАМО РФ, ф. 410, оп. 10143, д. 2, л. 35.

¹² Там же.

¹³ Там же, лл. 36—37.

¹⁴ Операция «Искра». Л., 1973, с. 235.

¹⁵ Там же, с. 18.

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 410, оп. **10143**, д. 2, л. **38**.

¹⁷ Там же, лл. **34—37**.

•
¹⁸ Свиридов В.П., Якутович В.П., Василенко В.Е. Битва за Ленинград. 1941—1944 гг. Л., 1962, с. 374.

¹⁹ЦАМОРФ, ф. 38, оп. 30425 ее, д. 1, лл. 115—116.

²⁰ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. М., Институт военных и историко-патриотических проблем и исследований / «Любимая книга», 1996, с. 46.

«ЛЕДЯНАЯ ПЕРЕПРАВА»

О ледяной трассе, заслуженно и очень метко названной «Дорогой жизни», которая спасла многих ленинградцев от голодной смерти, пожалуй, знает большинство граждан нашей страны. А вот о том, что рядом, параллельно с нею, пролегла дорога-переправа для боевых танков, слышали лишь немногие. Об уникальной истории функционирования танковой переправы, мужестве и риске экипажей боевых машин мне и хотелось рассказать читателям.

Особенностью диспозиции армий Ленинградского фронта в конце 1941 года было то, что 54-я армия Ленфронта, находясь на другой стороне Ладожского озера, не имела сухопутной связи с войсками этого объединения, а смыкалась с 4-й отдельной армией, впоследствии ставшей основой новообразованного Волховского фронта. Суть такой сложной организации была обусловлена множеством объективных и субъективных причин, результатом которых стало следующее явление — бронетанковой техникой 54А снабжалась из отрезанного от остальной страны Ленинграда. Поэтому к середине октября танковый «кулак» 54-й армии составляли 16-я и 122-я танковые бригады, а также 119-й отдельный танковый батальон, которые на тот момент волей обстоятельств были укомплектованы в основном только легкими и средними танками. Тяжелые танки КВ, ремонтировавшиеся в Ленинграде, в более теплое время переправляли за Ладогу на баржах. Но с наступлением зимы и появлением льда су-

доходство прекратилось, а КВ же из-за своего большого веса лед не выдерживал.

Проблему стали решать военные инженеры. В конце ноября 1941 года на реке Неве при толщине естественного льда 40 см стали проводиться эксперименты по транспортировке танков КВ по построенному бревенчатому настилу, специально уложенному по льду. Когда 48-тонная машина продвинулась по импровизированному мосту несколько метров, лед под ней с хрустом начал вдавливаться, и стало ясно, что тяжелый КВ вот-вот провалится в воду. Но танкисты не растерялись и буксиром буквально выдернули боевую машину на берег.

По результатам подобных экспериментов были приняты два решения. Первое — транспортировка танков типа КВ своим ходом по льду Ладожского озера (протяженность маршрута 32 км) практически невозможна. Поэтому штаб специальной танковой переправы, занимавшейся переброской боевых машин КВ и Т-34 через Неву в районе плацдарма на Невской Дубровке по воде (в ноябре были переправлены 23 КВ и 11 Т-34), начал разработку вариантов проекта по переброске тяжелых танков КВ по льду Невы путем создания «ледяного моста» из наращенного льда. Устройство такой сложной переправы под систематическим артиллерийским и пулеметным огнем противника при неустойчивой погоде (мороз не опускался ниже -12° , а в основном был от -3° до -8°), и ввиду того, что активные боевые действия на этом участке фронта были прекращены, было просто «нерентабельно». Все свернули на самой начальной стадии работ. Теоретические расчеты и практическое осуществление подобной переправы оказались настолько сложными, долгосрочными и зависимыми от погоды (для наращивания льда требовался мороз в пределах от -20° до -30°), что решили больше на Неве этим не заниматься, а при организации переброски гусеничных боевых машин через Ладожское озеро для легких танков учитывать температуру окружающего воздуха при определении

Танки, вперед!

толщины льда, и в зависимости от состояния ледяного покрова отправлять их в «путешествие» своим ходом. С тяжелыми КВ поступили иначе. Инженерно-саперные подразделения стали сооружать «ледяной паром» — это были громадные сани, которые должны были буксировать два тяжелых артиллерийских тягача «Ворошиловец». На такую конструкцию в зависимости от температуры воздуха (и следовательно — толщины льда) устанавливался или весь танк КВ «в сборе» (температура воздуха в пределах от -20° до -30°) или танк без башни и боеукладки (температура воздуха в пределах от -3° до -12°), а затем боевая машина буксировалась тягачами к месту назначения. Однако подобную переправу «запустили» только 15 января 1941 года — когда лед на Ладоге стал достаточно толстым. А легкие танки и САУ Т-26 двигались своим ходом через Ладожское озеро уже в декабре и начале января, не дожидаясь, пока лед на Ладожском озере будет достаточно прочен и надежен. И вот в декабре 1941 года своим ходом пересекли Ладогу и влились в состав 54 А семь однобашенных танков Т-26 и три Т-26 САУ¹ (так называлось 76,2-мм орудие образца 1927 г., установленное в полуоткрытой рубке на базе танка Т-26. — *Примеч. авт.*). Перед наступлением с 1 по 8 января 1942 года было переправлено еще 6 двухбашенных Т-26, три Т-26 образца 1933 г., пять огнеметных Т-26, 2 БТ-5, 3 БТ-7, 8 бронеавтомобилей БА-10. Всего 27 единиц, но (из-за тонкого льда) без тяжелых КВ, так нужных при наступлении.

Но в условиях войны даже выработанные ранее проверенные алгоритмы работы нередко нарушаются в угоду боевой обстановке. Так, наступательные действия 54-й армии стали катализатором беспримерного человеческого подвига — «форсирования» на танках КВ своим ходом Ладожского озера.

Такая рискованная операция была проведена не случайно.

В ходе нескольких локальных наступлений на протяжении второй половины 1941 года войскам Ленинградского

фронта так и не удалось прорвать блокадное кольцо. Надежду на деблокаду города на Неве Ставка связывала теперь только с новообразованным (создан 17 декабря. — *Примеч. авт.*) и более успешным Волховским фронтом под командованием генерала армии К.А. Мерецкова, а также 54-й армией Ленинградского фронта.

Общий план намеченной на начало января 1942 года Любанской операции² заключался в том, чтобы одновременными ударами войск Волховского фронта с рубежа реки Волхов и 54-й армии Ленинградского фронта от Погостья (25—36 км южнее Шлиссельбургской губы Ладожского озера) по сходящимся на Любань направлениям окружить и уничтожить противостоящую им вражескую группировку и в дальнейшем выйти в тыл силам, блокировавшим Ленинград с юга. Войска Ленфронта, находившиеся в кольце, должны были наступать в юго-восточном и южном направлениях с целью сковать находившиеся там соединения врага.

Под этот план, а также в связи с тем, что существующую в Ленинграде армейскую и флотскую группировку было просто нечем кормить (может, это и учитывалось при планировании операции. — *Примеч. авт.*), заставили командование фронта просить Ставку о выводе из Ленинграда ряда соединений. «Через Ладогу на Волховские рубежи были отправлены семь стрелковых дивизий, две бригады морской пехоты и танковая бригада»³. Они влились в так называемую Волховскую оперативную группу 54-й армии. Для защиты Южного Приладожья и действий на синявинском направлении в декабре 1941 года была создана Си-нявинская оперативная группа (СОГ), в которую вошли 128, 294, 286-я стрелковые дивизии и 1-я горнострелковая бригада. Командовал СОГ генерал-майор Ф.Н. Стариков. Ранее он руководил частями Восточного сектора Лужского рубежа. Соединения Синявинской ОГ заняли оборону к югу от Ладожского озера, преградив немецким войскам путь от Мги в сторону Волхова.

Танки, вперед!

С 6 по 12 января 1942 года 54-й армия пыталась наступать, ведя бок с противником бои за н/п Лодва и станцию Погостье. Пехоту поддерживали 9 танков из 122 тбр. В пятидневных боях, потеряв всю участвующую в боях матчасть, танковая бригада подбила и уничтожила 4 танка Pт.Кр1у. IV, 2 танка Pт.Крзгмг.Ш, 5 легких танков, 3 бронемшины, 13 ПТО, 10 ДЗОТов (из них 2 пушечных).

Простой подсчет только подбитых и уничтоженных огневых пушечных средств противника (не считая уцелевших) показывает, что на каждый участвовавший в бою наш танк приходилось 3 орудия оборонявшихся. Войск для наступления катастрофически не хватало, поэтому и положительного результата в этом наступлении достигнуто не было.

После начала 7 января 1942 года наступления силами армий Волховского фронта стало довольно быстро ясно, что продвижение идет очень медленно. Поэтому 13 января 1942 года штаб Ленинградского фронта представил начальнику Генштаба новый план наступательной операции 54-й армии, утвержденный Военным советом фронта¹. Согласно плану, операция начиналась 13 января и через 5 дней заканчивалась овладением Октябрьской железной дорогой в районе Тосно. Темпы наступления предполагались просто «ударные».

В первый день операции войска наступательной группировки в составе 281, 3-й гвардейской, 11, 285-й и 80-й стрелковых дивизий должны были овладеть пос. Березовка, Веняголово, Кондуя, Зенино, имея лыжные батальоны на рубеже Шапки, Любань.

Во второй день наши войска должны были овладеть рубежом Шапки, Костово, Вериговщина, имея лыжные батальоны на рубеже Саблино, Тосно. И, наконец, на четвертый — пятый день овладевают Октябрьской железной дорогой в районе Тосно, выдвинув лыжные батальоны к северо-западу на 6—8 км. В армейском резерве оставалась 177-я стрелковая дивизия.

План этот, конечно, не был реализован. Большинство указанных выше населенных пунктов были освобождены

•
нашими войсками только в январе 1944 года в ходе проведения Ленинградско-Новгородской наступательной операции. Но в тот момент об этом никто, естественно, не знал, и план пытались реализовать любыми способами.

Видя, что наступление 54А «не идет», Ставка ВГК решила перегруппировать силы.

26 января 1942 года Ставка ВГК выпускает директиву № 170045, согласно которой из состава 54-й армии выделены 128, 294-я и 265-я стрелковые дивизии, 21-я танковая дивизия, 16-я танковая бригада⁵, 6-я морская бригада, отдельная стрелковая бригада и 882-й армейской артполк, которые вошли в новую 8-ю армию. Командармом 8 был назначен генерал-майор А.В. Сухомлин.

В составе 54-й армии под командованием генерал-майора И.И. Федюнинского были оставлены 11, 80, 115, 177, 198, 281, 285-я и 311-я стрелковые дивизии, 122-я танковая бригада⁶, 60-й бепо, другие части и подразделения.

Разграничительная линия между 8-й и 54-й армиями Ленфронта устанавливались по линии: станция Малукса — Тосно, между Волховским и Ленинградскими фронтами — по линии Холм — Посадников остров — Любань — Сиверская⁷.

Этой же директивой санкционировалось создание 4-го гвардейского корпуса под командованием генерал-майора Н.А. Гагена. В состав корпуса вошли 3-я гвардейская стрелковая дивизия и 4 стрелковые бригады.

Но дела у наших войск не особенно ладились. В результате наступления в январе 1942 года 3-й гвардейской, 11-й и 177-й стрелковых дивизий станция Погостье была занята, части Красной армии пересекли «железку» и приблизились к поселку Погостье.

Для развития успеха нужны были свежие резервы, в первую очередь танковые. Поэтому в конце января 1942 года командованием Ленфронта было принято рискованное решение о переброске по льду Ладожского озера танковой бригады. Подробности этого беспрецедентного перехода автор приводит со

Танки, вперед!

*

слов его участника, тогда командира танковой роты — Дмитрия Осадчего.

На основании Директивы командующего бронетанковым и механизированными войсками фронта № 064049 от 30.01.1942 г. 124-я танковая бригада из Ленинграда передислоцировалась на «внешний» фронт и поступала в распоряжение командующего 54-й армией генерал-майора И.И. Фе-дюнинского для развития наступления советских войск юго-восточнее Ленинграда. Это было смелое и не лишенное риска решение. Во-первых, «внутренний» Ленинградский фронт лишился своего ударного броневого «кулака», каким являлась танковая бригада, имевшая на вооружении 31 тяжелый танк КВ⁸. Во-вторых, предстояло своим ходом переправиться по льду Ладожского озера под воздействием авиации и артиллерии противника. Предстоял марш из района Колпино, Рыбацкое в район Ваганово, Коккорево. Местом сосредоточения танков на противоположном, восточном берегу озера был выбран район Кобоны.

Пройти 100 километров по шоссейной или грунтовой дороге для наших танкистов было делом привычным. Но на сей раз от н/п Коккорево тяжелым танкам предстояло двигаться по льду. Ширина Ладожского озера на участке переправы равнялась 32 километрам.

В пяти километрах южнее Осиновецкого маяка, у рыбацкой деревни Коккорево, наши тяжелые танки КВ спустились на берег озера. День выдался суровым. Тридцатиградусный мороз дополнялся порывистым северным ветром, подымавшим клубы снега. В воздухе висела белая мгла, видимость была ограничена. Единственное, что утешало экипажи в сложившихся условиях, — это нелетная погода. Исключалась воздушная разведка, а также возможное воздействие авиации и артиллерии противника по району сосредоточения бригады.

Началась интенсивная подготовка к переправе. Гидрологической разведкой было установлено, что толщина льда на

первых восьми километрах колебалась от 55 до 80 см, а на девятом, пятнадцатом и двадцать первом была равна всего лишь 40 см. Лед к тому же был густо изрезан трещинами и воронками. Командование и инженерно-технические службы знали, что лед такой толщины в состоянии выдержать нагрузку лишь до 30 тонн. Вес же наших танков значительно превышал допустимую норму. Вот тут-то и возникла задача: что делать? Как уменьшить удельное давление танков?

Было предложено несколько вариантов. По одному из них, предполагалось поставить танк на сани и тянуть трактором. Но под тяжестью танка сани разваливались. Тогда обратились ко второму варианту: уменьшить вес танка примерно на одну треть и двигаться своим ходом.

Для танковых экипажей этот вариант оказался рискованным и наиболее трудным. Работы по демонтажу требовали много различных приспособлений: блокоустановщиков, мощных подъемников, тросов. С танка снималась башня с вооружением и приборами, трансмиссионная и надмоторная стальные крыши, вынимался боевой комплект и другие детали. Все это укладывали на специально смонтированные сани-волокуши, которые прикреплялись к танку при помощи троса длиной 50—60 метров. Сверху корпус танка покрывали брезентом.

Демонтаж танков осуществлялся силами экипажей, которые к тому же были изрядно истощены. Одному человеку было не под силу отвинтить болт надмоторной или трансмиссионной крыши, а их насчитывались десятки, на помощь приходили другие члены экипажа. Командиры подразделений работали вместе с экипажами танков.

Люди трудились без передышки, падали от усталости, но подымались и работали снова. Неоценимую помощь танкистам оказали бригады ленинградских рабочих Кировского завода и группа ЭПРОНОВцев⁹.

На выполнение всех работ отводились одни сутки. К полудню 31 января первый танковый батальон готовился к форсированию.

Танки, вперед!

Лед на опасных участках был усилен методом намораживания, маршрут отрегулирован условными ориентирами и комендантскими постами. Трасса пролегла параллельно с «Дорогой жизни», правее нее на 3—5 км.

Комендантская служба доложила о готовности трассы. Наступил кульминационный момент. У каждого на уме был один вопрос: выдержит ли лед? Ровно в 16 часов танк № 4900 под командованием лейтенанта Семенова, управляемый старшиной Ларичевым, прошел исходный пункт. С затаенным дыханием все следили за его спуском на лед и движением по нему. Лед выдержал. Танк медленно двинулся вперед.

По условиям переправы, спуск на лед второго танка намечался после достижения первым танком противоположного берега. Прошло два расчетных часа. Но первый танк на противоположный берег не вышел. Связь с ним прекратилась. Прошел еще час в неведении. На поиск затерявшегося танка были посланы разведчики. Однако ожидать их возвращения командование не могло. На лед спустили второй танк. На этот раз через два часа он благополучно достиг противоположного берега. За вторым двинулся третий, четвертый КВ и все другие...

Что же касается первого танка, то его удалось обнаружить только при помощи самолета на вторые сутки. Экипаж танка сбился с пути и оказался на льду Ладоги в нескольких десятках километров севернее намеченного пункта.

Надо сказать, что все подготовительные работы к переправе проводились в условиях, когда каждую минуту можно было ожидать огневого удара вражеской артиллерии. Поэтому командование принимало все меры к ускорению темпов работы. Полковник А.Г. Родин, командовавший в то время 124-й танковой бригадой, лично ставил задачу и инструктировал каждого командира танковой роты. Самому Осадчему, например, была поставлена задача приступить к форсированию несколько южнее намеченной трассы, по самостоятельному

и не оборудованному маршруту. Это решение вызывалось тем, что на ледяной трассе, где прошли первые танки, лед дал трещины, и двигаться последующим боевым машинам было уже рискованно. Танкам роты предстояло следовать колонной с интервалом 2—3 километра со скоростью 15 км в час. При этом категорически запрещалось делать остановки, резкие повороты и двигаться по одному следу. Лед на новом участке обследовать не успели, так как не было ориентиров и комендантских постов.

Для большей безопасности экипажам было приказано управлять танком стоя, при помощи стальных труб, надетых на рычаги управления. Командир танка должен был сидеть рядом с механиком-водителем на броне танка. Он следил за маршрутом, особенно за состоянием льда, чтобы в любую минуту мог предупредить экипаж, находящийся на крыльях танка, об опасности.

В назначенное время командирский танк, пройдя исходный пункт, спустился на лед. Треск льда, напоминавший разрывы артиллерийских снарядов, заглушал шум мотора, лед прогибался под многотонной ревущей стальной коробкой, и складывалось впечатление, что танк карабкается в гору. Когда прошли 500—600 метров от берега, случилось непредвиденное — лопнул стальной трос, соединяющий танк с санями-волокушами, на которых лежала башня и другой груз.

В общем-то, ничего страшного, конечно, не произошло. Строго выполняя указания старшего начальника, следовало продолжать движение, но... не бросать же на льду часть своего танка. И Осадчий рискнул остановиться. Плавно затормозили, сдали назад по новому следу. В считанные минуты усилиями экипажа и сопровождавших саперов трос был связан, и танк с прикрепленным грузом, набирая скорость, снова двинулся вперед по заданному маршруту.

Позже, на противоположном берегу, Осадчему рассказали, что наблюдавшие за этим эпизодом предрекали неминуе-

Танки, вперед!

мый провал танка под лед. Судьба распорядилась по-иному — танк благополучно достиг того берега.

Приближался девятый, опасный километр. Треск и прогиб льда усиливался, на его поверхности появилась вода, которая сочилась из трещин и воронок, образовавшихся от недавней вражеской бомбежки. От воронок и ледяных глыб тянулись снежные сугробы. Двигаться становилось все труднее. Лавируя между воронками, танк пробивал сугробы высотой до метра. Не раз приходилось на ходу соскакивать с танка и сопровождать его между воронками. Механик-водитель выбивался из сил. Более тридцати минут один человек за рычагами управления не выдерживал — сказывались истощение организма и чрезмерная физическая и психологическая нагрузка. Опытного механика-водителя Павла Веремеенко подменял не менее опытный дублер, радист-стрелок Владимир Петросьян.

Взаимозаменяемость в экипажах роты способствовала успешному решению поставленной задачи. Но каждый метр пути давался с трудом. К тому же ухудшилась погода. Если вблизи берега было относительно тихо, лишь тридцатиградусный мороз пронизывал насквозь, то на открытом месте дул такой ветер, что на гладких участках льда относил в сторону груженные сани-волокуши. Управлять танком стоя, при помощи труб, было непривычно и очень тяжело. Механики-водители отбрасывали эти приспособления и управляли танками обычным способом, но при открытом люке. Снежная пурга ограничивала видимость, лицо водителя покрывалось ледяной коркой. Дублер механика-водителя сидел рядом на броне с полотенцем и периодически вытирал водителю лицо от жгучего снега. Потом менялись местами, и танк продолжал двигаться вперед.

...Исчез из поля зрения берег: вокруг лежала белая непроглядная мгла, да свирепый ветер гнал заряды снега. Изредка просматривались черные точки танков, двигавшихся, словно в лощинах, за первыми машинами. На льду все чаще

попадались замерзшие, занесенные снегом трупы людей. Они уходили от голодной смерти и здесь, на льду, были скошены огнем вражеской авиации или падали от истощения. Сердце танкистов сжималось от боли. В этой серой безбрежной мгле единственным и надежным ориентиром для них служили огни подфарников автомашин, двигавшихся по «Дороге жизни»: к намеченной цели колонны бригады шли параллельным курсом.

Особенно опасным оказался участок на двадцать первом километре. Из трещин льда вода била фонтаном, гусеницы и катки танков были залиты водой...

Рота переправилась через Ладогу по льду за три часа. Такое же время показала рота 2-го танкового батальона под командованием капитана Ивана Чистякова. Другие подразделения затратили на это 4—5 часов. Капитан И.Чистяков и Д. Осадчий за храбрость и мужество при организации «ледяной переправы» были отмечены именными часами Военного совета Ленинградского фронта.

Уже было темно, когда 124-я танковая бригада в полном составе сосредоточилась на противоположном берегу вблизи деревни Кобона. С линии фронта доносилась артиллерийская канонада.

Взору танкистов открылась незабываемая панорама: на берегу штабелями лежали мешки с мукой, упаковки с мясной тушенкой и другими продуктами питания, предназначенными для голодных ленинградцев. Дорога жизни работала с большим напряжением. Всех охватило чувство горячей благодарности за заботу о ленинградцах. Но одновременно возникла непредвиденная задача: как удержать изголодавшихся людей от соблазна немедленно досыта поесть. По строгим советам врачей и приказу командования, увеличение продовольственного пайка должно было идти постепенно. Сила убеждения и высокая сознательная дисциплина сыграли свою роль: удалось войти в норму. Однако не обошлось без курьеза: не раз смотревший смерти в глаза сержант Петр Костылев,

Танки, вперед!

инженер-радист по образованию, не нашел в себе силы воли сдержаться от соблазна; поел досыта и в тяжелом состоянии был отправлен в госпиталь.

Вспоминался случай, приключившийся с П. Костылевым в декабре 1941 года: на огневой позиции в селе Рыбачкое, что южнее Ленинграда, под танком возник пожар. Во время его ликвидации на Костылеве воспламенилась куртка. Превозмогая боль, с сильными ожогами, он не оставил своего поста до прихода смены. А здесь вот сплочовал...

Итак, 124 тбр — на противоположном берегу Ладоги. Не теряя времени, танкисты совместно с теми же рабочими завода (для которых выход на «Большую землю» был спасением от голодной смерти) приступили к сборке танков в сооруженном под открытым небом цехе. Застучали молотки, заработали лебедки. В считанные часы необходимо было собрать и укомплектовать танки, выверить орудия. Пристрелку же переносили прямо на бой. Исчезло понятие о времени суток, об отдыхе, даже кратком, — об этом можно было только мечтать. Перекур у костра — и снова за работу. Примеры трудолюбия и мужества показывали офицеры М.А. Вольхин, Н.М. Рыбаков, Е.Г. Пайкин, И.И. Смирнов и многие другие.

Сборка танков подходила к концу. Выверяя прицельные приспособления на очередном танке, Д. Осадчий, внезапно потеряв сознание, свалился на землю. Причина обычная — переутомление и истощение организма. В чувство его привел неразлучный друг и помощник, политрук роты Михаил Вольхин. Идти в медпункт они не рискнули, направились в ближайший крестьянский дом. Просторный дом оказался до отказа набит беженцами, на полу вповалку лежали старики и дети. С трудом отыскалась табуретка. Трех часов отдыха в тепле оказалось достаточно, чтобы прийти в себя и снова приступить к работе.

Вскоре на помощь л/с 124 тбр пришли саперы — неразлучные спутники танкистов. Они всегда были там, где трудно. Это они крепили сани-волокуши, усиливали лед,

сопровождали танки по трассе. Неоценимую помощь танкистам оказали в эти дни лейтенанты Сергей Бурьихин и Борис Левин. Около 50 саней-волокуш изготовил 23-й армейский ремонтно-восстановительный батальон под руководством А.Т. Волошина. Нельзя не отметить самоотверженный труд сержантов В.Х. Петросьяна, Ю.В. Пионтковского, П.А. Ве-ремеенко, рядовых П.Н. Семенова, А.А. Скударева и многих других.

И вот бригада в полном составе сосредоточилась на противоположном берегу озера. Ни один танк не провалился. История войн и военного искусства не знала подобного, — это был беспрецедентный в истории бронетанковых войск случай переправы танков по льду¹⁰.

Действительно, все танки были переправлены через озеро. Но из 31 машины исправных КВ было только 20. Остальные танки нельзя было использовать в бою, они нуждались в ремонте. А вот этого л/с 124 тбр, да и других соединений и частей, переброшенных с «внутреннего фронта», совершенно не умел. Весь ремонт КВ осуществляли там специальные бригады, сформированные из неэвакуированных специалистов Кировского завода. Но к февралю 1942 года большинство рабочих умерло от голода. Даже на этот «ледовый поход» с трудом удалось наскрести специалистов с ЛКЗ, которых вскоре увезли в Челябинск. Пришлось с помощью АБТВ 54А формировать и обучать ремонтные службы заново. Кроме 20 КВ на 15 февраля 1943 года в 124-й бригаде имелось: 5 исправных Т-26, 14 боевых бронемашин БА-10 (8 БА-10 в ремонте).

Совершив марш по лесам и болотам, бригада во взаимодействии с войсками 54-й армии 16 февраля 1942 года вступила в бой с противником на любанском направлении в районе Погостье, Жарок, Веняголово (в некоторых источниках пишут Виняголово. — *Примеч. авт.*)

Локальный успех был достигнут. Во второй декаде февраля 1942 года 198, 311-я и 11-я стрелковые дивизии

Танки, вперед!

•

при поддержке 16, 122-й и 124-й танковых бригад" заняли деревню Погостье и вели ожесточенные бои за лежащий западнее пункт немецкой обороны Веняголово, что «запирал» единственную в этих местах большую грунтовую дорогу Оломна — Погостье — Костово — Шапки. А 24 февраля 124 тбр уже была выведена из боя для восстановления матчасти.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ:

¹ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 80038 ее, д. 4, л. **248**.

² Продолжалась с 7 января по 21 апреля **1941** года (хотя в некоторых источниках называются и более ранние цифры: 1 или 3 января), иногда именуется не Любанской, а Любаньской операцией.

³ История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., Воениниздат, 1974, с. 275.

⁴ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 203156, д. **12**, лл. **129—130**.

⁵ Оба этих соединения в декабре 1941 года — январе 1942 года танков не имели вовсе и вели бой как стрелковые бригады.

⁶ На 1 января 1942 года в составе 122 тбр числилось: бое способных — **3 КВ, 3 Т-34, 3 Т-26, 2 БТ, 2 Т-30/Т-40С**, один трофейный танк, 8 средних броневедомостей БА-10, 19 лег ких броневедомостей БА-20; в ремонте — один КВ, 3 Т-34, один БТ, 2 Т-26, 3 **БА-10, 2 БА-20** (ЦАМО РФ, ф. 410, оп. 10143, д. 2, лл. 333—334).

⁷ ЦАМО РФ, ф. 148а, оп. **3763**, д. **131**, лл. **15—16**.

⁸ ЦАМО РФ, оп. 80038 ее, д. 24, л. 22.

⁹ ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назна чения, в 1923—1941 годах организация в СССР для подъема затонувших судов и выполнения аварийно-спасательных ра бот. С началом войны передана в состав ВМФ и преобразована в аварийно-спасательную службу ВМФ.

Танки, вперед!

*

¹⁰ Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В трех томах. Т. 1. М., 1995, с. 290—285.

" В феврале 1942 года в связи с «решительными операциями» 54-й армии командованием Ленинградского фронта был принят ряд мер по ее усилению бронетанковыми средствами:

а) Из Ленинграда по льду Ладожского Озера была переброшена 124 тбр в составе 31 КВ (на 15 февраля исправных: 20 КВ, 5 Т-26, 14 БА-10).

б) 16 и 122 тбр были доукомплектованы различными танками, вышедшими из ремонта с заводов и рембаз; кроме того, 122 тбр была усилена ротой КВ, переброшенной из 123 тбр по льду Ладожского озера. На 15 февраля 1942 года 122 тбр имела 4 КВ (в ремонте), 5 Т-34 (в ремонте), 18 Т-26 (8 исправных, 10 — в ремонте), 35 БА-10 (34 исправных, один в ремонте), 13 БА-20 (12 исправных, один в ремонте). 16 тбр на это же число имела: один Т-26, 22 боеспособных БА-10.

в) Из бронемашин фронта сформированы 3 бронепатальона по 22 бронемшины БА-10 в каждой и приданы 16, 122, 124 тбр с задачей использования их в качестве средств преследования противника. (ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 80038 е. д. 24, лл. 22—34).

«ТАНК-АГИТАТОР»

С нападением Германии на СССР мы сразу стали вести с немцами пропагандистскую войну. Этим занимались многие государственные ведомства и общественные организации Советского Союза: ГлавПУРККА, Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), исполнительный комитет Коммунистического интернационала (Коминтерн), компартии республик СССР, коммунистические союзы молодежи республик СССР, Всесоюзный радиокомитет. Координировали всю эту многоплановую деятельность Центральный комитет ВКП(б) и находившееся на правах отдела ЦК ВКП(б) Главное политуправление РККА (ГлавПУРККА).

При ГлавПУРККА, в свою очередь, имелся отдел, который координировал проведение всей пропагандистской работы на языках стран антисоветской коалиции, а также на языках союзников, которые в любой момент могли стать врагами, — польском и персидском. Вышеописанное подразделение называлось отделом по работе среди войск противника при ГлавПУРККА. Порядковый номер отдела в 1941 году был седьмым, поэтому для сохранения секретности его стали именовать «7-м отделом», а впоследствии как имя собственное это название расплодилось по всем пропагандистским органам Красной армии.

Штатные работники аппарата пропаганды на войска противника и на население в его тылу (штат 6 человек до конца 1942года, а впоследствии 7 военнослужащих. —Примеч.авт.)

Танки, вперед!

•

имелись и в политотделах армий. Как уже говорилось, по аналогии с 7-м отделом ГлавПУРККА большинство армейских отделений по работе среди войск противника в несекретной переписке получили кодовое название «7-е отделение». Однако на Ленинградском фронте в 1941 — 1943 годах такие подразделения в армиях назывались «6-е отделение», что было связано с порядком очередности этого подразделения в политотделе армии (на некоторых других фронтах встречалось еще одно название — «4-е отделение». — *Примеч. авт.*).

После короткого исторического экскурса представим, как же происходило агитационное воздействие на войска противника. Листовки с призывами сложить оружие разбрасывались с самолетов, а также «доставлялись» на территорию противника с помощью специальных агитснарядов и агитмин (наиболее распространенным был гаубичный 152-мм агитсна-ряд, вмещавший около 1 кг листовок — 1000 экземпляров в $\frac{1}{32}$ долю печатного листа).

В устной агитации применялись мощные громкоговорящие установки МГУ-39 и позже МГУ-44, окопные громкоговорящие установки (ОГУ), а также простейшие средства для усиления голоса (рупоры, мегафоны).

Мощность установки МГУ-39 составляла 300 ватт, а МГУ-44 — 500 ватт, что позволяло вести устные передачи на расстоянии 3—4 км продолжительностью до 30 минут. МГУ-39 имела ряд приспособлений, которые давали возможность вести передачи через микрофон и ретрансляцию с приемника. При помощи установки можно было самим производить запись пропагандистских или шумоимитационных передач. МГУ применялись во всех видах боя, в любое время года и при любой погоде.

Но на передовой использовать МГУ было сложно — мешали большие габариты, существовали ограничения по проходимости (как правило, МГУ-39 монтировалась на шасси грузовика ГАЗ-ААА), конструкция была уязвима от осколков и пуль противника.

Участник Великой Отечественной войны Н.В. Звонарева, впоследствии подполковник в отставке, вспоминала: «Тяжелая МГУ часто не проходила по дорогам, пользовались переносной окопной громкоговорящей установкой — ОГУ. Однажды чуть не погибли наши люди. Как-то ночью МГУ поднималась на возвышенность — и вдруг фургон на базе грузовика ГАЗ-ААА покатился назад. Мелькнула мысль: сейчас машина, развивая скорость, раздавит людей, и сама разобьется вдребезги. Как нашей маленькой группе удалось удержать эту машину, сейчас даже не представляю...»

Окопные громкоговорящие установки были одним из основных средств устного вещания политотделов дивизий. Они представляли собой переносные громкоговорящие установки, работавшие на аккумуляторах. Их мощность составляла 7 Вт, дальность действия — всего 1—2 км. Но даже такая станция состояла из 7 блоков-упаковок: две аккумуляторные батареи (по 6 «банок» каждая), преобразователь тока — умформер, собственно звукоусилительная станция, две катушки полевого телефонного кабеля по 600 метров и динамик. Имелось 2 запасных комплекта батарей. На одном таком комплекте (батарей) можно было работать не более двух часов. Вся система в тылу перевозилась на телеге лошадьми, а на передовой ее носили бойцы.

На уровне полка пропаганда на врага велась простейшими техническими средствами — при помощи жестяных рупоров и мегафонов¹. Подобные передачи осуществлялись более или менее образованными бойцами, выучившими наизусть 3—5 лозунгов на иностранном языке. Причем агитация проводилась даже тогда, когда дела Красной армии шли отнюдь не совсем хорошо, что вызывало насмешки и иронию германских солдат.

Вот как вспоминал о своей агитационной деятельности в августе 1942 года писатель Вениамин Власов, в то время старшина 65-й Краснознаменной стрелковой дивизии Волховского фронта:

Танки, вперед!

•

«Агитаторов-громкоговорителей» — так мы называли себя в шутку — собрали в штабе полка. Был короткий инструктаж. Потом раздали прокламации, в которых говорилось, что рабочие Германии не могут быть врагами нам, советским пролетариям, и поэтому им следует перейти на нашу сторону, где для них будут созданы хорошие условия жизни... Каждому агитатору вручили конусообразную жестяную трубу, с которыми мы завтра должны выйти, скорее всего, выползти на нейтральную полосу, чтобы закопаться как можно поглубже в землю и приступить к чтению обращения к сегодняшним нашим злейшим врагам.

Конечно же, каждый из агитаторов имел десятилетку², и многие могли бегло со смыслом читать на немецком языке.

...Еще задолго до восхода солнца меня снарядили гранатами, едой, малой лопаткой. Саперы уже успели прорезать лазейку в проволочном заграждении, разминировать тропку, обставив ее вешками, пожелали ни пуха... Ребята из родной роты заверили, что мое местопребывание добротнo пристреляно и будет под неусыпным наблюдением.

Обосновался я в мелком кустарнике, на небольшой высоте. Пришлось долго окапываться, маскироваться дерном, ветками.

За напряженной работой не заметил, как давно рассвело кругом. Пришел день. И тут моему взору представились будто на ладони, появляющиеся в окопах и траншеях немцы. Да как много их! Вижу, один забрался на блиндаж, снял нижнюю рубашку и выискивает вшей. "Э, — думаю, — и вас не обошли стороной паразиты..."

Пришло время и приступать к работе. Вынул из кармана гимнастерки листок с заветным текстом, уложил в амбразуру бруствера своего окопа трубу, собрался с духом и срывающимся вначале от волнения голосом начал:

"Геноссе солдатен!.."

Прокричав весь текст, вдруг сам испугался наступившей тишины. Все, казалось, замерло вокруг. Немцы, ошарашен-

•
ные, должно быть, неслыханной в ту пору дерзостью русских, а наши — от теперь уже долгого ожидания, что будет дальше?

Произошло же то, чего и следовало ожидать. По моей цели обрушился шквальный огонь буквально из всех видов стрелкового оружия.

Затем так же резко, как и началась эта вакханалия, все умолкло. Наступила продолжительная тишина. Лишь изредка стрекотали пулеметы, да и то далеко, на правом фланге.

Где-то во второй половине дня я еще раз прокричал текст прокламации. На той стороне с вниманием выслушали мою небезупречную немецкую тираду, потом посмеялись, постреляли и утихли.

С наступлением вечерних сумерек я оставил свое убежище и пополз восвояси. Стоило ввалиться в траншею, как на мне повисли ребята. Они были безмерно рады моему возвращению.

— Начало сделано, — сказал комиссар батальона Колесников после моего доклада. — Теперь отдохнешь хорошенько, а после продолжишь.

На следующее утро, однако, прошла по окопам радостная весть: фрицы выбросили на своей передней линии по всему участку обороны белые флаги.

Я примчался по ходу сообщения до своего передка и увидел: на некотором расстоянии друг от друга стояли шесты с белыми вымпелами. "Неужели немецкие солдаты решили бросить оружие?" — мелькнуло в моей ничего не соображающей голове.

— А что, — неподалеку говорил ребятам бывалый сержант, — в финскую войну вот так же маннергеймовцы вы бросили белые флажки, а скоро и война кончилась.

Никто не мог понять, что происходит. Комбат Кулаков после хитрой улыбки многозначительно заметил:

— Вот старшина своей чудо-трубой сколько загадок пре поднес. Ну, а теперь приказываю: всем по местам, поглубже

Танки, вперед!

•

закопаться. Скоро ждите нового сюрприза, теперь — от немцев.

Не прошло и часа, как с левого фланга вдоль нейтральной полосы зашли два "мессершмитта" и лихо отбомбили, обстреляли наши передовые позиции.

А что же значили белые флажки? Чтобы не задеть свои передовые части, фрицы обставили свою линию высокими дровками с белыми кусками материи. Летчики истребителей-штурмовиков знали о договоренности с пехотой и проутожили беспокойный участок нашей обороны.

Скоро из политотдела дивизии пришло указание временно прекратить эксперимент с "громкоговорителями". До конца же войны оставался еще ровно 991 день»³.

Но позиционная война Северо-Западного ТВД делала свое дело. Отделениям пропаганды на войска противника надо было отчитываться о проделанной работе, а для того, чтобы «наверху» оценили активную деятельность подчиненных, требовались нестандартные ходы. И они нашлись на Ленинградском фронте, тем более что рядом был город с мощнейшей научной и производственной базой в СССР.

Еще в 1941 году политорганы Ленинградского фронта располагали тремя мощными звуковещательными установками МГУ-39, тремя 100-ваттными установками на пикапах ГАЗ-М415 и 27 ОГУ. Действовали также 7 блиндажных установок с выносными динамиками, а при работе на переднем крае связисты, играющие важную роль в обеспечении работы и совершенствовании звуковещательных средств, производили установку динамиков и рупоров.

В начале же 1942 года с помощью отдела связи фронта на машинах МГУ-39 дополнительно были установлены аппараты типа «Шорифон» для воспроизведения записанных на пленку высказываний и выступлений военнопленных, а также музыкальных вставок. Наличие таких устройств позволило перейти к заблаговременной записи на пленку целой программы.

Но вершиной совершенствования пропагандистской звуковещательной техники стало появление звукостанции на танке.

Еще в довоенное время подобные устройства пытались монтировать на танкетке Т-27 и бронированном артиллерийском гусеничном тягаче А-20 «Комсомолец». В 1941 году Институтом связи РККА на базе Т-34 был создан экспериментальный «танк-агитатор». Для войсковых испытаний его направили в 6-й механизированный корпус Западного фронта. Не успев пройти испытания по звуковещанию, эта чудо-машина сгорела в первом же бою от прямого попадания. В дальнейшем танки из-за их высокой стоимости и нехватки на фронтах решили больше не использовать в качестве базы для агитационных звукостанции, тем более что в 1941 году агитировать немцев сдаваться в плен было бессмысленно.

После победы под Москвой настроения противоборствующих сторон изменились. Именно тогда, в мае 1942 года, в 55-й армии Ленинградского фронта на базе легкого танка Т-26 была смонтирована пропагандистская звукостанция. Мощность установки составляла 150 Вт, а питание осуществлялось четырьмя 12-вольтными аккумуляторами. Звукоаппаратуру разместили на башне танка, «излучатели» — на броне, по одному с каждой стороны башни. В корпусе Т-26 также был установлен пленкопрокатный автомат, что позволяло передавать тексты и музыку в записи. Танк имел на вооружении 45-мм штатную пушку и 7,62-мм пулемет ДТ, а его экипаж состоял из трех человек: командира танка воентехника 1-го ранга Е.К. Вихрова, механика-водителя старшины Кутузова и стрелка-радиста сержанта Трыкина. Эта боевая машина с переменным успехом провоевала до марта 1944 года. Танковая «крыша» давала возможность ближе, чем на обычной звуковещательной станции, подойти к переднему краю противника. К тому же, имея гусеничную базу, танк-агитатор обладал относительно высокой проходимостью, что являлось

Танки, вперед!

•

немаловажным фактором в условиях заболоченных почв северо-западного театра военных действий.

В 1944 году, уже в составе 67-й армии Ленинградского фронта, во время проведения пропагандистского «сеанса» немцы все-таки умудрились поразить агитационный Т-26 снарядом с дальнего расстояния из противотанкового орудия. Машина была разбита, сгорела и восстановлению не подлежала. О судьбе экипажа танка-агитатора автору ничего неизвестно⁴.

Хотя новые звукостанции на базе среднего танка Т-34—76 и начали вновь монтироваться в 1943—1944 годах, на Ленинградском и Волховском фронте они более не применялись. Изменились тактические условия противоборства — позиционная оборона, или «великое сидение», на северо-западном ТВД закончилось, а в наступлении нужны были агитационные установки на мобильном автошасси⁵. Тем более что с врагом стали «работать» их соотечественники-антифашисты⁶ — представители национального комитета «Свободная Германия», речи которых неоднократно битые «супергерои» слушали более внимательно.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ:

¹ Подобные «акции» осуществлялись по требованию ГлавПУРККА: «Ежедневные короткие устные передачи, построенные на конкретных фактах и обращенные к солдатам определенных подразделений и частей противника, подрывают воинский дух и моральное состояние солдат» (Бюллетень ГлавПУРККА «Опыт работы», 1946, № 1 (34), с. 24—25).

² Имеется в виду 10 классов средней школы — полное среднее образование.

³ Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В трех томах. Т. 1. М., 1995, с. 243—244.

⁴ Батистов Ю. «Голос осажденного Ленинграда». Информационный сборник ГлавПУ СА и ВМФ, № 1, 1983, с. 105.

⁵ Политическая работа среди войск и населения противника в годы ВОВ. М., Воениздат, с 131.

⁶ ОЛ ЛВО. Исторический очерк. Л., Лениздат, 1968, с. 329.

«МАЛЮТКА» ПРОТИВ «ТИГРА»

При проведении операции «Искра» (12—30 января 1943 года) по прорыву блокады Ленинграда во время боевых действий произошел уникальный случай: легкий танк Т-60 под командованием лейтенанта Д.И. Осатюка сразился сразу с двумя германскими тяжелыми «Тиграми» и вышел из этого неравного поединка победителем. Вот как это было.

Что такое танк Т-60? Это достаточно высокоподвижный (скорость до 42 км/ч), среднебронированный (толщина лобовых листов на ранних машинах — 15—20 мм, на поздних — 20—35 мм; толщина бортовых листов на ранних версиях — до 15 мм, на поздних — 25 мм; толщина кормовых листов на ранних танках — до 13 мм, на поздних — местами до 25 мм) танк с боевой массой в пределах 6—7 тонн. Подобная машина вооружалась 20-мм автоматической пушкой ШВАК, имевшей «авиационное» происхождение. Табличная дальность прямого выстрела артсистемы достигала 2500 м, прицельная — 7000 м, темп стрельбы — до 750 выстрелов в минуту. Масса секундного залпа пушки бронебойными снарядами составляла 1,208 кг. При определенных навыках можно было вести и одиночную стрельбу. Пушка имела ленточное питание емкостью 754 снаряда (размещены в 13 коробках). Также танк Т-60 был вооружен 7,62-мм пулеметом ДТ. Экипаж боевой машины состоял из двух человек.

Подобная конструкция могла появиться только во время войны. После больших потерь лета и осени 1941 года Красной армии позарез нужно было стабилизировать, а по возможности и нарастить свой танковый парк. Выпуск Т-60 с использованием автомобильных агрегатов не занимал мощности основных танковых производств страны, а боевая машина непосредственного сопровождения пехоты была необходима войскам. Тем более что в состав боекомплекта танка входили осколочно-трассирующие и осколочно-зажигательные снаряды со взрывателем мгновенного действия, а также бронебойно-зажигательные снаряды с карбидо-вольфрамовым сердечником и высокой начальной скоростью снаряда в 815 м/с, что позволяло эффективно поражать легко- и среднебронированные цели, а также пулеметные точки, противотанковые пушки и живую силу врага. Введение впоследствии подкалиберного бронебойно-зажигательного снаряда повысило броне-пробиваемость до 35 мм. Как следствие, Т-60 мог бороться на малых дистанциях с немецкими средними танками Pz.Kpfw.IV и Pz.Kpfw.III ранних вариантов при стрельбе в борт, а на дистанциях до 1000 м — с бронетранспортерами и легкими САУ.

В целом по вооружению и подвижности танк Т-60 соответствовал немецкому Pz.Kpfw.II, широко применявшемуся в начале войны, и появившемуся позже разведывательному танку «Лухс» («Рысь»), несколько превосходя их по бронезащите, запасу хода и проходимости по слабым грунтам. Его броня была уже не только противопульной: она обеспечивала на дистанции до 500 м защиту от снарядов легких пехотных 75-мм орудий, 7,92-мм и 14,5-мм ПТР, 20-мм танковых и зенитных, а также 37-мм противотанковых пушек, распространенных в 1941—1942 годах в вермахте¹.

Но тяжелый танк «Тигр» был в сравнении с потенциальными противниками Т-60 «зверем» совсем другого рода.

Конструкция P2.Kp1лу.U1 Aиз1.H1 соответствовала новой немецкой танковой философии — толщина брони и мощь артсистемы помогут победить любого врага. Машина имела простые, рубленые с виду, но технологичные формы корпуса и башни с мощной броней (лобовая броня — 100 мм, бортовая броня — 82 мм, верх корпуса — 26 мм). Вертикальное расположение бронелистов корпуса и башни способствовало увеличению внутреннего объема танка (а значит, и более удобному расположению в нем экипажа из 5 человек), а также делало производство элементов корпуса «Тигра» менее затратным. В качестве основного вооружения на Pг.Kp1\у. VI Aиз1.H1 была установлена самая удачная германская арт-система этого периода — длинноствольная (длиной 56 калибров) 88-мм пушка KукЗ6. Это орудие было разработано на основе знаменитой зенитной пушки P1ак 18/36 и в танковом варианте имело дульный тормоз и электроспуск. В состав боекомплекта входили также бронебойные снаряды весом 10,2 кг, имевшие начальную скорость 773 м/сек и на дальности 1000 м пробивавшие броню толщиной 115 мм. Несмотря на большую массу (56,78 т), танк отличался легкостью в управлении и имел достаточно высокую скорость (37 км/ч) благодаря мощному двигателю «Майбах» HЬ210 P30 (мощность 630 л.с).

В момент своего появления и на протяжении еще некоторого времени «Тигр» являлся самым мощным танком в мире. Однако эта боевая машина была более эффективна при ведении обороны, чем при наступлении. Скорость поворота тяжелой башни была низка, и в случае действий на открытой местности экипаж был должен доворачивать на противника всю машину. Этой «ахиллесовой пятой» P2.Kp1^U1 и воспользовался впоследствии экипаж нашей «малютки».

Возвращаясь к танкам Т-60, отметим, что во второй половине 1942 года подавляющая часть машин этого типа на Ленинградском фронте была сосредоточена в составе 61-й

легкотанковой бригады. Другого подобного соединения не было не только на Ленфронте, но и в составе других объединений северо-западного ТВД.

Легкотанковая бригада была создана на основании постановления Военного совета Ленинградского фронта № 001052 от 7 июля 1942 года для маневренных действий (а зимой и для действий на труднопроходимой для тяжелых танков болотистой местности) и получила на вооружение 65 легких танков Т-60 и 46 средних броневедомостей БА-10². Небезынтересна история доставки материальной части в осажденный город. Танки и броневедомости решили перевозить на баржах с углем. Это было неплохо с точки зрения маскировки. Суда доставляли в Ленинград топливо, примелькались противнику, и не каждый раз за ними велась активная охота. К тому же уголь как балласт обеспечивал речным по конструкции баржам необходимую осторожность.

Грузили боевые машины с пирса выше Волховской гидроэлектростанции. На уголь укладывали брезентовые настилы, на них размещались танки и броневедомости, и баржи отчаливали от берега. Вражеской авиации так и не удалось обнаружить перемещение нашего войскового соединения. Однако большая часть броневедомостей (особенно БА-10) прибыли на доукомплектование бригады с ремонтных предприятий Ленинграда.

Организационно бригада³ состояла из управления (штат № 010345), двух танковых батальонов (штат № 010398), отдельного броневедомостного батальона (проект дополнения к штату), мотострелково-пулеметного батальона (штат № 0103347), роты управления (штат № 0103350), медико-санитарного взвода (штат № 0103352), особого отдела НКВД (по особому штату) и полевой почтовой станции (штат № 014—69в).

Личным составом и вооружением 61 лтбр была укомплектована почти полностью, за исключением автопарка (насыщенность автомобилями 60 %). 27 июля 1942 года

Танки, вперед!

•

бригада приступила к плановой боевой подготовке, дислоцируясь в районе н/п Озерки-1 (в резерве фронта), а затем в районе н/п Колпино—Павлово (август — декабрь 1942 года).

Вероятно (по воспоминаниям ветеранов), осенью 1942 года в бригаду поступило несколько легких танков Т-70.

Командование и штаб бригады были укомплектованы в основном офицерами-ленинградцами, а также командирами, проходившими службу на Ленинградском фронте. Первый командир только что сформированной бригады — Александр Васильевич Шевлягин — вскоре тяжело заболел и выбыл из строя. В сентябре в бригаду был назначен новый командир — подполковник Владислав Владиславович Хрустицкий, человек, и до этого назначения воевавший под Ленинградом и хорошо знавший особенности «местного» ТВД⁴.

В тактическом плане предполагалось, что легкие, маневренные и скоростные танки Т-60, а также бронев автомобили БА-10 будут действовать в боевых порядках пехоты после прорыва глубокоэшелонированной обороны противника, активно подавляя очаги сопротивления врага, расположенные на вязкой, болотистой почве северо-западного ТВД.

Справедливости ради надо признать, что танкисты не особенно любили сравнительно легкобронированные и слабооруженные боевые машины с пожароопасными бензиновыми двигателями, называя их БМ-2 — «братская могила на двоих». Главным достоинством этого достаточно легкого танка была дешевизна в производстве, подвижность и хорошая проходимость. Последняя позиция, «усиленная» твердым, промерзшим в холодное зимнее время грунтом северо-запада России, делала этот танк важной составляющей ударной группы в будущей операции.

Средние бронев автомобили БА-10 и легкие танки Т-70, также находившиеся в составе 61-й легкотанковой бригады, были вооружены 45-мм пушками, однако их маневренность

и проходимость оставляла желать лучшего (особенно броневых автомобилей).

В отличие от управления бригады, а также командира подразделений, экипажи танков Т-60 прибыли с Большой земли. Это были молодые и необстрелянные, да и едва обученные солдаты, кое-как умеющие водить свои машины. Настороженно слушали они артиллерийскую канонаду, доносившуюся с Невской Дубровки, с опаской поглядывали на небо, в котором шныряли германские самолеты. Стало ясно, что бросать бригаду в бой без основательной тренировки личного состава нельзя.

На первом командирском сборе комбриг Хрустицкий (до этого воевавший на КВ), так оценил возможность легких танков Т-60: «Мал золотник, да дорог. Броня, верно, не ахти какая, да и огневая сила меньше, чем у среднего танка. Зато он пройдет там, куда среднему и тяжелому танку лучше не соваться». Впоследствии выяснилось, что комбриг оказался хорошим педагогом: перед началом обучения он давал возможность командирам танков подбирать себе механиков-водителей по желанию. Экипажи (состоявшие в Т-60 из двух человек) имели психологическую совместимость, что очень положительно сказывалось на успешном выполнении боевой задачи. Во время маршей комбриг учил экипажи самостоятельности и инициативе, а иногда, эмоционально ругаясь, (любимым словом Хрустицкого была фраза «ядрена качалка». — *Примеч. авт.*), сам занимал место механика-водителя и показывал подчиненным, как надо преодолевать крутой учебный холм под названием «Казбек». Под стать командиру были и подчиненные. Старший техник-лейтенант Кушников из роты технического обеспечения бригады (до войны инженер крупного ленинградского завода) за несколько дней спроектировал оригинальной конструкции кран, который мог монтироваться на ремонтную летучку или башню танка Т-60 и служил для демонтажа (или установки) двигателя этой легкой гусе-

Танки, вперед!

ничной машины. Через некоторое время его изобретение позаимствовали и другие части Ленинградского фронта. Также в 61 лтбр была разработана подвижная (на прицепе) зарядная станция для зарядки одновременно 100 танковых аккумуляторов⁵.

К концу осени 1942 года 61-я легкотанковая бригада была уже достаточно боеспособным соединением.

Структурно 61 лтбр, состоявшая из 548-го и 549-го танковых батальонов (31 и 30 легких танков Т-60 соответственно), а также отдельного батальона бронев автомобилей (28 средних БА-10), была в соответствии с планом наступления Ленинградского фронта при осуществлении операции «Искра» по деблокаде Ленинграда придана стрелковым соединениям 67-й армии ЛФ. 548-й танковый батальон поддерживал 86-ю стрелковую дивизию, а 549-й — 136-ю стрелковую дивизию. Бронепатальон бригады сначала оставался в резерве, а затем был придан 86-й стрелковой дивизии, которая должна была участвовать в уличных боях в Шлиссельбурге.

На направлении главного удара разворачивалась 136-я стрелковая дивизия генерал-майора Н.П. Симоняка, сформированная из частей, в 1941 году героически оборонявших полуостров Ханко. Увидев воочию танки Т-60, генерал Симоняк с ужасом сказал: «Да их из рогатки горошиной перешибешь!» Вутешение его «горя» 136 сд дополнительно получила мотострелково-пулеметный батальон 61 лтбр⁶.

Сама операция «Искра» должна была начаться 12 января 1943 года.

Ночь перед началом сражения по прорыву блокады Ленинграда запомнилась многим его участникам на всю жизнь.

На данном участке наступления в безмолвном ночном лесу было тесно от людей и техники. Здесь уже изготовилась к бою 136-я стрелковая дивизия Симоняка, а за ней еще дивизия, еще и еще. Чуть ли не у каждой сосны можно было наткнуться на артиллерийское орудие. Еще бы, их было около

двух тысяч на каждый километр фронта — около 150 стволов. Такая плотность в тот период была еще только под Сталинградом.

Несмотря на тишину, напряжение людей было необычайное. В 61-й легкотанковой бригаде, которой одной из первых нужно было двинуться на позиции врага, помпотех соединения вместе со своими подчиненными еще и еще раз проверил зарядку аккумуляторов. Специальные керогазы собственной конструкции в холодную зимнюю ночь обогревали моторы танков, чтобы те можно было запустить в любой момент.

Мотострелковый батальон бригады вместе с батареей 76,2-мм пушек КТ-27 занимал исходные позиции.

Артиллеристам бригады приходилось особенно туго. Лошадей в блокадном Ленинграде не было вообще — всех съели. Поэтому люди сами впряглись в специально затопленные лямки, а орудия поставили на специально изготовленные лыжи. Для перевозки снарядов на пересеченной местности были изготовлены необычные сани. Артбатарея МСПБ 61 лтбр под командованием старшего лейтенанта П. Романова должна была двигаться в боевых порядках мотострелков и вести по врагу огонь прямой наводкой.

Танкисты бригады тоже активно готовились к наступлению. Будущий герой прорыва блокады лейтенант Осатюк и старший сержант Нечипуренко деловито распихивали в свои Т-60 балалайку и гитару. Популярные в бригаде музыканты (особенно они любили исполнять песню Клавдии Шульженко «Синий платочек») готовились показать нацистам иную музыку.

В 9 часов 30 минут 12 января 1943 года более 4,5 тысяч орудий и минометов двух фронтов и Краснознаменного Балтийского флота обрушили свой удар по позициям противника. После мощного артиллерийского удара наступил период разрушения огневых сооружений, а также наблюдательных пунктов, блиндажей и землянок, траншей и ходов сообще-

Танки, вперед!

*

ния, длившийся 50 минут. В полосе 268-й и 136-й стрелковых дивизий орудия прямой наводки подавили огневые средства противника на переднем крае обороны, обеспечивая форсирование Невы с малыми потерями.

Несмотря на ожесточенное сопротивление немецкой армии, наступление развивалось успешно.

Соединения Ленинградского и Волховского фронтов в районе Рабочего поселка № 5 на вечер 15 января разделяла узкая полоска шириной 1 км, но германские войска сопротивлялись с отчаянием обреченных и неоднократно переходили в контратаки, тем более что наши силы — 136 сд при поддержке танков 61 лтбр (два стрелковых полка и два батальона танков) пытались обойти поселок с флангов и окружить немцев.

Во время осуществления этой операции 16 января 1943 года и произошел знаменитый бой легкого танка Т-60 с тактическим номером «164» против двух тяжелых «Тигров».

Экипаж машины состоял из командира роты Т-60 лейтенанта Дмитрия Осатюка и механика-водителя старшины Ивана Макаренкова. Еще во время учебы танкисты поняли важнейшее свойство «малютки» — ее великолепную подвижность. Лейтенант требовал, чтобы в бою машина «танцевала», и механик, ценой упорнейшего труда, в совершенстве достиг этого.

В тот день на поляну, где шел бой, выползли из леса два тяжелых немецких танка. Передний намеревался, очевидно, ударить во фланг пехотной цепи, поблизости которой находилась «малютка».

Первое, что мелькнуло в уме Осатюка: «Спасти пехоту». Но как? Идти на таран? Это было бы заведомым самоубийством. Завязать огневую дуэль? Снаряды 20-мм скорострельной пушки отскакивали от брони германского танка, как горох от стенки. Оставалось одно — отвлечь внимание на себя.

— Ваня, танцуй! — крикнул Осатюк.

Сначала машина рванулась вперед и быстро приблизилась к немецкому танку. Тот остановился, оценивая добычу. Разбить маленький танк крупнокалиберной пушкой, казалось, не составляло никакого труда. Немцы ринулись в атаку. «Малютка» ловко уклонилась. Началась погоня. Танки противника шли один за другим. Повинуясь команде Осатюка, Макаренков кидал машину из стороны в сторону, выписывая замысловатые вензеля, но не уходил от немцев за пределы видимости. Осатюк вел огонь из пушки с единственной целью ослепить вражеский экипаж, не давая ему вести прицельный ответный огонь.

— Держи вдоль леса, к круглой опушке! — приказал лейтенант.

Никогда еще Макаренков не орудовал рычагами управления так быстро, действуя на пределе человеческих возможностей. Казалось, танк, совершая неожиданные повороты, вот-вот перевернется.

Чем ближе к круглой полянке, тем больше росло напряжение. Но вот танк выскочил на поляну. Осатюк коснулся плеча механика. Макаренков сразу понял команду — такие сигналы подавались еще во время учений. Он мгновенно выключил левый фрикцион. Машина, послушная своему хозяину, взревела и, поднимая снежное облако, развернулась. Казалось, не было более удобной мишени для противника, чем танк, повернувшийся к нему бортом. Но Осатюк внезапно повернул башню и мгновенно открыл слепящий огонь в упор по смотровым щелям тяжелого германского танка.

Мощным рывком Макаренков увел «малютку» вперед. Немецкий танк со скрежетом повернул вслед за нашей машиной. Борт тяжелого танка теперь был обращен к роще.

В это время из-за деревьев вырвалась острая сверкающая полоска. Грянул орудийный выстрел. Потом второй... Через мгновение сильный взрыв внутри вражеского танка сотряс воздух.

Танки, вперед!

— Ваня! Заманили дуру! Готово! — со вздохом облегчения вырвалось у Осатюка.

Обтирая рукавом пот, сбегавший крупными каплями со лба, Макаренков ответил так, будто участниками события были не он и не Осатюк:

— Не подвела наша «малютка».

Не прошло и трех минут, как у круглой поляны появился второй тяжелый танк. В считанные секунды скрытая за деревьями батарея 61 тлбр расправилась и с другой вражеской машиной⁷.

Скорее всего, это были «Тигры» из 502-го тяжелого батальона танков вермахта за номерами «250005» и «250006». По немецким данным, в первой машине снаряд пушки попал в моторное отделение, и танк сгорел, а во второй машине арт-снаряд попал в башню; кроме того, у этой машины сломалась трансмиссия, и немцы подорвали ее сами 17 января.

Осатюку повезло еще тем, что свидетелем его боя с «Тиграми» было командование бригады, которое находилось вблизи злополучного поселка.

Как раз в то время, когда наши артиллеристы поразили второй тяжелый танк, комбриг с замполитом подскочили на «малютке» к огневой позиции батареи. У орудия, которое только что выручило Осатюка, стояли возбужденные артиллеристы, громко обсуждая подробности боя.

— Обработали на славу, — заметил Хрустицкий, пока зывая рукой в сторону нацистского танка.

Артиллеристы, почерневшие от копоти, в изодранной, перемазанной торфяной грязью одежде, не скрывали радости⁸.

Этот бой с «Тиграми» стал основной составляющей в присвоении экипажу легкого танка Т-60 (для всего экипажа это, скорее всего, единственный случай) с номером «164» званий Героев Советского Союза.

Так сложилось, что во многих историко-литературных произведениях о прорыве блокады Ленинграда экипажу тан-

ка Т-60 под командованием Осатюка кроме этого боя стали приписывать и несуществующие подвиги. Поэтому автор считает нужным изложить всю хронику боевой деятельности танкистов Осатюка и Макаренкова в этой операции, тем более что продолжалась она всего два дня — 16 и 17 января 1943 года.

На следующий день после вышеописанного боя упорное сражение развернулось за город Шлиссельбург, который освобождали 86 сд Героя Советского Союза В.А. Трубачева, 34 лбр и бронеполк 61 лтбр. Рано утром 16 января 330-й полк подполковника Г.И. Середина из 86-й стрелковой дивизии начал штурм города. В каменных зданиях за прочными стенами немцы чувствовали себя уверенно и сопротивлялись с особым ожесточением. Большую помощь штурмовым группам подразделений оказывали орудия прямой наводки и бронеполки БА-10. Они били по амбразурам, разрушали стены домов, уничтожали вражеские пулеметы. Дом за домом, квартал за кварталом переходили в руки наших бойцов.

В один из решающих моментов боя на побережье младший лейтенант А.Н. Рядовкин с группой бойцов первым ворвался во вражеский ДЗОТ. Туда же вбежали еще несколько германских солдат. В этой схватке Рядовкин, расстреляв все патроны, уничтожил гранатой врагов и погиб при этом сам.

К 17 января войска Волховского фронта захватили Рабочие поселки № 4 и 8, станции Подгорная и Синявино и вплотную подошли к Рабочему поселку № 1. Коридор, разделявший войска Ленинградского и Волховского фронтов, стал совсем узким.

Командующий 67-й армией приказал командиру 136-й дивизии, усиленной четырьмя артиллерийскими и минометными полками, 61-й легкотанковой бригадой (2 батальона Т-60, МСПБ) и одним батальоном 138-й бригады, перейти в решительное наступление и соединиться с частями 2-й удар-

Танки, вперед!

ной армии в Рабочем поселке № 5. 123-я стрелковая бригада должна была встретиться с волховчанами в Рабочем поселке № 1. 102-й стрелковой бригаде совместно с 220-й танковой бригадой предстояло завершить окружение противника в городокском узле сопротивления.

Командир 26-го армейского корпуса противника решил вывести свои блокированные части из Шлиссельбурга, бросив в контратаку до двух пехотных полков, поддержанных танками. Но прорыв не удался. Враг потерял убитыми и ранеными около 500 солдат и примерно столько же пленными.

Однако во время борьбы с немецкими окруженцами танк Т-60 с номером «164» был подбит. Это произошло на рассвете 18 января. В «малютку» попал снаряд, и на танке сорвало гусеницу. В ногу был ранен механик-водитель Т-60 Макаренков, которого Осатюк вытащил через нижний люк, перевязал и под обстрелом противника дотащил до санитаров. Звание Героя Советского Союза Иван Михайлович Макаренков получил уже в госпитале⁹.

Через несколько частей войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились. Блокада Ленинграда была прорвана. 18 января 1943 года завершилась операция «Искра». Отличившаяся при ее проведении 61-я легкотанковая бригада впоследствии получила наименование 30-й гвардейской танковой бригады.

За бои по прорыву блокады звание гвардейской получило еще одно соединение Ленинградского фронта: 136-я стрелковая дивизия, с которой взаимодействовала 61 лтбр, стала 63-й гвардейской дивизией. Танкисты послали ханковцам, ставшим за 7 дней их боевыми братьями, самые сердечные поздравления.

После завершения операции «Искра» прошло еще несколько дней. Комбриг 61 получил записку от члена Военного совета Ленинградского фронта генерал-майора Штыкова.

«Тов. Хрустицкий!

Искренне поздравляю с наградой и гвардейским званием.

Будучи у тов. Сталина 6 февраля докладывал о действиях вашей бригады и поведении танкистов. Сталин сказал: "И на маленьких танках при желании тоже можно хорошо воевать".

Надо теперь закрепить достигнутое и боевыми делами заработать орден. При желании это возможно».

В эти же дни вышел указ о присвоении Осатюку и Макаренкову званий Героев Советского Союза.

Макаренков, как уже говорилось, лежал в это время в ленинградском госпитале, в здании Педагогического института имени А.И. Герцена.

В день опубликования указа сосед по койке спросил Макаренкова:

— Иван, тебя как по батюшке величают?

— Михайлович.

— Указ есть: звание Героя присваивают Ивану Михайловичу Макаренко, не тебе ли?

— Не, моя фамилия Макаренков, а не Макаренко. Да и какой я герой!

Но в госпиталь уже явились танкисты, поздравляли боевого друга, объяснили, что в указ будет внесена поправка.

В Музее обороны Ленинграда с марта 1947 года экспонировался танк Т-60 с номером «164» лейтенанта Д.И. Осатюка. Правда, вероятность, что именно на этой машине его экипаж и совершил вышеописанный подвиг, весьма мала. Впоследствии при ликвидации музея в 50-е годы этот Т-60 бесследно исчез¹⁰.

Но в памяти потомков надолго останутся стихи из произведения поэта Виссариона Саянова, посвященные 61-й легкотанковой бригаде.

Танки, вперед!

*

*...И день настал — Нева и Волхов
Вперед рванулись в час один. Когда
смешался свист осколков С полетом
пуль и воем мин. Шли батареи, шли
родные, Шли по дороге снеговой.
Пехоты цепи боевые Вгрызались в берег
за Невой-И маршал русский в тесном
штабе Следил по карте, как врага
Теснили воины сквозь хляби. Сквозь все
заневские снега. И вдруг — как рухнула
ограда, Моторов мощных гулкий рев, То
танковая шла бригада На укрепления
врагов.*

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ:

¹ *Прочко Е.И.* Легкие танки Т-40 и Т-60. «Бронекolleкция» № 4 за 1997 год. М., 1997, с. 18.

² ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 80038 ее, д. 37, лл. 117—119.

³ Там же, лл. 120—121.

⁴ В.В. Хрустицкий в основном воевал на КВ, но в первой половине 1942 года руководил 84-м отдельным танковым батальоном, укомплектованным достаточно редкими легкими танками сопровождения пехоты Т-50.

⁵ *Румянцев Ф.К.* Огнем и тараном. Л., Лениздат, 1971, с. 18—20.

⁶ Там же, с. 41.

⁷ Там же, с. 79—81.

⁸ Там же, с. 81.

⁹ В сборнике «Танкисты в сражении за Ленинград» поединки Д.И. Осатюка и И.М. Макаренко на Т-60 с «Тиграми» датируется 18 января 1943 года: «на рассвете 18 января у Рабочего поселка № 5», что не соответствует действительности, зато очень удобно для создания пропагандистских мифов.

¹⁰ *Прочко Е.И.* Легкие танки Т-40 и Т-60. «Бронекolleкция» № 4 за 1997 год. М., 1997, с. 32.

«НЕДОРОСЛИ»

Одной из причин, определяющих боеспособность танковой части или подразделения, является компетентность его командного состава. Германский офицерский состав был сложившейся многовековой кастой и в целом являлся более образованным, нежели наши доблестные командиры. Отечественная каста находилась, как тогда говорили, «в Париже», да и вообще после революции была рассеяна по всему миру. Однако нет худа без добра. Изменение социальной системы позволило сделать военную карьеру многим народным самородкам, которые в царской армии не пробились бы дальше унтер-офицера. Эта генерация умела побеждать за счет нестандартных тактических решений и морально-волевых качеств. Но иногда среди командиров РККА встречались такие экземпляры, от которых в ужас приходили даже наши «народные» военачальники. На 2-й технической конференции бронетанковых и механизированных войск Ленфронта¹, проводившейся 22 сентября 1943 года, было приведено несколько примеров «выдающейся компетентности», выявленных в результате проведения проверок и зачетов.

Работники АБТВ Ленинградского фронта подошли к сложным проблемам, характерным для всей Красной армии того периода, достаточно творчески. В течение нескольких месяцев, предшествующих конференции, они письменно и устно тестировали различные категории руководителей, непосредственно связанных с бронетанковыми войсками (фронта). Не

• ленились даже ходить на занятия в учебные подразделения и слушали, как проходит обучение новобранцев. Подобные подходы свидетельствовали о том, что кризис поражений первых лет войны начал постепенно преодолеваться, а также о том, что начала формироваться армия победителей, разгромившая впоследствии вооруженные силы немцев — народа, по своему психотипу наиболее склонного к военному делу.

Сам доклад был построен не в характерной для советской системы обличительно-запугивающей манере, а в достаточно ироничном ключе сравнения известных российских и советских литературных персонажей с их аналогами из бронетанковых частей Ленинградского фронта.

Докладчик, оценивая ситуацию, перенесся на год назад — в страшный 1942-й, когда решались проблемы выживания нашего государства. Но и в этих условиях находились нарушители дисциплины, которые возили дрова для бани на танках Т-26, ездили на бензозаправщике «на пьянку», делали караульную будку из кабины автомобиля ЗиС-5². Тогда с лицами, замеченными в порче скудного военного имущества, поступали по закону «сурового военного времени». Осенью 1943 года была совершенно другая ситуация, требующая кропотливого воспитания различных категорий командного состава. Тем более что уровень теоретических и практических знаний некоторых офицеров и сержантов оставлял желать лучшего.

Всех проверяющих просто поразил заместитель начальника штаба по спецсвязи 222-й танковой бригады техник-лейтенант Дубровин, который не знал, какие танки состоят на вооружении его соединения, и по внешнему виду не мог отличить танк КВ от танка Т-34.

Среди командиров боевых машин было много таких, кто считал себя «великими полководцами», глупо уверенных в том, что знание материальной части им совершенно не нужно. Например, лейтенант Сайдуков из 46-го гвардейского танкового полка на вопрос, как устроен и как регулируется главный фрикцион машины КВ, ответил: «Зачем мне это знать?»

Моя задача — командовать, воевать, а для регулировки, смазки и подготовки танка к бою есть техники и механики-водители».

Под общий хохот зала докладчик сравнил его с Митрофанушкой. В бессмертном произведении Фонвизина «Недоросль» мать Митрофанушки не советовала ему изучать географию, считая, что это не дворянское дело, — на то извозчики есть. Она, безусловно, поддержала бы своего «единоутробного дитятку» Сайдукова и не посоветовала бы, конечно, изучать материальную часть танков, забивать и без того свою слабую головку моторами, коробками, разными смазками, — пусть это техники да механики мучаются. Дело Сайдукова командирское — «впереди на лихом коне»: сесть в танк и сказать «повези меня туда-то», его и повезут.

Другой «самородок» — техник-лейтенант Маточкин — на вопрос о месте расположения ведущих колес танка БТ ответил: «Это смотря откуда смотреть и при какой скорости».

Докладчику невольно вспомнился... сам Митрофанушка, когда, показывая свои глубокие познания в грамматике, на вопрос Правдина: « Дверь — это что, имя существительное или прилагательное?» —глубокомысленно отвечал: «Это смотря какая дверь. Ежели вот эта, дак эта прилагательная, потому что она к своему месту приложена, а вот та, что у чулана шестую неделю стоит не навешена, дак это существительна». «Ну, а дурак? — спрашивал Правдин. —Что это, прилагательное или существительное?» — на это Митрофанушка, не задумываясь ответил: «Известно, прилагательное, раз к дураку приложено».

Наверное, нашим командирам (говорил литературовед-докладчик подполковник Федоров) надо было задать подобный вопрос товарищу Маточкину после его столь глубокомысленного дипломатического ответа на простой и прямой вопрос о количестве и расположении ведущих колес в танке БТ, с тем чтобы окончательно решить — какое «крепкое»

имя существительное следовало бы приложить к фамилии товарища Маточкина после его ответа.

При проведении зачетов среди офицерского состава было обнаружено немало «изобретателей», которые «мгновенно» создавали и вводили новые изменения в конструкцию существующих машин.

Так, например, начальник химслужбы 46-го гвардейского танкового полка уверял, что на танках КВ устанавливается один водяной радиатор в трансмиссионном отделении над мотором, а иногда и в боевом.

Командир роты радистов из 12-го учебного танкового полка старший техник-лейтенант Треньяков уверял, что на танке КВ устанавливается аккумулятор с напряжением 144 вольта.

Командир танка младший лейтенант Михайловский не знал не только емкости водяной, топливной и масляной систем своей машины, но не мог показать, куда заливаются вода, масло и горючее. На вопрос: «Через сколько часов работы танка меняется смазка в КПП?» — отвечал, что через 5 часов.

Говоря о технических знаниях, нельзя не сказать пару слов о названиях и технических терминах, которые иногда фигурировали в совершенно официальных документах и повседневных разговорах.

Например, младший лейтенант Калинин из 12-го учебного танкового полка, проводя занятия с курсантами, заявлял: «Фрикцион стартера такой же, как на машине, он только поменьше и его назначение букснуть, когда двигатель захватило». Но оказалось, что малограмотные слушатели не очень понимают, чем захватило двигатель. По логике незадачливого преподавателя, — если назначение фрикциона стартера букснуть, то назначение мотора — крутнуть КПП, а пушки — пулнуть. Докладчик привел пример уже другой книги — Корнея Чуковского «От двух до пяти», где трехлетний Юра не стреляет, а пуляет из ружья и очень схож

Танки, вперед!

по своему уровню культуры с командиром Красной армии Калининым.

В той же учебной части служил лейтенант Кирьянов, который при обучении танкистов, объясняя задачи экипажа танка в засаде, говорил: «Как только мы с вами головной хвашистский танк поймали на нитку — огонь — и долбим, долбим его по борту».

Техник-лейтенант Рассказов также отличался «культурой» в изложении технических терминов, говоря: «Центрить КПП можно было либо по движку, либо по борточкам».

Рядовые танкисты и так толком не знали никаких технических терминов, а подобный сленг окончательно путал их «неокрепшее сознание».

Бестолковые объяснения командиров и начальников при обучении л/с танковых экипажей, скорее всего, были связаны с тем, что они сами весьма поверхностно знали материальную часть.

Только в этом случае ыа уровень Ленфронта из 46-го гвардейского танкового полка (помощник командира по технической части капитан Тышко) могло поступить следующее предложение народного умельца, красноармейца-изобретателя Бунина следующего содержания: «Так как наши танки часто застревают в канавах и болотах, что ни выехать ни назад, ни вперед, предлагаю на ведущие колеса крестом, как на кружале конного привода, привинтить бревна на 1—2 метра выше танка, чтобы машина могла выйти задним ходом из канавы или кювета. Для привертывания бревен, чтобы легче было экипажу, надо делать скобы вроде хомутов с гайками и привертывать вместе с колесом, когда машина засевши. До этого бревна возить на крылах танка.

Можно, что и другое придумать, чтоб машина не садилась в канавы, а сама вылазила из них и била гадов»³.

Конечно, понятно желание «народного Кулибина» облегчить участь танкистов, но дело-то не в этом. Один совершенно безграмотный человек написал совершеннейшую галима-

тью, а другой не разъяснил ему невозможность технической реализации его предложения, а направил это «творение» в управление БТ и МВ фронта — пусть разбираются там.

Для того чтобы эффективно эксплуатировать достаточно высокотехнологичную, особенно для того времени, бронетанковую технику, необходимо правильно вести документацию, отражающую техническое состояние гусеничных боевых машин. Однако и в достаточно стабильных условиях Ленинградского фронта командиры частей и соединений нередко без прочтения «подмахивали» акты и отчеты, порождая настоящие литературные шедевры. Например, в одном из актов-рекламаций, который подписал некий майор Кубраков, было написано: «Причина аварии, поломки — недобросовестный износ». Этот новый термин немало повеселил сотрудников ремонтного предприятия. Другая «литературная новинка» — извещение № 9 в вышестоящий штаб — имело следующую структуру:

«1. Округ Ленинградский ... /почт. Ящик, пп № 86677./.

2. Город Ленинград.

3. Марка машины КВ-1.

4. Завод изготовитель или ремзавод № 371.

5. Номер машины заводской ... 5116.

6. Время получения машины с завода — 22 апреля 1943 года.

7. Машина проработала со времени получения с завода 48 часов...

8. Описание обнаруженного преждевременного износа, поломки или аварии — заклинение башни.

9. Причины преждевременного износа или аварии. Причина будет выяснена **при вскрытии башни.**

10. Прошу отремонтировать представителя инспекции НКТП в части для составления акта-рекламации.

Командир части (Стеркин)»⁴.

Подобные литературные опусы, несмотря на свою комичность, з немалой степени характеризовали уровень командно-

Танки, вперед!

штабной и технической культуры в Красной армии. К сожалению, фактор некомпетентности в отдельных случаях «крепко влиял» и на боевые операции, особенно на те, которые проводились в рамках «боев местного значения», где не всегда присутствовало всевидящее око фронтового начальства.

В феврале 1942 года 8-я советская армия сражалась в составе Ленинградского фронта, содействуя 54-й армии при проведении Любанской операции, направленной в конечном счете на прорыв блокады Ленинграда. На участке этого объединения и произошел анекдотичный случай, во «всю мощь» характеризующий достоинства и недостатки нашей родной армии.

Дело было в 16-й танковой бригаде. Следует сразу сказать, что в документах Ленинградского фронта (данные на 15 февраля) это соединение числилось за 54-й армией. Но в отчете 8-й армии указано, что 16 тбр передана в 54 А только к исходу 27 февраля 1942 года. А за 10 дней до этого срока и произошли указанные события.

10 февраля 16 тбр, отведенная во второй эшелон и не имеющая матчасти, начала получать отремонтированные танки Т-26 и БТ с заводов Ленинграда. На 12 февраля в бригаде было 3 БТ-5 и 2 Т-26, а в пути к месту дислокации находилось еще 13 боевых машин. Все прибывшие танки сосредотачивались в районе Александровки, где и приводились в порядок после марша.

18 февраля последовал приказ выделить из состава 16-й танковой бригады 4 танка Т-26 и один БТ-5 для совместных действий с 294-й стрелковой дивизией Красной армии. Десантно-штурмовые группы из танков и пехоты (тогда терминология была несколько другая — их называли блокировочно-штурмовые группы. — *Примеч. авт.*) ограниченными силами должны были провести наступление частного характера. В боевом приказе 294 сд задача была сформулирована так: «Танкам совместно с 294 сд, в составе блокировочно-штурмовых групп прорвать оборону против-

ника на фронте — лес 0,5 км, юго-восточной отметки 68,2, река Светленькая и уничтожить противника, нанося удар в направлении озера Белое»⁵.

Такая задача была явно не по плечу 5 танкам и приданной ей пехоте. Целесообразно было поставить конкретную задачу каждой блок-штурмовой группе, и не по рубежам и направлениям, а конкретно по выявленным целям.

Необходимо сказать, что при постановке задачи присутствовали специалисты из отдела АБТВ 8-й армии — подполковник Петровский и майор Иванов. Они указали начшта-бу дивизии на структурные недостатки боевого приказа на наступление. Но тот уже ничего не хотел менять. Возникла перепалка. После скандала танкисты, бывшие «ближе» по своему положению к вышестоящему штабу, доложили суть проблемы начштабу армии. После «взбучки» сверху задача танкам была поставлена «более целеустремленно, отменявшая предыдущую задачу как некорректную и непосильную». Однако при постановке задачи начальник штаба имел дело с командиром и начальником штаба 16-й танковой бригады, а не собственно с командиром роты, танки которого и должны были прикрывать пехотинцев. Начштаба 294 справедливо полагал, что он (командир роты) получит задачу от командира бригады. Но все случилось, как в испорченном телефоне. Командир 16-й танковой бригады то ли забыл, что ему говорили в штабе дивизии, то ли имел какое-то свое видение на проблему, но боевая задача им была поставлена уже по-иному: «Произвести рекогносцировку подступов к полю боя и поля боя всем экипажам на участках полков 294 сд». Он не сказал командиру роты, каким методом, с кем и как будут действовать танки. И командир танковой роты (на тот момент старший лейтенант Кравченко) проходил весь день по указанной местности и вернулся с рекогносцировки только вечером.

Прибывший на следующее утро проверить знания, задачи и организацию взаимодействия танков подполковник

Танки, вперед!

Петровский установил удивительные вещи. Первое — без каких-либо существенных обстоятельств был сменен командир злополучной танковой роты: вчера еще ей командовал старший лейтенант Кравченко, а сегодня (19 февраля) — старший лейтенант Ярцев. Второе — новый командир вчерашней задачи танкам не знал и с пехотными начальниками, а тем более с блок-штурмовыми группами, никакой связи, естественно, не установил и никакого взаимодействия не организовал. Третье — новоиспеченному командиру роты никто так и не сказал, как действовать и каким количеством танков. Он предлагал «свои услуги» командирам пехотных полков 294-й стрелковой дивизии и обещал даже не пять, а все 10 танков из его роты, но пехотинцы гнали его прочь, говоря: «Я такой задачи не имею и о танках ничего не знаю». Слова комполков 294 сд также можно интерпретировать по-разному: то ли им тоже не довели боевой приказ, то ли речь шла только о пяти танках, и предложение 10 машин дезориентировало пехотных командиров⁶.

После открывшейся горькой правды командира танковой роты товарища Ярцева «под конвоем» начальника 1-го отделения АБТВ армии майора Иванова отвели в штаб 294 сд, где он наконец узнал общую и частную задачу, а также увязал свои действия с пехотными штурмовыми группами.

Параллельно с подготовкой пехоты и танкистов инженерные войска до пределов возможного прорубали просеки в направлении ДЗОТов противника, чтобы наши танки могли маневрировать на открытом пространстве. Правда, специалисты-саперы в спешке забыли, что деревья надо спиливать не на уровне снега, а под самый корень — на уровне земли. Впоследствии во время атаки на германские позиции один из наших танков сел на такой пень, словно пароход на мель, и вертелся волчком под обстрелом противника, пока его не сдернули «с насеста» с помощью лебедки.

В 10.00 19 февраля, после уточнения всех деталей, началось неспешное наступление советских войск. Танки (5 ма-

шин) совместно с частями 294 сд, выдвинувшись на передний край, вели интенсивную стрельбу с места по укрепленным огневым точкам противника. За этот день пехота 857 сп захватила два ДЗОТа и несколько траншей противника севернее моста через реку Светленькая.

Но в ночь на 20 февраля противник перешел в контратаку и, оттеснив наши стрелковые части, занял свои прежние позиции. Надо было начинать все заново. Атакующую группировку стали усиливать: подошли новые подразделения 294 сд, мотострелково-пулеметный батальон 16 тбр, а также отдельный бронепатальон (22 средних бронеевтомобиля БА-10), с 4 февраля оперативно подчиненный 16-й танковой бригаде для действий в составе уже 54-й армии.

20 февраля наши войска опять двинулись в атаку. Танки активно участвовали в бою: разбили 6 ДЗОТов, уничтожили одну ротную минометную батарею, два пулемета и до 60 офицеров и солдат противника. Наши гусеничные боевые машины с блокировочно-штурмовыми группами из 294-й стрелковой дивизии в общей сложности действовали с 19 по 26 февраля. За этот период они уничтожили 8 ДЗОТов, минометную батарею, два станковых пулемета, 84 офицера и солдата противника. Потерь у танкистов почти не было (и этому немало поспособствовали пни, которые саперы сделали слишком высокими), так как танки и бронеевтомобили в основном осуществляли огневую поддержку на значительном расстоянии от пней и германских позиций. Потери 16 тбр составили: убитыми 3 человека, ранеными 14 человек. Также прямым попаданием тяжелого снаряда была уничтожена бронеевтомобиль БА-10 (ее экипаж и составил безвозвратные потери).

Малые потери 16 тбр помимо ряда тактических обстоятельств и факторов объясняются в том числе и хорошей организацией управления подразделением в бою. Но какими средствами это было достигнуто и что бы было, если бы сотрудники АБТВ 8-й армии поленились или физически не смогли проверить постановку боевой задачи танкистам?

Танки, вперед!

Между тем приключения 16-й танковой бригады продолжались. Утром 20 февраля в расположение соединения через Ладожское озеро стали перегонять тяжелые танки КВ, переданные из 123 тбр. Технология их транспортировки из Ленинграда была отработана еще в конце 1941 года, а сама ледовая переправа для тяжелых танков «официально» открылась 15 января 1942 года (см. предыдущую главу). В данном конкретном случае использовалась упрощенная транспортная схема: впереди трактор с башней на санях, за трактором по той же колее — танк КВ с экипажем, но с демонтированной башней. Был февраль, поэтому лед на Ладоге достаточно прочен. Однако танкисты не уследили за впереди идущим трактором, который прокладывал колею (и одновременно тащил сани с башней), сбились с проложенного пути и на злосчастном 9 км от Коккореево (там проваливалось много боевых машин) один из КВ проломил лед и кормой ушел под воду. Экипаж успел выскочить и остался «воевать» с одной башней — машина утонула. Последующие танки КВ благополучно переправились через Ладожское озеро. К 27 февраля 16-я танковая бригада имела в своем составе следующую материальную часть: на сборном пункте находились 3 КВ (все боеспособны), 4 Т-26 (все боеспособны), 3 БТ-7 (один боеспособен), 11 БТ-5 (6 боеспособны). Из двух танков КВ, ремонтирующихся на месте поломки, один находился в Кобоне, а другой — в Лаврово. Два танка БТ-5 экипажи чинили в Коккореево⁷.

26 февраля была получена шифровка, согласно которой к исходу 27 февраля 16 тбр должна была перейти в подчинение 54-й армии и сосредоточиться в районе н/п Малукса.

27 февраля в 06.45 управление бригады, танковые подразделения, бронепатальон, мотострелково-пулеметный батальон выступили в новый район сосредоточения, выбыв из состава 8-й армии.

Следующий достойный литературного описания случай «оригинального» взаимодействия пехоты и танков произо-

шел уже в середине войны — в период проведения так называемой Войтолово-Мгинской наступательной операции Красной армии.

После прорыва блокады Ленинграда с 19 марта 1943 года войска Волховского и Ленинградского фронтов проводили новую операцию, направленную на разгром все той же злополучной мгинско-синявинской группировки противника, которую не удалось разбить в августе — сентябре 1942 года. Закончили наступление фронты в разное время: Ленинградский — в конце марта, Волховский — в апреле. Анализ имеющихся материалов позволяет сказать, что Войтолово-Мгинская операция проводилась как часть плана «Полярная звезда» — полностью неосуществленного действия по разгрому войск группы армий «Север», и прежде всего демянской группировки 16-й немецкой армии. В связи с неудачами «головного» в этой операции Северо-Западного фронта активность Волховского и Ленинградского объединений была необходима в целях недопущения переброски соединений группы армий «Север» на южные фронты, где решался исход войны.

Основанием для проведения Войтолово-Мгинской наступательной операции явилась директива Ставки ВГК № 30066 командующим войсками Ленинградского и Волховского фронтов, подписанная И.В. Сталиным 7 марта 1943 года. Отмечу основные положения этой директивы.

«Для проведения операции по разгрому мгинско-синявинской группировки противника Ставка ВГК приказывает:

1. Командующему Волховским фронтом силами 10 стрелковых дивизий и 4 стрелковых бригад с соответствующими средствами усиления (это прежде всего 55-я и 8-я армии Волховского фронта. — *Примеч. авт.*) прорвать оборону противника на фронте Вороново, Лодва и овладеть районом Со-логубовка, Муя, перерезать в этом районе грунтовую коммуникацию противника, с последующим развитием удара в тыл мгинско-синявинской группировке противника. В районе

Танки, вперед!

Воитолово соединиться с войсками Ленинградского фронта, с тем, чтобы двинуться на север, в район Мги, окружить мгинско-синявинскую группировку противника, уничтожить или пленить ее.

На фронте 2-й ударной армии (директивой Ставки ВГК № 30065 от 7 марта 1943 года 2-я ударная армия в полном составе и со средствами усиления с 8 марта 1943 года возвращалась в состав Волховского фронта) временно перейти к обороне.

2. Командующему Ленинградским фронтом силами 8 стрелковых дивизий и 3 стрелковых бригад с соответствующими средствами усиления прорвать оборону противника на фронте Красный Бор, поселок Песчанка, нанести удар в направлении Ульяновки и овладеть железнодорожной станцией Саблино, перерезать железную дорогу и шоссе с движением на участке Ульяновка — Мга с последующим развитием удара на Воитолово, в тыл мгинско-синявинской группировки противника.

В районе Воитолово соединиться с войсками Волховского фронта и совместно с ним окружить мгинско-синявинскую группировку противника, уничтожить или пленить ее.

На фронте 67-й армии временно перейти к обороне.

3. Начало операции обоих фронтов — 14 марта 1943 года. Операцию по ликвидации мгинско-синявинской группировки противника закончить не позднее 23 марта 1943 года.

4. Руководство операцией возложить на командующих войсками фронтов»⁸.

Вроде бы документ предельно ясен и пора действовать. Однако 14 марта 1943 года маршал К.Е. Ворошилов, координирующий от лица Ставки ВГК действия Ленинградского и Волховского фронтов, доложил в Москву о неготовности фронтов к операции и необходимости ее переноса на 4—5 дней.

В силу указанных обстоятельств наступление ударной группировки Волховского фронта (55-я и 8-я армии) началось 19 марта 1943 года. Именно в этих боях и участвовал 50-й

отдельный тяжелый гвардейский танковый полк прорыва, ставший объектом нашего военно-исторического исследования.

Эта часть прибыла в состав армии 17 марта 1943 года — за два дня до начала наступления. Она была оснащена 21 тяжелым танком британского производства МКГУ «Черчилль Ш/ГУ», а для разведки и связи в полку имелось также 3 английских легких гусеничных бронетранспортера «Универсал-Керриер». Танки «Черчилль» по советским меркам представляли из себя достаточно оригинальную конструкцию.

Во время Второй мировой войны британское командование продолжало реализовывать собственную концепцию применения танков, разделяя их на пехотные и крейсерские. Пехотные гусеничные боевые машины должны были применяться для сопровождения стрелковых соединений и частей, поэтому наиболее важным параметром тактико-технических характеристик этого типа танков являлась бронезащита, способная сохранить неспешно двигавшуюся за цепями пехоты боевую машину. Крейсерские танки предназначались для маневренных действий в составе крупных бронетанковых и мотомеханизированных соединений, поэтому главным защитным параметром ТТХ танка этого типа стала скорость и маневренность. Про вооружение здесь не стоит говорить — британские танковые пушки по своим параметрам значительно уступали советским, германским или американским артсистемам.

Оценивая конструктивные и эксплуатационные характеристики 40-тонного «Черчилля», созданного именно для поддержки пехоты, необходимо отметить любопытный факт. Пытаясь создать абсолютно неуязвимый с точки зрения бронезащиты пехотный танк (толщина брони в пределах 175—177 мм против 95—75 мм у обычного КВ и 82—60 мм у облегченного КВ-1С), способный к тому же сравнительно легко преодолевать фортификационные сооружения, англичане запрограммировали целый ряд параметров, которые в

одном случае приносили пользу, а в другом вред. Так, большая длина этого танка позволяла легко преодолевать рвы и траншеи, но при этом машина имела такое соотношение геометрических параметров корпуса, что (даже по сравнению с более тяжелым германским «Тигром») резко ограничивало ее маневренные качества даже при наличии весьма удачной трансмиссии. Охват гусеницей корпуса, с одной стороны, позволял машине преодолевать препятствия, недоступные для других танков, а с другой — привел к резкому повышению поражаемости лобовых ветвей гусениц. Почти все подбитые танки имели попадания в лобовые ветви. Кроме того, зимой салазки верхней ветви гусениц забивались снегом (это особенно проявилось в России), из-за чего гусеница поднималась выше погона башни и заклинивала ее.

57-мм артсистема, которой вооружались «Черчилли» 3-й и 4-й производственных модификаций, своей бронебойной гранатой пробивала броню двух бортов немецкого среднего танка Pz.Kpfz. III, суммарной толщиной в 60 мм, с дистанции 950 метров. Она по своим характеристикам значительно уступала советским 76,2-мм артсистемам Ф-32, Ф-34 и ЗиС-5, которые устанавливались на тяжелых КВ и на средних Т-34. К тому же британская пушка в своем боекомплекте не имела осколочно-фугасных боеприпасов, а только бронебойные и осколочные (осколочных, правда, не было на советских танках). Последнее обстоятельство заметно снижало эффективность применения танков для поддержки пехоты.

Собственно, 3-я и 4-я модификации «Черчилля» отличались между собой конструкцией башни и 57-мм артсистемы.

Выпуск модификации «Черчилль III» начался в феврале 1942 года. 6-фунтовая (57-мм) пушка МКШ была установлена в новой сварной башне увеличенного размера. Кроме того, на этих машинах гусеницы закрыли крыльями.

«Черчилль IV» ничем не отличался от предыдущей модели, за исключением способа изготовления башни, — она

•
 была литой. На большинстве танков этой модификации устанавливали 57-мм артсистему МКУ с более длинным стволом. Такая 6-фунтовая пушка легко отличима от более раннего варианта МКШ установкой противовеса-набалдашника у дульного среза.

Единственной иностранной армией (не считая Канады и, возможно, Австралии — стран Британского Содружества), получившей во время Второй мировой войны танки «Черчилль», стала Красная армия. Наши специалисты, конечно, понимали, что «Черчилли» уступают КВ по своим характеристикам, но из-за больших потерь на советско-германском фронте мы согласились получать и эту «не доведенную до конца машину», тем более что с танками Р2.Кр1^Ш и Рг.Крг^ IV большинства модификаций «Черчилли» вполне реально могли бороться на равных. В Советский Союз в рамках программы ленд-лиза было отправлено (нередко танки изымались даже из регулярных частей британской армии. — *Примеч. авт.*) 344 боевые машины модификаций III и IV, из которых до места назначения «доплыли» 253 единицы. «Черчилли», так же как и тяжелые танки КВ и КВ-1С советского производства, поступали в отдельные гвардейские тяжелые танковые полки прорыва. В каждой такой части согласно штату № 010267 полагалось иметь 21 танк и 214 человек личного состава. Звание «гвардейский» присваивалось сразу после приказа о формировании полка, так что особых героических заслуг у 50-го тяжелого полка прорыва пока не было⁹.

19 марта 1943 года войска 8-й армии Волховского фронта после 135-минутной артподготовки перешли в наступление. Дивизиям первого эшелона — 356-й (комдив генерал-майор Ф.К. Фетисов), 265-й (комдив полковник Б.Н. Ушинский), 286-й (комдив полковник А.А. Волков), 374-й (комдив полковник С.В. Коломиец) и 378-й (комдив генерал-майор И.М. Платов) — удалось прорвать немецкую оборону на участке Вороново — Лодва шириной 8 км и продвинуться вперед на 2—5 км.

Обслуживание танков БТ-2 и Т 26 образца 1939 года в 21 и танковой дивизии 10-го механизированного корпуса РККА. Ленинградский военный округ, май 1941 года (АВЛ)

Танкисты — защитники Ленинграда. Слева направо: И. Гнатюк, И. Матюхин, П. Краснов. Северный фронт, июль 1941 года (РГАКФД)

*Осмотр советскими специалистами трофейного немецкого танка
Pz.Kr{u}g.35 (I) Бр из состава 6-и танковой дивизии вермахта (6. Pameg-
ймион). Северо-запад России, июль 1941 года (РГАКФД)*

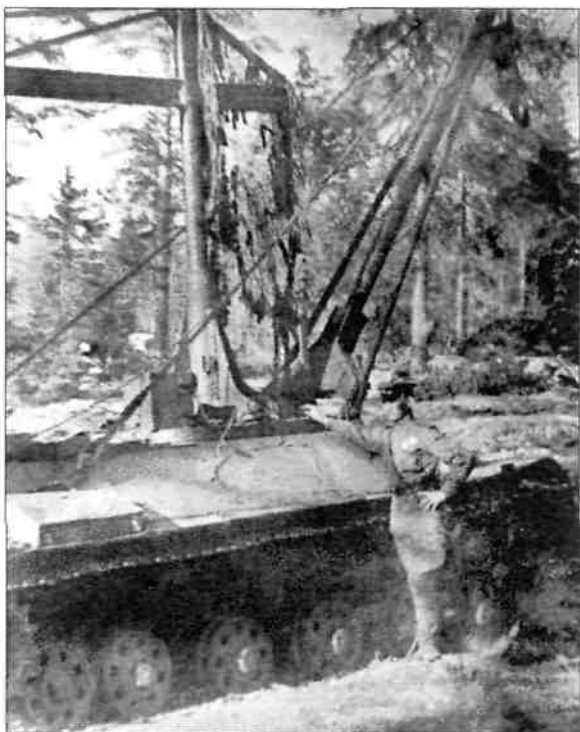
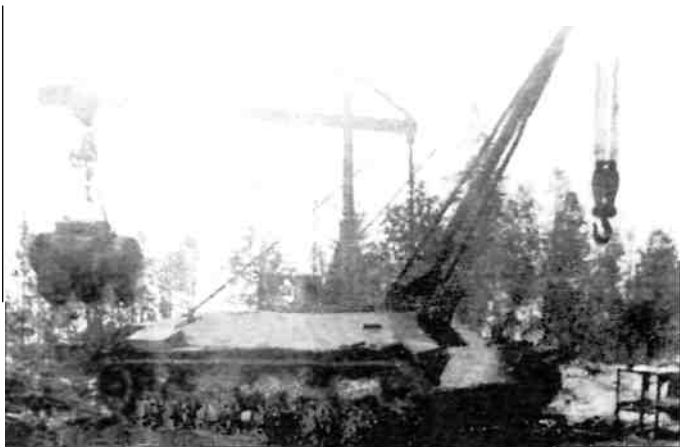
*Экипаж танка Т 26 образца 1933 года из состава 84-го отдельного
танкового батальона 55-й армии уточняет предстоящую боевую
задачу. Ленинградский фронт, сентябрь—октябрь 1941 года (АВЛ)*

Подготовка рабочими к передаче танка KV-1 представителям Красной армии. На надгусеничных полках установлены дополнительные топливные баки. Ленинград, сентябрь—октябрь 1941 года (АВЛ)

Тяжелые бронеавтомобили БА-10 и.> резервов Ленинградского фронта перебрасываются на один из участков боевых действий. Ленинград. осень 1941 года (РГАКФД)

*Ремонтная машина на базе легкого танка Т-50
(АА)*

Легкий танк Т-50 в обороне. Ленинградский фронт, весна 1941 года (АА)

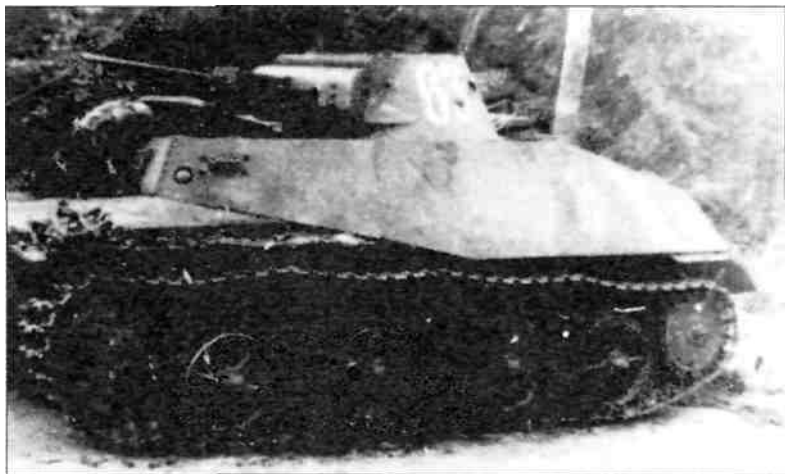
Командующий 54-й отдельной армией (со 2 по 26 сентября 1941 года) Маршал Советского Союза Г.И. Кулик (довоенный снимок (АВЛ))

Тяжелый танк КВ-1 (упрощенной башней и усиленными катками) стоит в укрытии на Московском проспекте рядом с Дворцом Советов. В октябре 1941 года в этом районе Ленинграда в резерве командующего фронтом находилась 124 тбр (АВЛ)

Экипировка танка Т 26 на одном из предприятий Ленинграда. Осень 1941 года. Обратите внимание, что крепления для установки глушителя и буксирного троса приварены к дополнительной броне (РГАКФД)

*Легкий танк Т 30, подбитый на подступах к Ленинграду. Возможно принадлежит 122 й танковой бригаде и.) 54 й армии.
Сентябрь 1941 года (АВЛ)*

*Экипаж среднего броневедомобиля БА-10 уточняет боевую задачу.
Ленинградский фронт, 42-я армия, январь 1942 года (АВЛ)*

Минометные расчеты (82мм минометы образца 1937 года) ведут огонь по врагу. Ленинградский фронт, январь—февраль 1942 года (АВЛ)

Экипаж специального звуковещательного танка Т 26, принадлежащего политотделу 55-й армии. В центре — командир танка воентехник 1-го ранга Е.К. Вихров. Ленинградский фронт, лето 1942 года (АВЛ)

Германские солдаты осматривают оставленный вследствие неудачного наступления советский огнеметный тяжелый танк KV 8 (АВЛ)

Увеличенное изображение миски пушки. Боевая машина имеет тактический номер «43». Волховский фронт, сентябрь 1942 года (АВЛ)

Эвакуация тяжелого танка «Тигр» после первого боя 29 августа 1942 года. У этой машины нет крепления для инструмента на кормовом листе корпуса, гранатометы на башне отсутствуют, хотя кронштейны для их установки уже есть. Группе армий «Север». 502й отдельный батальон тяжелых танков. август — сентябрь 1942 года (АВЛ)

Подразделение легких танков типа Т 38 на марше. Ленинградский фронт. Невская оперативная группа. Отдельный батальон легких танков, сентябрь 1942 года (АВЛ)

*Красноармейцы изучают материальную часть легкого танка Т-60.
Ленинградский фронт, ноябрь 1942 года (АВЛ)*

*Личный состав мотострелкового батальона 61 й легкотанковой
бригады на отдыхе. До начала наступления осталось несколько дней.
На заднем плане виден ствол 76.2-мм полковой пушки КТ 27 образца
1927 года. Ленинградский фронт, январь 1943 года (АВЛ)*

*Позиции наших войск в районе Невской Дубровки. На переднем плане
виден легкий танк Т-26'33 в зимнем камуфляже. Ленинградский
фронт, декабрь 1942года (АВЛ)*

*Подбитый немцами легкий танк Т 60 (и.) состава 61 й легкотанковой бригады.
Ленинградский фронт, январь 1943 года (АВЛ)*

*Герой прорыва блокады
Ленинграда, лейтенант
Л.И. Осатюк и. < 61 й
легкотанковой бригады.
Ленинградский фронт. 67 я армия,
январь 1943 года (АВЛ)*

*Тяжелый танк, лихваченный советскими войсками. Испытательный полигон в
Кубинке. 1943 год (АВЛ)*

Ремонт танка Т 60. Волховский фронт, май 1943 года (РГАКФД)

Группа танкистов и.1 30 й гвардейской танковой бригады позирует на фоне танка Т-34-76, который был собран на УВЗ о январе 1943 года. Ленинградский фронт, лето 1943 года (АВЛ)

Колонна танков Т 26 выдвигается к месту сосредоточения в район Луги. На переднем плане Т-26 образца 1933 года с поручневой антенной. Северный фронт, июль 1941 года (АВ.П)

Тяжелый танк британского производства МК IV ••Черчилль III» с собственным именем «Александр Невский» (тактический номер «61») совершает передислокацию на новые позиции. Ленинградский фронт, январь 1944 года (АВ.Л)

Колонна боевых машин Т 34 76 1-й Краснознаменной танковой бригады с десантом на борти продвигается вглубь оборонительных позиций финнов. Нанесение тактических номеров на бортах башни и передней части корпуса характерно именно для частей Ленинградского фронта в период лета—осени 1044 года (АВЛ)

Тяжелый танк KV I выпуска 1941 года в освобожденном советскими войсками Выборге. Боевая машина имеет номер «630» и принадлежит 260 му гвардейскому отдельному тяжелому полку прорыва. Ленинградский фронт, июнь 1941 года (АВЛ)

Как проходили эти бои, хорошо видно из описания боевых действий 50-го танкового полка, который взаимодействовал с частями 374-й стрелковой дивизии.

К операции на этом участке фронта вроде бы готовились тщательно: была проведена рекогносцировка местности и созданы колонные пути для продвижения к траншеям противника, так как наступать наши танки должны были сквозь кустарник высотой 35—40 см. Но в 50-м полку, который прибыл за два дня до начала наступления, сделать этого не успели и решили двигаться по открытой, но более болотистой местности, видимо надеясь на русское «авось». Обвинять командование части в безответственности здесь, наверное, нельзя. Кто бы разрешил отменить запланированное Ставкой наступление? Понадеялись, что пронесет. Не пронесло.

«Черчилли» поддерживали пехоту 374 сд в атаке на участке урочище Пушечная гора (отм. 70,2). Из 21 боевой машины, участвовавшей в этом бою, 12 застряли на болотистой местности и подорвались на минах, а два были подбиты артиллерийским огнем. Семь оставшихся машин ворвались на германские позиции, но пехота атаку не поддержала, и танки, расстреляв боезапас, вернулись в исходное положение. Пока танкисты и пехотинцы приводили себя в порядок, понятно, что никакого продвижения на этом участке не было, в другом месте наступления 8А (участок Вороново — Лодва) была введена в бой подвижная группа в составе полка 64-й гвардейской стрелковой дивизии (ранее 327-я стрелковая дивизия) и танкового батальона 122-й танковой бригады. Ей удалось обойти с севера мощный узел обороны Карбусель и продвинуться до железнодорожной платформы Турьшикино¹⁰.

В это время 374 сд опять собралась прорывать оборону противника. Эта акция должна была сопровождаться поддержкой танков 50 гв. отпп.

22 марта пять «Черчиллей» под командованием гвардии капитана Белогуба, согласно боевому распоряжению штаба 374 сд, должны были атаковать противника в направлении

развилки дорог в 400 м от озера Белое. Этим документом атака была назначена на 08.30. Сигналом для действий пехоты являлся проход танков через ее боевые порядки. В назначенное время «Черчилли» двинулись в атаку, но пехота вперед не пошла. Стрелки сидели в окопах и провожали танкистов удивленными взглядами. Оказывается, командование 374 сд операцию отменило, но танкистов об этом известить забыли. В это время «Черчилли» ворвались на немецкие позиции, где четыре машины были подбиты артиллерией, и лишь один танк вернулся на исходный рубеж атаки.

Толстая броня «Черчиллей» помогла экипажам выжить — танкисты сидели в обездвиженных танках и вели огонь с места. Эта эпопея началась около 11.00 22 марта и продолжалась три дня — до 25 марта 1943 года.

Каждую ночь автоматчики 50-го танкового полка из мотострелково-пулеметной роты доставляли танкистам боеприпасы и продовольствие, а перед рассветом уходили. За трое суток «Черчилли» уничтожили артиллерийскую батарею, 4 ДЗОТа, склад с боеприпасами и до двух взводов пехоты. Танк капитана Белогуба держал под обстрелом 105-мм батарею противника и не давал ей переместиться на другое место.

В это время командир танкового полка ругался с командованием 374-й стрелковой дивизии, требуя от пехотинцев продвинуть свои силы на рубеж, занятый танками. Немцы неоднократно предлагали экипажам подбитых машин сдаться в плен, на что танкисты отвечали мощным пулеметным и артиллерийским огнем. В связи с тем, что связь по радио между «окруженцами» и нашими штабами почему-то велась открытым текстом, немцам стало известно о том, что группой командует гвардии капитан Белогуб. 25 марта в радиообращении, повторенном через громкоговорители, они предъявили ему ультиматум: бросить танки и отойти к своим. Во время отхода германское командование обещало прекратить огонь. Белогуб ответил отказом. Тогда перед его танком был вы-

Танки, вперед!

ставлен белый крест — «знак того, что они похоронят советского командира». На самом деле, вероятнее всего, подобной меткой был обозначен объект уничтожения, чтобы германская авиация разбомбила именно этот танк, а не немецкие позиции. Но авиация врага почему-то не прилетела. Тогда по нашим «Черчиллям» был открыт сильный артиллерийский огонь, после чего в атаку пошла германская пехота. Танкисты отбивались несколько часов. Когда кончились снаряды и патроны, они продолжали вести бой гранатами, выбрасывая их через левый бортовой люк (так как артиллерийским огнем противника верхние люки и люк правого борта на танке Белогуба были заклинены). Три соседних «Черчилля» огнем своих орудий также пытались прикрыть боевую машину Белогуба. Сам капитан Белогуб, связавшись по радио со штабом 374-й стрелковой дивизии, просил вызвать огонь на себя, чтобы смести наседающую пехоту противника. Но даже этого артиллерия 374 сд, сделать не смогла — вовремя не подвезли снарядов! В это время командир танкового полка предпринял отчаянную акцию по спасению своих подчиненных — два отремонтированных «Черчилля», поддержанных мотострелково-пулеметной ротой 50 гв. отпп и взводом из 374 сд, прорвались к окруженному, а главное — дали возможность двум тракторам С-65 зацепить танк Белогуба и эвакуировать его в тыл вместе с экипажем (л/с трех других подбитых танков отошел вместе с пехотой)¹¹.

Ну что тут сказать? Хорошо, что танкисты за три дня «позиционной обороны» не потеряли ни одного человека убитыми — помогла толстая броня «Черчиллей». В отчетном докладе АБТВ 8-й армии говорится, что за такую организацию боевых действий комдив 374 был отстранен от должности. Но сколько еще подобных руководителей управляло ротами, батальонами, полками и дивизиями? Сколько человеческих жизней было потеряно благодаря их бездарности и некомпетентности? Ответ на эти вопросы можно искать вечно.

• Похожей на этот бой была и судьба Войтолово-Мгинской наступательной операции.

Воспользовавшись тем, что войска 55-й армии к концу марта активные наступательные действия в основном прекратили, а войска 67-й и 2-й ударной армии стояли в обороне, немецкое командование 18-й армии перебросило против наступавших войск 8-й армии свои 21-ю и 121-ю пехотные дивизии, два полка 11-й пехотной дивизии. Со 2 апреля основные силы 8-й армии вынуждены были перейти к обороне. Противник же, подтянув дополнительно 5-ю горнопехотную и 69-ю пехотную дивизии, 11 апреля сам перешел в наступление, впрочем, тоже не слишком удачное.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ:

¹ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 38801 се, д. 10, лл. 106—146 («Протокол 2-й технической конференции БТ и МВ Ленинградского фронта об итогах работы по техническому обеспечению БТ и МВ фронта от 22 сентября 1943 года»).

²Эти случаи действительно имели место в 1942 году в 220-й Краснознаменной танковой бригаде.

³ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 38801 се, д. 10, л. 129.

¹ Там же, л. 126.

⁵ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 80038 се, д. 24, лл. **105—106**.

⁶ Там же, лл. **107—109**.

⁷ Там же, лл. **110—115**.

⁸*Шигин ГЛ.* Битва за Ленинград: крупные операции «белые пятна», потери. М., АСТ; СПб., Полигон, 2005, с. 213—214.

⁹*Коломиец М.В., Мещанский И.Б.* Танки ленд-лиза. М., Экспринт, с. 32.

¹⁰ На Волховском фронте. **Л., 1967**, с. 213.

¹¹ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5574, д. 17, лл. 83—100.

ИЗ ЖИЗНИ «РЕСТАВРАТОРОВ»

Особенностями работы ремонтной базы Ленинградского фронта являлись относительная оторванность его армий и оперативных групп от остальной страны и наличие большого количества ремонтных предприятий, позволявших вернуть в строй даже самые архаичные и редкие танки. Тем более что основные операции Ленфронта с 1941 по 1944 год носили локальный характер.

Самым тяжелым периодом для ремонтных служб стал 1941 год. Сначала выяснилось, что ремонтные летучки типа «А» и «Б» с вольнонаемным составом не в состоянии эффективно были обслуживать и эвакуировать бронетанковую технику. Тем более что основным видом танка Ленфронта (из-за близости до эвакуации Ленинградского Кировского завода — ЛКЗ) с 1941 по начало 1943 года являлся тяжелый КВ, а не средний Т-34, как на других фронтах. Для эффективного полевого ремонта создавались ПТРБ — подвижные (иногда пишут передвижные) танковые ремонтные батальоны (в 1941 году их было три).

Не хватало тягачей и специализированных кранов. К началу боевых действий во всех бронетанковых частях фронта насчитывалось 2 тяжелых трактора «Ворошиловец», 7 тракторов типа «Коминтерн», 17 тракторов ЧТЗ-60 и ЧТЗ-65, 7 тракторов СТЗ и 3 трактора ХТЗ.

Из-за недостатка эвакуационных средств только в июле 1941 года было оставлено и подорвано 12 танков Т-28, 22 танка

Танки, вперед!

семейства БТ-2—5—7 и 11 танков Т-26. Всего же в 1941 году под Ленинградом на оккупированной территории из-за невозможности эвакуации оставили или подорвали 204 боевых и 2630 вспомогательных машин, что вполне хватило бы на оснащение одной полноценной танковой дивизии.

Чтобы хоть что-то спасти, еще в июле 1941 было принято решение о формировании фронтовой внештатной эвакуационной группы. Она имела 8 «Ворошиловцев», 4 «Коминтерна», 7 тракторов ЧТЗ-60/65, автомобилей ГАЗ и ЗиС — 35 машин. Что интересно, автомобили ЗиС-5 были бронированы Ижорским заводом и использовались для подвоза боеприпасов действующим частям и вывоза с переднего края АБТ имущества. За пять месяцев 1941 года этой группой было эвакуировано: 49 тяжелых танков КВ-1 и КВ-2, 21 танк Т-28, 11 танков Т-34, 101 танк БТ-2—5—7, 15 танков Т-26, 2 трофейных танка, 2 бронемшины, 46 тракторов, 1233 колесные машины, 137 мотоциклов. Эвакогруппа перевезла 1850 тонн имущества¹.

Осенью 1941 года по инициативе заместителя командующего БТ и МВ фронта инженер-полковника Шестопалова ремзаводом № 4 была произведена бронировка нескольких тяжелых тракторов «Ворошиловец». Теперь последние под огнем противника легко могли буксировать легкие и средние танки, что прекрасно проявилось в боях на Невской Дубровке. Однако тяжелые танки (особенно КВ) вытаскивать одному «Ворошиловцу» было затруднительно. Тогда по указанию того же Шестопалова из некондиционных корпусов танка КВ завод ВТУЗ им. Сталина изготовил тяжелые тягачи КВ-Т, которые отличались от линейных танков КВ отсутствием башни, несколько повышенным клиренсом, дополнительными боковыми люками лаза и специальными рымами².

Эта конструкция прекрасно показала себя при эвакуации танков в условиях лесисто-болотистой местности (впоследствии подобные машины, переделанные на ремонтных заводах и полевых мастерских из поврежденных танков КВ, по-

явились и на других фронтах. — *Примеч. авт.*), поэтому к началу 1944 года в каждой из эвакуорот фронта находилось от 4 до 6 тяжелых тягачей КВ-Т.

Большие проблемы у наших ремонтных служб были со специальным подъемным оборудованием. В начале войны только крупные ПТРБ фронтowego подчинения комплектовались промышленными кранами «Январец»³. Однако подобная конструкция являлась малоэффективной, так как башню танков Т-34 и КВ она была поднять не в состоянии. Это сильно затрудняло ремонт боевых машин, особенно в прифронтной полосе.

Но наши бойцы и командиры не были бы россиянами в философско-мировоззренческом смысле этого слова, если бы не начали искать оптимальное решение подобного вопроса. Сначала использовались «козлы», сделанные из бревен. К ним с помощью тягачей подгоняли танк и производили необходимый ремонт с подъемом башни или двигателя. Но вскоре «отечественные Архимеды» стали проектировать и создавать собственные конструкции самоходного 10-тонного крана.

21 ПТРБ разработала и реализовала авторскую конструкцию танкокрана, установив свое самодельное оборудование на шасси легкого танка Т-50. Когда выяснилось, что шасси слишком мало мощно, кран переставили на базу от Т-34.

23 ПТРБ использовала два типа кранов: подъемное устройство, сделанное по чертежам 21 ПТРБ, и кран-лебедку с трофейного тягача. Эти системы монтировались на базе танков Т-34.

Не хватало сварочных аппаратов — по всему фронту собирали трофейные. И благодаря «немецкой помощи» количество сварочных постов к 1944 году стало в два раза больше штатных.

К 1 января 1943 года Ленфронтом эксплуатировались танки 23 марок. Такого положения больше не было ни в одном фронтном объединении! Поэтому ремонт «танкостарины»

осуществлялся не только на фронтовых ПТРБ (3 — в 1941, 4 — в 1942, 6 — в 1943—1944 гг.), стационарных ремонтных заводах № 4 и 27, рембазой № 72, но и на уцелевших после эвакуации и бомбежек предприятиях Ленинградского фронта. На основании постановления Военного совета Ленфронта завод ВТУЗ им. Сталина, Вагоноремонтный завод им. Егорова, Завод подъемных сооружений им. Кирова перешли на ремонт танков, а также на изготовление танковых деталей и запчастей.

Был произведен переучет всех танковых деталей на заводе № 174 им. Ворошилова и Кировском заводе, остальные детали поступали с Большой Земли через специальную систему баз и складов. В целях обеспечения запчастей из центра в декабре 1941 года в поселке Сясьстрой был сформирован склад АБТ имущества № 971 и два перевалочных отделения на причалах — «Коса» и «Гостинополье», которые имели задачу отгружать имущество попутными судами через Ладогу; на юго-западном берегу Ладожского озера были созданы два отделения склада № 101 — «Ладожское озеро» и «Марья», которые прибывавший груз отправляли железнодорожным и автомобильным транспортом в Ленинград. Также в поселке Бергардовка в целях удаления фронтовых запасов АБТ имущества от непосредственного воздействия артиллерии и авиации противника параллельно со складом № 101 был организован склад № 1706.

Для обеспечения войсковых частей были созданы отделения в поселке Шувалове, Рыбацком и Ораниенбауме. Доставка имущества в последний производилась водным путем через Каменный остров или Лисий Нос. Обеспечение в разные периоды приданных Ленфронту 8-й и 54-й армий производилось непосредственно со склада № 971 Сясьстроля, который находился на Большой Земле.

Стационарные предприятия и полевые ремонтные мастерские являлись частью сложной системы по ремонту разнообразной боевой техники Ленинградского фронта.

Разветвленная сеть ремонтных мастерских была необходима фронту как воздух, тем более что значительная часть выхода из строя боевой техники была обусловлена человеческим фактором — невнимательностью, ленью, безграмотностью, а порой и откровенной глупостью.

Первые «небоевые сложности» с эксплуатацией матча-сти начались осенью 1941 года с понижением температуры воздуха. По далеко не полным данным, количество аварий и катастроф в ноябре 1941 года равнялось количеству аналогичных происшествий всего летнего периода, начиная с июня и по сентябрь включительно.

Наступившие, как всегда для нас, внезапно, заморозки привели к большому количеству размораживаний. Первая пятидневка морозов дала сразу 6 случаев поломок водяных помп моторов В-2К, В-2В, М-17 и М-5; два случая расплавления подшипников и 3 пожара. В основном это стало результатом полной технической неграмотности экипажей танков.

Чрезвычайно характерный случай произошел в 118-м танковом батальоне с машиной № 057—24 (БТ-7) у которой был совершенно разморожен двигатель. Уроженец глухого украинского села механик-водитель Онешенко на вопрос специалистов-ремонтников, как же ему удалось так «убить агрегат», удивленно разведя руками, ответил: «Кто ее знает, чего она замерзла на анихфризе. Вчера сбил на ей, а сегодня поутру дивлюсь, а вона змерзла». На вопрос о том, когда же сей «доблестный» наследник трудовой славы Марья-ны Бажан (фильм «Трактористы». — *Примеч. авт.*) заливал антифриз, он ответил: «Да я не помню, как-то поначалу». Его тут же спросили, не подтекает ли радиатор. Ответ поразил специалистов: «Не... Вин тек сначала помаленьку, а потом перестав». Хохоча сквозь слезы, механика стали спрашивать, доликает ли он воду в радиатор, и в каком количестве. Онешенко, после раздумья, ответил: «Перед заводкой всегда мало, ну и дольешь... Другой раз какую-нибудь литру-два зальешь, и все».

Как говорят одесситы, и не только они, — «картина маслом». В результате доливания воды от антифриза не осталось и следа, а механик-водитель с трехклассным образованием, веря в могущество этой чудесной незамерзающей жидкости, спокойно проспал всю ночь, а когда проснулся, то оказалось, что машина разморожена⁴.

Уже через 2—3 месяца с проблемой эксплуатации в зимних условиях кое-как справились. Для этого механикам-водителям были прочитаны лекции об эксплуатации матчасти в холодное время, а ремонтники лично проверили состояние большинства танков Ленинградского фронта.

Самой главной труднопреодолимой «бедой» Красной армии были отцы-командиры: взводного, ротного, батальонного, а иногда полкового и дивизионного звена. В отличие от высшего командования Красной армии они здорово проигрывали немцам аналогичного уровня в компетентности и дисциплине, что, особенно в 1941—1943 годах, вело к большим потерям в различных условиях боевой деятельности. Эти «креативные» ребята иногда и себя-то не могли толком сберечь. Вот примеры.

13 сентября 1943 года командира взвода 51-го танкового батальона 220-й танковой бригады лейтенант Русский без разрешения командира батальона, не имея на свои действия никаких оснований, вывел танк Т-34--76 в обкатку. Вопреки здравому смыслу товарищ Русский переехал через Володарский мост, выехал на многолюдное одностороннее шоссе и «во весь опор помчался» по направлению к Ленинграду.

На обратном пути, проезжая на большой скорости мимо контрольно-пропускного пункта (уж не знаю, то ли девушек-регулирующих они увидели, то ли решили покрасоваться перед боевыми товарищами. — *Примеч. авт.*), механик-водитель танка старшина Катосов потерял управление своей боевой машиной, сшиб металлический столб и врезался в угол дома № 15.

В результате «таких гонок» на танке Т-34 был погнут правый кривошип ленивца, погнут ствол пулемета ДТ и выведена из строя шаровая установка.

Сам командир взвода лейтенант Русский и командир танка лейтенант Ивченко, по-молодецки сидевшие во время движения боевой машины на башне, при наезде получили ранения и были отправлены в госпиталь⁵. А танк снова отправился в ремонт—Ночью с 10 на 11 июля 1944 года тяжелый танк ИС-2 тащил на буксире самоходное орудие СУ-76. Дело было в окрестностях Выборга в трех километрах от переднего края. Дорога, по которой двигался «этот состав», пересекала междуозерная река шириной в 200 метров и глубиной 9 метров. В районе моста через реку оба берега были заболочены и каменисты. Трудно сказать, в каком состоянии находились в этот период наши танкисты, но при проходе через мост буксируемая самоходка в 40 метрах от берега отцепилась от танка и упала в реку. На танке этого даже не заметили. Он промчался еще 60—70 метров и также рухнул с моста, причем башней вниз, затонув на глубине 8 метров. Мигом протрезвевшие экипажи, которые находились в танке и на самоходке, вплавь выбрались на берег и вызвали ремонтные службы 91-й эвакуроты. В этот же день на берег водоема прибыла машина ГАЗ-АА с персоналом и необходимым оборудованием, а также 5 тягачей: 2 СТЗ-65 и 3 «Вороши л овца».

С самоходкой СУ-76 наши ремонтники справились быстро, а вот со злополучным буксиром — танком ИС-2 — пришлось повозиться.

Боевую машину решили вытаскивать при помощи полиспастов и тракторов, причем сначала ИС-2 нужно было перевернуть с башни на гусеницы. К месту эвакуации привезли 2 полиспаста: один мощностью в 120 тонн, другой в 50 тонн, а также нужное количество тросов, серег, роликов и другого необходимого специального оборудования.

Танки, вперед!

На следующий день закипела работа. Полдня солдаты таскали бревна и мостили ими берег, чтобы тракторы могли как можно ближе спуститься к кромке воды. После этого требовалось 45-мм тросы зацепить за танк, находившийся на 8-метровой глубине. Из-за отсутствия специального водолазного костюма было принято решение «произвести прицепку путем привязывания одного конца веревки за трос, который должен быть прицеплен к танку и находился на лодках и на плотках, а другой конец веревки подводился хорошо плавающим красноармейцем под гусеницу поддерживающего катка, затем вытаскивается опять наверх в лодку, после чего пропускался трос и производилось соединение концов». Далее «производилась зарядка» полиспаста и зацепление его за точку опоры — «мертвяк». Точкой опоры для полиспаста служило дерево диаметром 80—90 см, которое было дополнительно усилено врытым в землю бревном. Когда все необходимые подготовительные работы были закончены, за выходной конец полиспаста прицепили 2 трактора С-65 и один трактор «Ворошиловец». После этого по установленному сигналу все тракторы одновременно пришли в движение и в результате полученного тягового усилия через полиспаст танк перевернули с башни на гусеницы. По окончании этой операции у затонувшего танка вновь была произведена перецепка, и процесс вытаскивания ИСа возобновился. После 40—50 метров буксировки один из полиспастов не выдержал нагрузки, а мощность другого в 120 тонн стала недостаточна. Тогда бригада ремонтников смонтировала двухроликковый полиспаст, что дало возможность все-таки вытащить танк из водоема⁶. Двое суток ушло у подразделения 91-й эвакуаторы на то, чтобы исправить «лихие подвиги» танкистов и самоходчиков. А ведь еще надо было ремонтировать эти боевые машины!

Незаметный труд л/с эвакуатор подобен труду саперов. Приходится делать свою работу под огнем противника, нести потери, не нанося, в свою очередь, врагу никакого разрушительного урона. Это достаточно трудно психологически —

у бойцов не происходит эмоциональной разрядки нервной системы. Однако, несмотря на все трудности, специалисты высокого класса у нас были, и делали они свою работу мастерски.

На подступах к Выборгу сражалась прославленная 30-я гвардейская танковая бригада (бывшая 61-я легкотанковая) Ленинградского фронта.

Ее 1-й батальон написал бойцам ремонтно-восстановительной роты боевой листок. В нем говорилось:

«Товарищи ремонтники! От вас зависит боеспособность машин, на которых мы бьем фашистов. Не жалейте сил, чтобы еще быстрее, еще лучше восстанавливать каждый танк, израненный в бою. Пусть ничто не помешает нашей боеспособности. Мы на вас надеемся...»

Ремонтники повесили у себя боевой листок с этим призывом, в ответ выпустили свой и передали его в батальон. Ответ состоял из трех слов, написанных красным карандашом: «Надейтесь, не подведем».

Не было случая, чтобы ремонтники подвели. Однажды, после одного из боев на Карельском перешейке, танк 30-й гвардейской бригады, нарвавшись на засаду, был подбит и отрезан от основных сил. Экипажу удалось уйти к своим. Нацисты водрузили на покоренной башне свой флаг. Однако на рассвете группа наших смельчаков подтянула к подбитому танку стальной трос, и другая боевая машина стала оттаскивать его в наше расположение. Противник вынужден был открыть огонь по собственному флагу!

Когда бригада еще только начала свое продвижение к Выборгу, произошел случай совершенно исключительный. Кумулятивный снаряд угодил прямо в ствол пушки нашего танка и подбил его. Танк без пушки — не танк. И хотя все остальное в нем цело и невредимо, ничего не поделаешь, надо увозить в тыл менять вооружение.

Через полчаса к несчастной боевой машине подобралась ремонтная «летучка» — полевая ремонтная мастерская,

Танки, вперед!

смонтированная в кузове грузовика. Из нее выскочили два техника — Алексей Каратаев и Александр Королев... Осмотрели танк — все ясно, надо эвакуировать. Но члены экипажа взмолились:

— Братцы, как же так... Придумайте что-нибудь. Такое наступление разгорелось, все наши вперед рвутся, а мы...

Королев с Каратаевым еще раз осмотрели танк, изуродованную пушку, переглянулись. Вдруг Королев говорит:

— А что если мы... просто отпилим поврежденный конец ствола...

Водитель танка рот открыл от удивления и, опомнившись, спросил недоверчиво:

— А стрелять будет?

— Должна, — сказал Королев, — только дальность будет не та. Придется стрелять с самой ближней дистанции.

Танкист подумал и ответил:

— Это можно. Действуйте...

Действовать пришлось и ремонтникам, и танкистам рука об руку.

Когда все было готово, механик-водитель Игорь Лукин дал полный газ. Танк рванулся вперед, вскоре он уже был в боевых порядках и вел огонь по вражеским окопам и ДОТам⁷. Разумеется, точность огня была не ахти какой. Но важно, что танк оставался в строю, а еще важнее, что в этом необычном эпизоде сказался, на взгляд автора, тот российский подход к делу, который и дал возможность разбить германскую военную машину. Да, наш народ нередко ленив и нерасторопен. Но в пору суровых испытаний, объединенный общей целью, он, словно кризисный менеджер, показывает свои лучшие качества.

На Карельском перешейке в августе 1944 года в районе деревни Войпиала наш танк Т-34, достигнув противотанковых надолб, был подбит расчетом финской противотанковой пушки. Экипаж уцелел и эвакуировался из танка. Чтобы вытащить боевую машину с нейтральной полосы,

•

к надолбам было направлено три линейных танка Т-34 и один спецтягач КВ-Т. Придвинувшись вплотную к надолбам, «тридцатьчетверки» открыли шквальный огонь по финским позициям. Под прикрытием взрывов и стрельбы к подбитому танку подполз прицепщик тягача красноармеец Зуев вместе с автоматчиком из группы прикрытия. Они подготовили и зацепили тросы, а к Т-34 рванулся тягач под управлением техника-лейтенанта Федорова, который, не разворачиваясь, передом подцепил танк. После прицепки мощный КВ-Т задом потянул Т-34 в укрытие, но финны заметили эвакуацию. Противник был не робкого десятка — с левой стороны дороги расчет врага выкатил противотанковое орудие и открыл огонь. Двумя попаданиями в тягач КВ-Т финны отбили поддерживающий каток и касательно сделали на броне вмятину. Затем расчет противника перенес огонь на буксируемую «тридцатьчетверку» и прямым попаданием в корму пробил бортовую передачу. Наши танки из группы прикрытия обнаружили пушку и открыли по ней огонь, после чего буксируемую машину переволокли в укрытие, где и была спокойно произведена пересцепка. Далее, уже «в стандартном положении», КВ-Т потащил «тридцатьчетверку» на ремонт⁸.

Так и трудились наши ремонтные службы ежедневно и еженощно, исправляя и ремонтируя разбитые танки. А ведь производилось не только восстановление разрушенных машин, но и осуществлялся мелкосерийный выпуск специального оборудования, на освоение которого в гигантской Красной армии всегда не хватало времени. Так, с осени 1941 по октябрь 1944 года ремонтными предприятиями Ленфронта⁹ было налажено производство следующих единиц специальной продукции:

1. В 1942 году 72-й ремонтной базой была освоена зарядка тетрахлорных огнетушителей.

2. Было изготовлено 35 водомаслогреек, смонтированных на одноосных прицепах и санях.

Танки, вперед!

3. 27-м ремзаводом на шасси ЗиС-5 был изготовлен один ВМЗ, работавший на твердом топливе (дровах).

4. Для обеспечения доставки ГСМ и боеприпасов действующим частям 4-м ремонтным заводом был создан бронетранспортер на шасси танка Т-26. Всего было изготовлено 20 таких бронетранспортеров, которые в период боев по прорыву блокады Ленинграда в 1944 году и освобождении Эстонии оправдали свое предназначение, доставляя боеприпасы и ГСМ танковым частям, далеко оторвавшимся от пехоты.

5. В 1941 году был создан тяжелый танковый тягач КВ-Т, также вполне оправдавший свое назначение. К середине 1944 года таких тягачей было построено 24 штуки (каждый десятый трак на гусенице такого тягача в 1944 году имел шип).

6. В 1942 году на шасси танка ВТ-5 была смонтирована бронированная бензоцистерна емкостью 2,8 тонн.

7. За истекший период ПРБ и заводами промышленности было изготовлено 10 000 штук шпор для всех марок машин и отлито 2000 штук траков с шипами (причем траки со шпорами-шипами изготавливались на заводе «Большевик» даже для тяжелых танков КВ и «Черчилль»).

8. Для эвакуации легких танков с поля боя 4-м ремонтным заводом в 1941 году было забронировано 2 трактора «Ворошил овец».

9. Смонтировано 45 ПЗС (пуско-зарядных станций).

10. Изготовлено 42 летучки типа «А» и «Б».

11. Смонтировано 2 компрессорных станции для накачки баллонов воздушного самопуска.

12. Изготовлено ПРБ и артелями 2500 печей для обогрева танков.

13. Изготовлено ПРБ и артелями 2000 комплектов светомаскировочных дисков для автомашин.

14. Изготовлено 200 штук снегоочистителей для танков КВ и ИС.

15. Изготовлено 60 единиц 30—40-тонных полиспастов для обеспечения тяжелозастрявших танков.

16. Изготовлено 15 штук металлических и деревянных волокуш различных конструкций для десанта.

17. Изготовлено на ленинградских заводах 8779 аккумуляторов.

18. Изготовлено 2 крана на шасси Т-34 и Т-50 (грузоподъемностью 8—10 тонн), для монтажа башен и артсистем в полевых условиях и демонтажа машин, не подлежащих восстановлению.

19. На изготовление буксирных тросов для всех марок танков только в 1944 году было израсходовано 92 тонны тросов различного диаметра.

20. На ремонтных базах и 27-м ремзаводе было изготовлено более 1200 наиболее ходовых гаечных ключей для танков Т-34.

21. Отделом МТО изготавливались и выдавались в воинские части воронки и мерная посуда.

22. Изготовлены и выданы войсковым частям чехлы для предохранения оптики от запотевания во время стоянки боевых машин на обогреве.

Подводя итог вышесказанному, следует сказать, что в период блокады ремонтные подразделения Ленинградского фронта «прыгнули» даже выше своих штатных возможностей и обеспечили бесперебойное функционирование пестрого гусеничного парка, частично представляющего собой бронетанковый музей. А уж в период наступлений 1944 года, когда фронт получил множество однотипной бронетехники современных конструкций, задачи ремонтников-реставраторов только упростились.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ:

¹ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 352785 с, д. 55, лл. 1—2.

² Там же, лл. 3—4.

³ Скорее всего, имеется в виду автомобильный кран АКМ (АТК-1) грузоподъемностью 3 тонны завода имени Январского восстания на шасси автомобиля ЗиС-6.

⁴ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 38801 ее, д. 10, лл. 131—132.

⁵ Там же, лл. 125—126.

⁶ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 352785 с, д. 55, лл. 10—15.

⁷ *Румянцев Ф.К.* «Огнем и тараном». Л., Лениздат, с. 139—142.

⁸ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 352785 с, д. 55, лл. 14—16.

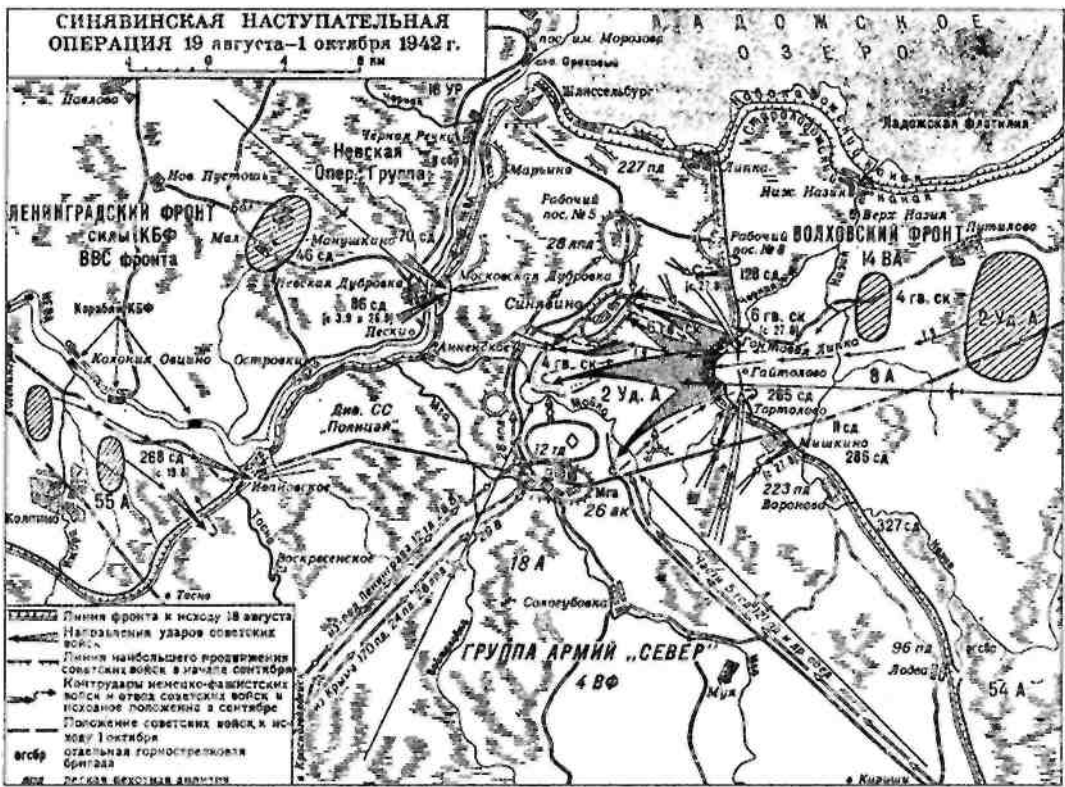
⁹ Там же, лл. 15—17.

СИНЯВИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (19 АВГУСТА — 1 ОКТЯБРЯ 1942 ГОДА)

Синявинская операция — очередная не слишком удачная попытка советских войск деблокировать осажденный Ленинград, — безусловно, не является танковым сражением. Однако по применению в боях редчайших боевых гусеничных машин представляемый период советско-германского противостояния на северо-западном ТВД является уникальным. Именно в этой операции Красная армия впервые в массовом количестве применила тяжелые огнеметные танки КВ-8 и средние ТО-34, а германское командование испытало ставший знаменитым в последующем тяжелый танк «Тигр». Несмотря на то что уже шел второй год Великой Отечественной войны, только в этот период были по назначению использованы легкие плавающие танки Т-38, которые форсировали Неву и поддерживали наши войска в боях за плацдармы у Московской Дубровки. Редкие Т-50, архаичные БТ-2 — всю имеющуюся технику бросало в горнило сражения наше командование, чтобы улучшить положение защитников и жителей города. Но время перелома еще не пришло.

ОБСТАНОВКА НА ТВД

Всплеск активности бронетанковых войск Ленфронта во второй половине 1942 года был связан прежде всего с проведением Синявинской операции — очередной неудачной попытки деблокировать Ленинград.

В этот период в районе города на Неве сложилась парадоксальная ситуация — и советское и германское командования готовились к наступательным операциям, догадываясь, что противник, в свою очередь, предпримет что-то подобное.

После взятия в июле 1942 года Севастополя, главного бастиона нашей обороны на южном фланге советско-германского фронта, немцы готовились к уничтожению северного бастиона — Ленинграда.

По личному приказанию Гитлера от 17 июля 1942 года было решено перебросить из Крыма штаб 11-й полевой армии, штабы двух армейских корпусов (30-го и 54-го), пять дивизий (24, 72, 132, 170-ю пехотные и 28-ю егерскую) и большое количество частей РГК для направления их в группу армий «Север», где они должны были захватить город на Неве¹.

Первоначально германское руководство даже не помышляло о такой масштабной операции. Оно планировало наступление только на Ораниенбаумский плацдарм советских войск с целью его ликвидации. Однако подготовка этой частной операции была приостановлена в связи с решением самого фюрера, а затем и командования вермахта, предпринять более крупное наступление непосредственно на Ленинград. Также была отменена и другая частная операция, имевшая целью ликвидировать прорыв советских войск в районе Погостья (30 км северо-западной Киришей).

19 июля генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ) информировал командование группы армий «Север», что в настоящее время имеются соображения «... вместо наступления на фронте Кронштадтской бухты начать наступление на Ленинград с задачей овладеть городом, установить связь с финнами севернее Ленинграда и тем самым выключить русский Балтийский флот»². А через день, 21 июля, уже в директиве главного командования вермахта (ОКВ) № 44 говорилось: «... Не позднее чем в сентябре будет взят Ленинград и благодаря этому высвобождены финские силы ». В директиве № 45 от 23 июля группа армий «Север» получила конкретные ука-

Танки, вперед!

зания о подготовке новой операции по захвату Ленинграда: «Операции, к которым сейчас ведется подготовка на участках фронта групп армий "Центр" и "Север", должны быть проведены быстро, одна за другой. Таким путем в значительной мере будет обеспечено расчленение сил противника и падение морального духа его командного состава и войск.

Группе армий "Север" к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое название "Фойерцаубер" ("Волшебный огонь"). Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии (штурмовавшей Севастополь. — *Примеч. авт.*) наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования»³.

Чтобы обеспечить полный успех операции, было решено привлечь к наступлению на Ленинград как можно больше финских войск. Но официальный ответ главнокомандующего вооруженными силами Финляндии К. Маннергейма на запросы немецкого командования, как отмечал германский представитель при штабе финской армии В. Эрфурт, «был весьма неопределенным. Он (Маннергейм) может в нужное время выступить с небольшими силами и только с ограниченной задачей». Немцам пришлось справляться самим.

За месяц подготовки к наступлению операцию успели переименовать. Планы по захвату Ленинграда теперь назывались «Нордлихт» («Северное сияние»).

23 августа 1942 года о штурме Ленинграда шла речь на специальном совещании в германской ставке. Планировалось в течение шестидневного активного периода обрушиться на город мощными силами авиации и артиллерии сверхтяжелых калибров, провести террористические акции против руководства города, фронта и основных промышленных предприятий, и таким образом нарушить всю организацию обороны Ленинграда, а также «парализовать массы рабочих и гражданского населения». Руководство операцией по штурму города было поручено «герою» взятия Севастополя, тогда еще генералу,

но в скором времени генерал-фельдмаршалу фон Манштейну. Гитлер лично поставил перед ним задачи со следующими формулировками: «Операция "Нордлихт" является лишь средством для освобождения Балтийского моря и овладения Карельским перешейком. Задача: 1-й этап — окружить Ленинград и установить связь с финнами; 2-й этап — овладеть Ленинградом и сравнять его с землей»⁴. Срок наступления ориентировочно планировался на 14 сентября 1942 года.

Несмотря на то что на августовском совещании присутствовал командующий группы армий «Север» генерал-фельдмаршал Г.Кюхлер и особых претензий у Гитлера к нему не было, все-таки было окончательно решено перебросить под Ленинград не только 11-ю армию, но и ее управление во главе с командующим армией «новоиспеченным» генерал-фельдмаршалом Э. Манштейном, которому была поручена операция «Нордлихт». Специалист по крепостям должен был решить сразу несколько проблем германской армии. Разработанный Манштейном замысел по захвату города заключался не в штурме городских улиц, а в операции по пресечению подвоза каких-либо припасов по Ладожскому озеру и даже Балтийскому морю. Взятый в плотное кольцо Ленинград без продовольствия и боеприпасов должен был вскоре капитулировать сам.

Основной замысел подобной операции заключался в том, чтобы после сильного артиллерийского и авиационного удара по советским войскам прорвать силами трех корпусов оборону Ленинградского фронта и выйти к южной окраине города. «После этого, — писал впоследствии Манштейн, — два корпуса должны были повернуть на восток, чтобы с ходу внезапно форсировать Неву юго-восточнее города. Они должны были уничтожить противника, находившегося между рекой и Ладожским озером, перерезать путь подвоза через Ладожское озеро и вплотную охватить город кольцом также и с востока. В таком случае захвата города можно было бы добиться быстро и без тяжелых уличных боев...»⁵

Советская сторона, укрепляя оборону города, готовила свою наступательную операцию. Первые предложения по прорыву блокады Ленинграда посредством разгрома мгинско-синявинской группировки врага были направлены в Ставку Военным советом Ленинградского фронта еще в мае 1942 года. Ставка в принципе согласилась с этой идеей, но проведение наступления отложила, так как при создавшейся обстановке на юге выделить необходимые силы и средства не представлялось возможным. На тот момент главной задачей Ленинградского фронта являлось совершенствование обороны и проведение частных наступательных операций. Но после последовательных поражений под Керчью, Харьковом и Севастополем советское командование решило взять реванш у Ленинграда, разработав план по прорыву блокады, осуществляемой немецкой группой армий «Север». Оно намеревалось встречными ударами Ленинградского и Волховского фронтов при помощи части сил Краснознаменного Балтийского флота и Ладожской военной флотилии деблокировать город уже в конце лета 1942 года. Основная тяжесть операции, согласно советским планам, ложилась на восстановленный 8 июля 1942 года Волховский фронт (его было легче питать резервами), который активно насыщался артиллерией и танками, в том числе новейшими огнеметными тяжелыми КВ-8. Решение командующего Волховским фронтом опытного генерала армии К.А. Мерецкова сводилось к тому, чтобы сосредоточенным ударом прорвать вражескую оборону на 15-километровом участке между Гонтовой Липкой и Вороновом, соединиться с Ленинградским фронтом в районе Мги и вместе с ним разгромить мгинско-синявинскую группировку врага. Ударный «кулак» Волховского фронта создавался из двух оперативных эшелонов: в первом должна была наступать 8-я армия генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова, во втором — переформированная 2-я ударная армия генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова. Кроме того, генерал Мерецков сосредоточил сильный фронтовой резерв (5 стрелковых дивизий и стрелко-

•
вую бригаду) в районе Волхова. Предусматривалось нанесение вспомогательных ударов в полосах действий остальных армий Волховского фронта. Ленинградский фронт с блокированной территории должен был силами 55-й армии и Невской оперативной группы сковать противостоящие дивизии противника, расположенные на шлиссельбургском выступе, и оказать содействие Волховскому фронту авиацией и артиллерией. Наступательную операцию ЛФ планировалось начать во второй декаде августа 1942 года.

Основными мотивами к проведению такого наступления являлись следующие проблемы: бедственное положение основной массы населения Ленинграда (за первую половину 1942 года в Ленинграде умерло около 600 тысяч обессилевших людей, или половина жертв обороны блокадного города); срыв германских планов по овладению Ленинградом; оковывание на ТВД основных сил группы армий «Север», чтобы не позволить перебрасывать их на южные ключевые в 1942 году фронты в район Сталинграда и на Кавказ.

Общая концепция всей комбинированной операции была в принципе аналогична замыслу операции 1941 года и состояла в том, чтобы встречными ударами двух фронтов при содействии Балтийского флота и Ладожской флотилии разгромить мгинско-синявинскую группировку противника и снять блокаду Ленинграда с суши. Советским войскам предстояло преодолеть хорошо подготовленную и сильно укрепленную оборону врага с большим количеством естественных и искусственных препятствий. Командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков впоследствии вспоминал: «Всего лишь 16-километровое пространство, занятое и укрепленное противником, разделяло войска Волховского и Ленинградского фронтов. Казалось, достаточно было одного сильного удара, и войска двух фронтов соединятся. Но это только казалось. Я редко встречал местность менее удобную для наступления. У меня навсегда остались в памяти бескрайние лесные дали, болотистые топи, залитые водой торфяные поля и разбитые

Танки, вперед!

дороги. Трудной борьбе с противником сопутствовала не менее трудная борьба с природой. Чтобы воевать и жить войска вместо траншей вынуждены были строить деревоземляные заборы, вместо стрелковых окопов — насыпные открытые площадки, на протяжении многих километров прокладывать бревенчатые настилы и гати и сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы»⁶.

Замысел и план Синявинской наступательной операции были изложены командованием Волховского фронта 3 августа 1942 года в документе «План Военного совета Волховского фронта на наступательную операцию на мгинско-синявинском направлении»⁷. В нем главной оперативно-тактической задачей плана был четко указан «разгром мгинской группировки противника и выход на рубеж Дубровка / р. Нева, Красный Бор с целью соединения с войсками Ленинградского фронта».

Решить эту задачу планировалось в три этапа. Соответственно, командование Волховского фронта предусматривало построение ударных группировок в три эшелона.

На первом этапе войска 8-й армии генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова силами 7 стрелковых дивизий, поддержанными 7 танковыми батальонами и огнем около 600 орудий, полками реактивной артиллерии, должны были прорвать фронт обороны противника в промежутке 15 км (от Липок до Воронова), овладеть Синявином, пос. Михайловский, Си-галово.

На втором этапе войска 4-го гвардейского корпуса под командованием генерал-майора Н.А. Гагена, имея в своем составе 2 стрелковые дивизии и 4 стрелковые бригады, при поддержке 3 танковых бригад, должны развивать наступление в общем направлении на Отрадное и выйти на линию Мустолово — Никольское. Эта группа также должна была овладеть укрепленным пунктом Мга.

На третьем этапе войска переформированной 2-й ударной армии (фактически в составе 2-й ударной армии по состоянию

на 1 августа 1942 года числилась 19-я гвардейская и 327-я стрелковые дивизии, по состоянию на 1 сентября — 191-я и 374-я стрелковые дивизии) под командованием генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова силами 4 стрелковых дивизий и 2 стрелковых бригад при поддержке 3 танковых бригад, должны соединиться с войсками Ленинградского фронта на рубеже Дубровка, Красный Бор; затем, перегруппировавшись в сторону фланга, овладеть районом Ульяновка — Красный Бор.

Прикрытие наступающих войск справа, на фронте Рабочий поселок № 7 — Дубровка, организовывал командарм 8 силами 6-го гвардейского корпуса.

Итак, планом операции предусматривалось использование в наступлении 16 стрелковых дивизий, 10 стрелковых бригад, 6 танковых бригад и 4 танковых батальонов из состава Волховского фронта.

В нашем плане указывалось, что непосредственно перед фронтом прорыва 8-й армии противник имел 3 дивизии: 227, 228-ю и 207-ю, но быстро может подтянуть еще 5—7 пехотных дивизий и одну танковую дивизию. Поэтому «успех операции будет зависеть, прежде всего, от темпа прорыва и успеха его развития». По мнению командующего войсками Волховского фронта генерала К.А. Мерецкова, советские войска могли прорвать оборону противника и продвинуться до реки Невы за 2—3 дня.

Как впоследствии писал К.А.Мерецков: «В указанном виде план операции... был одобрен в начале августа Ставкой ВГК. Для пополнения ослабленных соединений фронту выделялось достаточное количество маршевых рот, танков, гвардейских минометных частей, снарядов и материально-технических средств»⁸.

Шла интенсивная подготовка к операции. Начальник оперативного отдела штаба Волховского фронта генерал-майор В.Я. Семенов сообщал, что летом 1942 года «было переброшено 13 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 6 танковых

бригад, 35 артиллерийских и минометных полков, большое количество специальных и обслуживающих частей и подразделений, 120 маршевых рот пополнения, конский резерв и крупные запасы боевого снаряжения, продовольствия, горючего и фуража»⁹. Всего для выполнения операции были сосредоточены силы (Волховский и Ленинградский фронты, часть сил КБФ и Ладужской военной флотилии) общей численностью около 190 тыс. человек.

Выполняя указания Ставки, командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Л.А. Говоров готовил свою часть Синявинской операции. Два главных удара наносили здесь 55-я армия и Невская оперативная группа, соответственно, одна — в направлении Тосно, другая — на Синя-вино с целью соединиться с войсками Волховского фронта. Остальные силы Ленфронта должны были вести наступательные действия на урицком и старопановском направлениях, сковывая как можно больше сил противника и не позволяя ему перебрасывать их на направление главного удара фронта. К операции привлекались малые корабли Балтийского флота. Им предстояло высадить десанты на противоположный берег Невы и Тосны, захватить мосты и переправы и обеспечить форсирование силами Ленинградского фронта водных рубежей и развитие ими наступления на Тосно и Синявино. А пока шли бои местного значения за улучшение позиций.

ПЕРЕД БИТВОЙ

20 июля 42-я армия Ленфронта силами 85-й и 21-й стрелковых дивизий, 1-й Краснознаменной танковой бригады, 2-го отдельного бронеполка и 72-го отдельного дивизиона бронепоездов предприняли наступление на германские позиции в районе Урицк, Старо-Паново. Населенный пункт Старо-Паново являлся важным заслоном на подступах к южной части Ленинграда, прикрывая Урицк и Петергоф.

Немцы собрали на этом участке фронта целый «интернационал» — кроме 538-го полка и 1-го батальона 272-го полка вермахта здесь оборонялся 21-й латышский батальон, 21-й запасной голландский батальон, легион «Норвегия»¹⁰ и полицейские подразделения.

Собственно на предполагаемом участке прорыва находились пронацистски настроенные латыши и 538-й пехотный полк. В резерве имелась маневренная группа из 5—6 танков. Перед линией фронта находилось проволочное заграждение «в 3—4 кола» и минные поля. На переднем крае и в глубине обороны было несколько ДЗОТов, русло реки Дудергофка было местами эскарпировано, на перекрестках дорог и в дефиле имелись надолбы. Плотность артиллерии составляла 6—8 орудий на 1 км фронта.

Германское командование на этом участке вело себя тихо, тем более, что производилась плановая замена частей 93-й и 58-й пехотных дивизий подразделениями 215-й пехотной дивизии, находившейся в районе Урицк — Красное Село.

Национальные русские особенности при планировании операции нашим командованием в этом районе были очень типичны — по немцам и их прихвостням — латышам (не путать с истинными патриотами Латвии, сражающимися в рядах Красной армии. — *Примеч. авт.*) должна была нанести удар всеокрушающая дубина русской мощи, грозная, но не всегда организованная.

Планировалось после прорыва обороны врага 85-й стрелковой дивизией у Старо-Паново ввести в бой десант, размещенный на боевых машинах 1-й Краснознаменной танковой бригады (1тб:11КВи7Т-34;2тб:11КВи9Т-34;4САУТ-26). Во второй линии за танками должны были следовать 76,2-мм самоходки на базе легкого танка Т-26, чтобы уничтожать пехоту и огневые точки противника. За ними следовала пехота и артиллерия на тракторах.

21-ю стрелковую дивизию, которая вела наступление на ст. Лигово и юго-восточную окраину Урицка, поддерживали

Танки, вперед!

*

2-й отдельный бронепоезд (22 бронепоезда БА-10), сводная танковая рота и бронерота 3-го разведывательного отдельного батальона (2 БТ-5. 7 БТ-2 и 4 БА-20).

Два бронепоезда 72-го отдельного дивизиона бронепоездов были в резерве¹¹.

С 21.00 19 июля 1942 года 1 ктбр начала сосредоточение танков в районе исходных позиций. Концентрация техники производилась под прикрытием темноты, шум танков маскировался ружейно-пулеметным и артиллерийско-пулеметным огнем. До наступления рассвета танки двигались в одиночном порядке с большими интервалами, на малых скоростях заняли исходные позиции в указанных районах, где заблаговременно для каждого танка были открыты капониры.

Сосредоточение наших боевых машин, согласно советским предположениям, противником обнаружено не было, но уже потом пленные показали, что слышали, как наши танкисты активно «газовали».

141сп 85 сд в течение ночи скрытно сосредоточился на линии боевого охранения.

В 09.00 20 июля, после артподготовки и воздушного налета нашей авиации, подразделения 141 -го стрелкового полка, атакуя противника, стремительным броском овладели первой линией окопов противника и дали сигнал на движение танков.

1 тб 1 ктбр с получением сигнала от пехоты двумя эшелонами с десантом из роты автоматчиков на броне на большой скорости, опередив продвижение пехоты, с боем прорвался на восточный берег реки Дудергофки (при этом 5 танков подорвалось на своем же минном поле, большая часть десанта рассеялась, а трактора с артиллерией безнадежно отстали и в бою не участвовали), откуда огнем и маневром обеспечил продвижение 141-го стрелкового полка и закрепление его подразделений на установленных рубежах. Несмотря на громадные потери, атака «в лоб» удалась. В течение второй

половины дня и наступившей ночи танки и пехота отражали контратаки небольших групп противника.

Управление танковыми подразделениями и связь в бою производились только по радио, что было большим достижением для наших танковых войск. Правда, перед боем штаб 1 тб забыл установить «ключи» комбату по переговорной таблице, поэтому связь с ним не работала в течение часа. Связь с пехотными подразделениями 141 сп была только зрительной или через посыльных, сам же командир 141 сп имел с танкистами радиосвязь. Таблицу радиосигналов наши штабисты знали плохо, вследствие чего часто набирали фразы буквами, в то время как они имелись целиком.

2-й танковый батальон бригады находился в районе станции Предпортовой для парирования возможного контрнаступления противника в полосе действий 85 сд или ее соседей.

Танковая рота 3 орб с наступлением темноты была переведена на восточный берег реки Дудергофки и расположилась в боевых порядках пехоты 8 сп 21 сд, закопав там свои танки в качестве неподвижных огневых точек.

21 июля на фронте было относительно спокойно, а 22 июля в 11.00 подразделения 141 -го и 59-го стрелковых полков 85-й стрелковой дивизии при поддержке танков 1-го батальона перешли в наступление с задачей последовательно овладеть восточной частью Старо-Паново, ст. Лигово и Урицком.

С помощью танков, которые подавили огневые точки противника, наши войска к 13.00 закрепились на западном берегу Дудергофки, а также овладели западной частью Старо-Паново и ст. Лигово.

В 14.00 два батальона пехоты противника из района Уриц-ка и один из района Ново-Паново контратаковали наши войска, которые под прикрытием танков отошли на восточный берег Дудергофки.

23 июля оба стрелковых полка 85-й стрелковой дивизии при поддержке того же танкового батальона в 12.00 вновь атаковали противника и с боем заняли станцию Лигово, а затем

Танки, вперед!

продвинулись до Ново-Койерово, где окопались и перешли к обороне. Танки располагались на позициях пехоты. 2-й батальон 1 ктбр был переброшен в Старо-Паново, для возможной помощи нашим войскам в случае немецкой атаки из Ново-Паново. И тут комбат 2 сумел «отличиться» — он организовал охрану танков часовыми, которые дежурили рядом с каждой боевой машиной. В результате случайного обстрела позиций подразделений несколько красноармейцев погибли. Их число превысило боевые потери всего батальона.

После закрепления стрелковых подразделений на занятых рубежах танковые батальоны были выведены с передовой и находились в тылу для отражения возможных атак противника.

Надо сказать, что для наших танкистов это была достаточно удачная операция. С 20 по 26 июля погибло 22 человека (16 убито, 6 сгорело в танках), ранено 44 человека, контужено 5 человек. Только один танк Т-34 был потерян безвозвратно (подорвался на фугасе и сгорел). 2 КВ были подбиты артогнем, сгорели, но могли быть восстановлены. 5 КВ и Т-34 были подбиты артогнем и подорвались на минах — эти машины требовали капитального и среднего ремонта. Еще 6 КВ и 7 Т-34 «после знакомства» с артиллерией противника и минами требовали текущего ремонта.

Во время атак 1 тб 1 ктбр, не считая подорвавшихся на минах 5 машин, противником было подбито всего 4 наших танка. Но, чтобы пехота обрела моральную устойчивость, вопреки правилам тактики, танки оставались в оборонительных порядках стрелковых подразделений. И за эти 96 часов немцами было подбито еще 8 наших машин.

Сам же 1 тб 1 ктбр в боях за Старо-Паново уничтожил: одну полковую батарею, одну батарею ПТО, одну минометную батарею, 9 пулеметов, 25 ДЗОТов, 7 отдельных орудий ПТО, 4 тяжелых орудия, 4 блиндажа с живой силой, одну автомашину и до 175 человек пехоты. В плен сдался один латыш из 21-го латышского батальона¹².

В этой операции нашей пехотой было захвачено несколько десятков пленных. Потом в пропагандистских целях их провели по улицам города. Зрелище было примечательное: прославленные Геббельсом завоеватели мира выглядели после жаркого боя действительно побитыми — оборванные, грязные и небритые, плелись они с опущенными головами.

23 июля начала активные действия 55-я армия Ленинградского фронта. В боевых действиях по овладению населенным пунктом Путролово с нашей стороны принимали участие 947 сп 268 сд и 84 тб 220 тбр (10 КВ, 10 Т-26, 3 Т-50). Наступление было предпринято в полосе обороны 56-й стрелковой дивизии Красной армии, то есть вышеозначенная группировка предназначалась специально для нанесения удара.

С немецкой стороны за системой из ДЗОТов, траншей, минных полей и проволочных заграждений находились части Полицейской дивизии СС и 121-го пехотного полка вермахта.

В 08.00, построившись в боевой порядок «углом назад», два эшелона наших танков (впереди 10 КВ, за ними 10 Т-26) 84-го танкового батальона изготовились к атаке. В одной из боевых машин первой линии находился комбат, который ждал радиосигнала с КП бригады. Вообще все взаимодействие между танкистами осуществлялось только по радиосвязи, чувствовался уровень культуры ленинградцев!

Сигнал атаки прозвучал, и две роты тяжелых КВ на больших скоростях ринулись на врага. Обогнув боевые порядки нашей пехоты, они с ходу ворвались в Путролово. За ними «во весь опор» бегом неслись пехотинцы из 947-го полка. Немцы, привыкшие здесь к неспешной позиционной войне, не ожидали от наших войск такой прыти, поэтому первая линия траншей была захвачена просто молниеносно.

Постепенно германское сопротивление стало возрастать, и наша пехота показала свои «лучшие» качества. 947 сп «непроходимо» залег, и никакими приказами поднять в атаку его было невозможно. Более того, стрельба наших танков с места

по немецким позициям нервировала пехотинцев. Тут же нашлись делегаты, которые требовали прекратить активный пушечный огонь, так как это могло спровоцировать ответную стрельбу с немецкой стороны. После двухчасового боя, когда первым эшелоном танков были израсходованы боеприпасы (потерь практически не было — только у одного КВ заклинило башню), в сражение был введен второй эшелон, а также артиллерия на мехтяге.

Пока одно танковое подразделение сменяло другое, позиции нацистов бомбила авиагруппа советских ВВС. Фланги наступавших танков обеспечивались огнем противотанковых артиллерийских батарей. Через несколько часов Путролово было освобождено. Во время заключительной фазы боя было подбито 5 танков Т-26: у трех разбита ходовая часть, у одного снарядом смяло башню и сорвало люки, у другого была разрушена ходовая часть, разбита башня и подбашенная коробка, а также лопнула маска пушки.

Всего в 84 тб погибли 5 человек, а 6 получили ранения.

В результате боя танками 84-го батальона было уничтожено: до 200 солдат и офицеров, 62 ДЗОТа и блиндажа, 105-мм орудие, 7 ПТО, 9 минометов и 13 ручных пулеметов. Было разбито 3 каменных постройки с пулеметными и пушечными амбразурами¹³.

Немцы не собирались мириться с нашими успехами, и в начале августа 1942 года бои за Старо-Паново закипели с новой силой. 215 пд вермахта (380, 390, 348 пп) при поддержке 10 танков, артиллерии и авиации предприняла наступление на Урицком участке фронта. Но бои приняли затяжной характер — советские войска успешно удерживали позиции.

А наступление 55-й армии продолжало развиваться. 942-й стрелковый полк 268-й стрелковой дивизии при поддержке восстановленной матчасти 84-го танкового батальона 220-й танковой бригады (11 КВ, 8 Т-26 и 4 Т-50) 2 августа 1942 года предприняли новую атаку, на этот раз с задачей овладеть населенным пунктом Ям-Ижора.

•

Боевые машины должны были действовать тремя эшелонами, которые состояли: 1-й — из 5 танков КВ, 2-й — также из пяти КВ, а 3-й — из 8 танков Т-26. Пехота 942-го полка должна была действовать двумя эшелонами.

В 06.55, когда пехота достигла проволочного заграждения, танки начали свою атаку. Но противотанковый ров тяжелые КВ с ходу преодолеть не смогли. Пока они ездили вдоль рва в поисках подходящих проходов и вели по противнику стрельбу, весь немецкий огонь был сосредоточен на этих танках. Зато наша пехота «под шумок» заняла кладбище и быстро продвигалась вперед, тесня противника на юг. Саперы, которые находились в боевых порядках одного из стрелковых батальонов, должны были содействовать преодолению противотанкового рва танкистами и были оперативно подчинены «местному» комбату. Тот, не особо задумываясь об исходе всей операции, приказал им оставить специальное снаряжение и вести бой простыми стрелками. Результат его «стратегического мышления» проявился очень скоро.

К 10.30 пехотные подразделения 942 сп совместно с переправившимся через реку Ижора десантом овладели участком Московского шоссе рядом с н/п Ям-Ижора, но под шквальным пулеметным огнем противника залегли. А танки, находившиеся за рвом, ничем помочь им не могли. Более того, часть КВ уже наскочила на минное поле и повредила ходовую часть, одна машина была подбита артиллерией. Нужно было вводить в бой уже второй эшелон танков.

Несколько ранее «с грехом пополам» была сформирована другая группа саперов, которая быстро делала проход через противотанковый ров и минное поле. Потом оказалось, что быстро — совсем не значит хорошо. В 09.30 командир саперной роты доложил об окончании работ. В бой немедленно был введен 2-й танковый эшелон — 6 танков КВ (один КВ уцелел из первого эшелона), которые двинулись на помощь пехоте — в район отметки 19,1.

Танки, вперед!

Но работа саперов была проведена не со знаком качества. Пересекая проходы, 3 КВ тут же подорвались на минах, а остальные машины возвратились на исходные позиции.

Пока происходили все эти фокусы, пехота успела еще немного продвинуться вперед и овладела юго-восточной окраиной Ям-Ижоры.

Только к 13.35 танкисты, проклиная на чем свет стоит бестолковых командиров и начальников, самостоятельно сделали проходы во рву. Однако повторно минное поле саперы так и не разминировали.

Решили двигаться наугад по собственному разумению и наитию, благо, что танков было много — подошел 3-й эшелон — еще 8 боевых машин Т-26.

В результате к сражающейся в Ям-Ижоре пехоте смогли присоединиться только четыре танка: три Т-26 и КВ. Остальные с разбитой ходовой частью остались ждать ремонтников. Связь между экипажами практически отсутствовала, так как после налетов германских пикирующих бомбардировщиков большинство штырей радиоантенн было сбито. И все-таки, как это ни удивительно, к вечеру населенный пункт Ям-Ижора был нами взят. Потери пехоты автору неизвестны, но 84 тб потерял 18 танков. Из них: 10 КВ и 4 Т-26 — подорвались на минах противника, 1 КВ и 2 Т-26 — были подбиты артогнем, а один Т-26 — был подбит и сгорел¹⁴.

НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ

Ободренные локальными успехами 19 августа 1942 года наши войска приступили к осуществлению элементов плана по прорыву блокады Ленинграда — Синявинской операции. Первый удар по противнику нанесли войска Ленинградского фронта в районе Усть-Тосно, который оборонял пехотный полк Полицейской дивизии СС¹⁵.

Поселок Усть-Тосно был превращен противником в ротный опорный пункт. Рота его обороняющая, имела несколько

•

десятков ручных и станковых пулеметов, укрытых в ДЗОТах и ДОТах, как на переднем крае, так и в глубине обороны противника: по западным и восточным берегам реки Тосна и вдоль насыпи железной дороги. Передний край обороны врага имел хорошо развитую систему траншей и ходов сообщений. Овраги, идущие на запад и юго-запад от Усть-Тосно, позволяли противнику проводить скрытую перегруппировку войск, подводить резервы и служили хорошим укрытием от огня советской артиллерии.

Германские противотанковые пушки располагались по обоим берегам реки Тосна в ДЗОТах и ДОТах, прикрывая главным образом подходы к мостам через реку.

В целом позиции опорного пункта располагались в труднодоступной для танков местности, а с юга и юго-запада пробиться вообще не было никакой возможности — там было болото. Единственный путь для атаки — дорога из Новой в Усть-Тосно, шедшая по берегу Невы, — защищалась минными полями, траншеями, воронками и находилась под обстрелом германской артиллерии.

Крупнокалиберные орудия (11 батарей) калибром 105—150 мм, прикрывавшие опорный пункт, действовали из районов Красный Бор, Степановка, Торфоразработки и Рождество.

Основную задачу наших войск — освободить населенные пункты Усть-Тосно и Ивановское, а также захватить железнодорожный и автомобильный мост через реку Тосна — должны были выполнять 268 сд и 86 отб (9 КВ, 12 БТ). Огневую поддержку обеспечивали аж 7 артиллерийских полков, а десант через реку Тосна осуществлялся при помощи КБФ — в район наступления на катерах прибыл взвод моряков.

Итак, наступление началось! В 10.00 19 августа после мощной артподготовки часги 268-й стрелковой дивизии генерал-майора СИ. Донскова подошли к проволочному заграждению противника. Одновременно на восточном берегу реки Тосна в районе Ивановского был высажен десант.

Танки, вперед!

В 13.20 по сигналу 942 сп 268 сд одна рота КВ из 5 машин двинулась в атаку вдоль дороги, огнем и гусеницами обеспечивая продвижение пехоте, которая, в свою очередь, намеревалась отбить у немцев шоссейный мост. При появлении в рядах наступающих танков противник всю мощь своего огня обрушил на них. Два КВ, маневрируя, стали уклоняться от намеченного курса вправо и застряли на заболоченном участке. Еще один танк завалился в воронку. Две боевые машины, двигавшиеся впереди, наскочили на мины и повредили ходовую часть. Один из этих КВ тут же был подбит и сгорел. Остальные машины из этой группы продолжали вести огонь с места.

В 14.20 командующий 55-й армией лично приказал ввести в бой все танки 86-го батальона, чтобы поддержать с трудом продвигавшийся вперед 947-й стрелковый полк.

Однако местность не позволяла тяжелым машинам развернуться в боевой порядок, часть танков была подбита, а другие застряли в болоте. Задача по поддержке действий стрелкового полка была сорвана.

Пехота продолжала наступать и к исходу дня освободила Усть-Тосно и в нескольких местах форсировала реку Тосна. Но позиции наших войск с юга не были прикрыты (эта задача и ставилась танкам), поэтому ночью немцы «просочились» через фланг 947 сп и отбили железнодорожный мост, а затем вышли к линии шоссе вдоль Усть-Тосно.

20 августа вновь пошли в наступление уже наши войска. В бой был введен 952 сп, который поддерживали 3 танка — КВ и 2 ВТ-5. Под шквальным немецким огнем пехота залегла, КВ немецкие артиллеристы подбили выстрелом в упор, а «бэтэшки» повернули назад. Атака была сорвана.

На второй день операции к месту боев прибыло немецкое подкрепление — 151 пп 61 пд, 636-й охранный батальон и рота танков 12 тд.

21 августа советские танкисты чинили разбитую матчасть, а 22 августа «удары молота по наковальне» последовали снова.

Через речку Тосна на восточный берег был высажен наш десант. А танкисты, прорвавшись через мост, должны были огнем поддержать развитие успеха.

В 08.30 атака началась. Головной КВ на предельной скорости с грохотом пронесся по мосту и, давя разбежавшихся немецких пехотинцев, достиг восточной окраины н/п Ивановское, однако наших войск в этом районе он не обнаружил. КВ опять двинулся к переправе, но так до нее и не дошел — был подбит германскими артиллеристами. Два других БТ были уничтожены немцами прямо на мосту, там же они и догорали. Переправа была заблокирована сгоревшими островами, и наши танки обстреливали врага с правого берега. Результат опять достигнут не был.

23 и 24 августа наши войска наступательных действий не вели и укреплялись на занятых позициях, а танкисты из 86 отб ремонтировали матчасть и получали пополнение.

25 августа 6 танков БТ поддерживали наступательные действия 947 сп вдоль шоссе, идущего рядом с железной дорогой, но особых успехов не добились: 2 БТ сгорели, 2 машины подбили, а 2 танка застряли в болоте.

К этому дню наступление наших войск на участке 55-й армии полностью выдохлось. Немцы не дали до конца освободить н/п Ивановское, а затем отбили и Усть-Тосно. Для достижения успеха нужно было привлекать более крупные контингенты войск, но в период осложнившейся обстановки под Сталинградом Ставка крупных резервов дать не могла. Тем более, что главный удар Волховского фронта был еще впереди.

С 19 по 25 августа 86 отб потерял почти всю свою матчасть: 2 КВ, 1БТ-7,3 БТ-5, 5 БТ-2 — сгорели; 4 КВ, 3 БТ-7, 4 БТ-5 — были подбиты. По-другому и быть не могло: немцы, сосредотачивая удар всех своих батарей на площади в несколько квадратных километров, буквально сметали с земли наши танки и пехоту¹⁶.

К концу операции на этом участке уже сражались следующие германские части: 1пп Полицейской дивизии СС,

Танки, вперед!

151 пп 61 пд, 100 гпп 5 гпд, 25 мп 12 тд, танковая рота 29 тп 12 тд, рота 407 пп 121 пд.

В результате почти трехнедельных боев (по 8 сентября 1941 года), ввода в бой 43-й (комдив полковник Сенкевич), 85-й (комдив полковник Введенский) и 136-й (комдив полковник Симоняк) стрелковых дивизий войскам 55-й армии удалось отстоять половину деревни Ивановское. Это предместное укрепление на правом берегу реки Тосны получило название «Ивановский пяточок» и удерживалось войсками 55 А до весны 1943 года.

В целом прорыв соединений 55-й армии Ленфронта в направлении Мги провалился. Причины неудач отражены в приказе командующего войсками Ленинградского фронта № 00215 «О причинах невыполнения боевой задачи 55-й армией в Усть-Тосненской операции», подписанной генерал-лейтенантом Л.А. Говоровым 22 сентября 1942 года¹⁷. Согласно этому документу, основными виновниками провала этой операции стали командарм 55 и ряд дивизионных командиров.

Между тем необходимо отметить, что во время Усть-Тосненской операции в боях впервые участвовала прославившаяся впоследствии 61-я легкотанковая бригада, оснащенная легкими танками Т-60 и броневедомыми БА-10 (сформирована 7 июля 1942 года в составе 65 Т-60 и 46 БА-10/БА-20). Ее срочно подчинили командарму 55 и не до конца сформированное соединение перебросили в район Усть-Ижоры для поддержки 43 сд. Но танки Т-60 в условиях сильно заболоченной местности оказались совершенно неприменимы, так как постоянно вязли в мягком грунте.

Другое подразделение 55-й армии, но уже с трагической судьбой — Отдельный легкотанковый батальон (плавающих танков, был создан 14 августа 1942 на основании постановления Военного совета Ленфронта № 001155) находился на участке наступления 85 сд. Но приказ об использовании танков штабом 85-й стрелковой дивизии так и не был отдан.

Немецкое командование вначале не было готово к наступательной операции именно с территории блокированного Ленинградского фронта. Когда 19 августа наши соединения уже перешли в атаку и при поддержке огня артиллерии и катеров под покровом дымовой завесы форсировали Неву и захватили плацдарм в районе Ивановского, Гальдер в своем дневнике отмечал: «Группа армий "Север": местные атаки, как обычно, но на этот раз и на невском участке фронта, где противник прибегает к помощи малых быстроходных катеров». Но, надо признать, — немцы быстро оправились. Они не только отбили большинство атак, но и в конце августа, ломая все наши планы, сами стали переходить в наступление.

26 августа после 50-минутной артподготовки один из батальонов 215 пд вермахта атаковал советские позиции в районе Старо-Паново и занял первую линию траншей. 109-й стрелковый полк Красной армии, чтобы восстановить положение, пошел в штыковую атаку. Нацисты, оставив на поле боя около 100 трупов, бежали. 27 августа немецкие атаки неожиданно прекратились — началось наступление Волховского фронта.

ОСНОВНОЙ УДАР

Надо честно признать — скрыть перегруппировку наших войск (13 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и 6 танковых бригад, свыше 20 артиллерийских полков и значительное количество других специальных частей и подразделений) на участке наступления Волховского фронта не удалось, хотя мероприятия дезинформационного характера, конечно, проводились. Уже 4 августа 1942 года начальник штаба ОКХ генерал Гальдер в своем дневнике писал: «Перебежчики говорят, что 17 августа начнется наступление южнее Ладожского озера». В конце августа генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ) и штаб группы армий «Север» обнаружили реальные признаки готовящегося наступления в полосе Волховского

фронта и на участке южнее Ладожского озера. В дневнике Франца Гальдера есть и другое упоминание: «Группа армий "Север": обстановка прежняя. Интенсивные железнодорожные перевозки... На восходе противник переносит вперед свои командные пункты». А на следующий день, 26 августа, сказано еще более определенно: «Множатся признаки близкого наступления русских южнее Ладожского озера». Однако установить точный срок начала операции и ее масштабы германское командование не смогло.

Немцы спешно готовили свою операцию. Именно в конце августа (26—27.08.1942 г.) на ленинградском участке фронта был развернут штаб 11-й полевой армии вермахта. В это же время на северо-западный ТВД прибыли из Крыма 4 дивизии: 24, 132, 170-я пехотные, 28-я егерская, а также части тяжелой артиллерии. К тому времени, как уже говорилось, был разработан общий замысел операции по захвату города, который «заключался в том, чтобы, используя вначале сильнейшее артиллерийское и авиационное воздействие на противника, прорвать силами трех корпусов его фронт южнее Ленинграда, продвинувшись при этом только до южной окраины самого города. После этого два корпуса должны были повернуть на восток, чтобы с ходу внезапно форсировать Неву юго-восточнее города. Они должны были уничтожить противника, находившегося между рекой и Ладожским озером, перерезать пути подвоза через Ладожское озеро и вплотную охватить город кольцом также и с востока. В таком случае захвата города можно было бы добиться быстро и без тяжелых уличных боев...» Разработанный штабом 11-й армии план операции был одобрен командованием группы армий «Север».

Учитывая то, как соединения 11-й полевой армии под руководством Манштейна атаковали в июне 1942 года Севастополь, направив свой основной удар через Северную бухту, действуя в полосе наступления шириной 850 метров и разбивая казематы, сооруженные в скалах огнем орудий особой

•
мощности, надо признать: этот момент блокады з обороне Ленинграда мог стать наиболее опасным.

27 августа 1942 года началась основная фаза Синявинской операции — перешла в наступление 8-я армия Волховского фронта. На указанном направлении оборонялись части 227, 2 28 пд и 12 тд вермахта. На 26 августа немецкие силы оценивались нами в 18 пехотных батальонов, 24 артиллерийских батареи, 35 минометных батарей и около 20 танков.

В известной книге Томаса Йенца «Танковые войска Германии», изданной на английском языке, приводятся данные по боевому составу 12-й танковой дивизии вермахта на 1 июля 1942 года. В ее 29-м танковом полку было 48 средних танков Pz.Kpf{уr.ШАиз{.Л с «короткоствольными» пушками (длина ствола 42 калибра), 6 средних Pz.KргшЛУ Аиз1.Р1 с действительно короткоствольной артсистемой (длина ствола в 24 калибра) и только 4 новейших Pг .Кр1\у.1У АизГ.Г2 с 75-мм длинноствольной пушкой (длина 43 калибра). Не думаю, что в момент прорыва германских войск к Сталинграду и на Кавказ какие-либо крупные партии танков посылались на второстепенный для немцев театр военных действий.

Германские танки, за исключением нескольких немногочисленных Pъ.Кр{у/ЛУ Ацз1.Г2, практически не могли бороться с тяжелыми KB, которых на северо-западном ТВД было достаточно много. Не повезло немецким танкистам и с «тридцатьчетверками». Так получилось, что в марте — апреле 1942 года объединенный Ленинградский фронт (а до этого и Волховский фронт) получили для оснащения своих бронетанковых соединений с завода № 112 «Красное Сормово» несколько партий экранированных танков Т-34—76. Экранирование — наваривание 15-мм бронелистов на лобовую часть корпуса и башню танка — серийно осуществлялось на заводе согласно постановлению ГКО № 1062 от 25 декабря 1941 года. Это делалось для того, чтобы появившиеся в конце 1941 года у немцев средние танки Pг.Крг^Ш Аив^Л с 50-мм длинноствольной пушкой К^к39 (с длиной ствола

60 калибров) не могли поражать наши «тридцатьчетверки» с передней полусферы. Но в середине 1942 года таких танков в 12-й танковой дивизии не было! А экранированных машин подобной модификации Т-34 в составе двух фронтов к середине лета оставалось достаточно много. К тому же на ленинградских заводах стали мелкосерийно экранировать легкие танки семейства Т-26 и более современные, но немногочисленные Т-50. Поэтому главные надежды по обороне у немцев были связаны с инженерными укреплениями.

Германская система обороны располагалась на заболоченной местности и опиралась на множество ДОТов и ДЗОТов.

Чтобы объяснить последующие сложности наших войск в боях на мгинском направлении, автор считает нужным более детально охарактеризовать наиболее значительные опорные пункты обороны противника.

Опорный пункт «Липка» был расположен на болотистой местности, недоступной для действия танков в летнее время, и состоял из 16 ДЗОТов, соединенных развитыми ходами сообщения. На подступах к переднему краю проходило проволочное ограждение «в 2 кола». Этот опорный пункт прикрывал дороги, идущие на Шлиссельбург вдоль Новоладожского и Староладожского каналов.

Опорный пункт «Рабочий поселок № 8» был расположен на торфяном болоте, имел 10 ДЗОТов, расположенных на восточных и южных окраинах РП № 8, включал в себя развитую сеть траншей и значительное количество пулеметных гнезд.

Передний край между этими опорными пунктами имел множество траншей и значительное количество пулеметных гнезд.

Опорный пункт «Синявино» состоял из 30 ДЗОТов, соединенных между собой траншеями и ходами сообщения. Большинство ДЗОТов было расположено на восточной и юго-восточной окраинах н/п Синявино. Подступы перед ДЗОТами были заминированы. Этот опорный пункт располагался на

возвышенности и позволял просматривать местность кругом на 1000 м, что давало возможность поражать своим огнем наступающего с больших дистанций. Опорный пункт «Синявино» прикрывал подходы с северной и восточной стороны к совхозу «Торфяник» и с южной стороны к Рабочему поселку № 5.

Опорный пункт «Роща Круглая», находящейся в 1 км севернее Гонтовой Липки, был расположен на опушке леса и проходил по восточной окраине Гонтовой Липки. Он имел 28 ДЗОТов, много землянок, связанных между собою ходами сообщения. Подступы к переднему краю были минированы противопехотными и противотанковыми минами, а перед передним краем проходило проволочное ограждение «в 2 кола». Этот опорный пункт прикрывал дорогу на Синявино и Рабочий поселок № 7, а также имел много противотанковой артиллерии.

Передний край обороны противника от опорного пункта «Рабочий поселок № 8» до н/п Гонтовая Липка проходил по торфяному болоту и южнее отметки 23,4, а далее — по опушке заболоченного леса.

Вдоль переднего края имелись отдельные ДОТы и много траншей. Подступы к переднему краю были заминированы преимущественно противотанковыми минами.

Опорный пункт «Мишкино» был расположен на возвышенности. С северной и северо-восточной стороны местность была открытая и просматривалась на несколько километров вперед. На юго-восточной стороне местность была лесистая и заболоченная. Этот опорный пункт имел 15 ДЗОТов, 4 полевых орудия и батарею ПТО. ДЗОТы и позиции артиллерии были связаны между собой ходами сообщения. На юго-восточной окраине Мишкино располагались малозаметные противотанковые препятствия. Перед передним краем проходили проволочные ограждения «в 2 кола», а подступы к переднему краю были заминированы.

Этот опорный пункт прикрывал железную дорогу к н/п Мга и дорогу, идущую вдоль ж/д (рядом с высоковольтной

Танки, вперед!

линией), а также подступы к Славянке и разъезду Прак-син.

Район Гонтовая Липка — Мишкино составляли батальонный узел сопротивления.

Передний край обороны противника от Гонтовой Липки до Мишкино проходил по западному берегу реки Черная, отметка 29,9, Тортолово, Мишкино.

На участке Тортолово — Мишкино местность заболоченная, а на остальных участках — холмистая, и местами сухие луга. Вдоль переднего края имелось множество траншей и землянок, в которых были расположены огневые точки. Подступы к переднему краю были заминированы противотанковыми и противопехотными минами. На рубеже Гонтовая Липка — отметка 29,9 создавались лесные завалы.

Опорный пункт «Вороново» был расположен на возвышенности. С северной и восточной стороны эта местность просматривается на 1600 м, что давало противнику возможность огневого поражения наступающих с больших дистанций.

Этот опорный пункт имел 23 ДЗОТа, связанных между собой ходами сообщения. Перед передним краем проходило проволочное ограждение «в 2 кола». Подступы к переднему краю были заминированы противотанковыми минами. Опорный пункт «Вороново» прикрывал дороги на разъезд Апраксин, Турчикино, гора Пушечная.

Передний край от Мишкино на Вороново проходил вдоль грунтовой дороги, идущей от ж/д, отметка 40,4, восточная окраина Поречье, Вороново. Вдоль переднего края обороны противника имелись ДЗОТы, землянки и траншеи, связанные между собой ходами сообщения (особенно они были «развиты» в районе отметки 40,4 и в районе Поречье).

Участок Мишкино — Вороново представлял собой батальонный узел сопротивления, состоящий из ротных опорных пунктов.

Таким образом, противником была построена мощная оборонительная линия, которая к тому же располагалась на

одной из самых заболоченных территорий Советского Союза (заболоченность 58,7 %). Летом эти болота (к тому же располагавшиеся с севера на юг и представлявшие из себя естественную защитную линию) были малопроезжими. 45 % общей площади участка наступления покрывали леса, что автоматически делало эту территорию непригодной для движения тяжелой техники. Для атаки оставалось всего несколько участков, не покрытых болотом и лесом. Такие участки (перечисленные выше) были основательно укреплены германскими пехотными соединениями, а также инженерными войсками¹⁸.

Предстоящее наступление советских войск должно было быть «лобовым» и кровавым, а победить должен был тот, у кого имелось больше людских резервов, авиации, артиллерии и танков. Собственно искусство фланговых обходов здесь не могло быть применено в полном объеме.

Все эти факторы Мерецков, воевавший на северо-западном ТВД еще в финскую кампанию, прекрасно понимал и всеми силами стремился обеспечить перевес над обороняющимся противником.

Как и в 1941 году, основной целью наших войск было овладение районом Мга — Синявино.

Мга — в то время центр Мгинского района Ленинградской области, одновременно крупный железнодорожный узел в северо-западной части Советского Союза. Здесь сходятся и пересекаются железнодорожные линии Ленинград — Волхов (с ответвлением на Петрозаводск и Мурманск) — Тихвин — Вологда, Ленинград — Мга — Ки-риши — Москва и ветка Мга — Ульяновск, с дальнейшим выходом на все железнодорожные магистрали к югу от Ленинграда.

В свою очередь, через Синявино проходил старинный Путиловский тракт — один из автогужевых путей на восток области от Ладожского озера до района Киришей. Одновременно через этот район проходила и высоковольтная линия.

Танки, вперед!

по которой электроэнергия передавалась от Волховской гидроэлектростанции в Ленинград.

Поэтому в случае удачного исхода этой наступательной операции можно было быстро наладить коммуникационные связи с Ленинграом, а также обеспечить город электроэнергией.

Наступление 8-й армии поддерживалось громадным количеством артиллерии: 28 артиллерийскими и минометными полками, четырьмя зенитными полками, тремя полками и 20 дивизионами реактивной артиллерии. Плотность артиллерии на направлении главного удара (фронт в 12 км) составляла 85 орудий и минометов (без учета реактивных минометов, 45-мм орудий, 50-мм минометов) на 1 км фронта. Наступлению предшествовала мощная артиллерийская подготовка, продолжавшаяся 130 минут.

Для уничтожения долговременных укреплений противника 8-й армии Волховского фронта было выделено особое новейшее оружие — отдельные огнеметные танковые батальоны (оотб), оснащенные тяжелыми огнеметными танками КВ-8 и средними ТО-34. Таких частей к началу операции насчитывалось четыре: 500-й (10 КВ-8, 10 ТО-34), 502-й (10 КВ-8, 10 ТО-34), 503-й (7 КВ-8, 13 ТО-34) и 507-й (8 КВ-8, 12 ТО-34)¹⁹.

Машинами разных типов огнеметные батальоны оснащали не случайно (это было уже сделано на Волховском фронте по опыту предыдущих боев). Для 47-тонного КВ-8 огнемет АТО-41 являлся основным вооружением. Огнеметная установка, разработанная инженером И. А. Аристовым, монтировалась в башне танка рядом со спаренным пулеметом ДТ. Запас огнесмеси размещался в трех баках: на 450 литров на дне танка и два по 120 литров в нише башни — всего 960 литров. Смесь могла быть стандартной — из мазута и керосина или вязкой — специального состава. Запас огнесмеси позволял сделать 92 выстрела, хотя запас «поджигательных» патронов для АТО-41 был равен 107 единицам. Чтобы КВ-8 визуально не отличался от базовой машины КВ, 45-мм танковую пушку

обр. 1934/1938 гг., установленную вместо 76,2-мм артсистемы, укрыли кожухом, придававшим ей сходство с 76,2-мм пушкой Ф-32. Боекомплект 45-мм пушки составлял 88 артвыстрелов. Также имелось 4 пулемета ДТ, один из которых был зенитным. Штатные средства связи сохранялись. КВ-8 начали производиться на ЧКЗ с апреля 1942 года. Синявинская операция стала их первым массовым «боевым крещением».

В среднем на ТО-34 тот же огнемёт АТО-41 являлся дополнительным вооружением, установленным в лобовой части корпуса танка, вместо пулемета ДТ. Насадок огнемёта полностью укрывался подвижной бронемаской. Стрельба велась одиночными выстрелами или очередью, по 3—4 выстрела с темпом 3 выстрела за 10 секунд. Дальность огнемётания смесью мазута и керосина составляла 60—65 м, вязкой спецсмесью — 90—100 м. 100 литров огнесмеси хватало на 10 выстрелов. Установка огнемёта допускала углы наведения в горизонтальной плоскости + 12,5°, в вертикальной — от 2° до 10°. Огонь из огнемёта вел механик-водитель (экипаж такого танка составлял 3 человека), поэтому в движении стрельба из спецсредств ТО-34 была очень затруднительна. Зато на ТО-34 основное вооружение — 76,2-мм пушка Ф-34 — сохранялось. Сохранялся и его боекомплект, уменьшался лишь только боекомплект пулеметов. ОТ-34 производили разные предприятия, но во второй половине 1942 года огнемётные танки выпускали на СТЗ и УВЗ.

Таким образом, устанавливался некий симбиоз: КВ-8 подавляли с помощью огнемётов укрепленные точки врага (ДОТы, ДЗОТы и т.д.) на дистанциях ближнего боя (до 100 м), но в период сближения с противником (от 1,5 км до 100 м) они (КВ-8) нуждались в защите мощных 76,2-мм пушек ТО-34 (тем более что часть «тридцатьчетверок», которыми пополнялись огнемётные танковые батальоны, были обычными линейными машинами. — *Примеч. авт.*). Также к наступательной операции привлекался 107 отб в составе 2 КВ и 4 Т-34, ранее оснащенный трофейной матчастью. Вся

эта техника должна была поддерживать в атаках 11,31,286, 265, 327-ю стрелковые дивизии, 3-ю и 24-ю гвардейские стрелковые дивизии.

Большая часть техники была задействована в общем наступлении 8-й армии на участке Гонтовая Липка — Вороново.

5 танков 503 оотб вместе с 5 сп 3 гв. сд наступали в направлении Гонтовой Липки, 8 танков 503 оотб с 19 гв. сд атаковали южнее Гонтовой Липки, 507 оотб вместе с 24 гв. сд наступали вдоль высоковольтной линии.

502 оотб вместе с 265 сд атаковали в направлении северной окраины Тортолово. Группа огнеметных танков 500 оотб в составе 3 КВ-8 и 2 ТО-34 поддерживала атаку 163 сп 11 сд на южную окраину Тортолово.

Другая группа танков 500 оотб из 7 КВ-8 и 7 ТО-34 вместе с пехотинцами 286 сд атаковала н/п Вороново с севера.

По одному танку КВ-8 из 500, 502 и 507 оотб распоряжением заместителя командующего по АБТВ 8-й армии были дополнительно переданы в 107 отб без экипажей и специального дополнительного материального обеспечения огнеметных танков, так как обычных линейных танков в группировке катастрофически не хватало.

Батальоны имели задачу совместно с пехотой прорвать передний край обороны противника и в дальнейшем развивать успех: правифланговая группировка — в общем направлении на Синяино, левофланговая — в направлении на станцию Мга²⁰.

80 огнеметных танков (из имевшихся 87 машин), введенных в бой на небольшом участке фронта, — это нешуточная мощь! В результате первых же атак советских войск 27 августа германская оборона начала разваливаться, а противник начал общий отвод своих войск с оборонительных рубежей. Однако большое количество наших танков так и не достигло переднего края обороны немцев. Много советских боевых машин застряло в ручье Черный и подорвалось на минных

• полях. В первый же день прорвать немецкую оборону удалось только на участке Гонтовая Липка — Тортолово. Здесь частям 24-й гвардейской дивизии (комдив полковник П.К. Кошевой) и 265-й дивизии (комдив полковник Б.Н. Ушинский) удалось преодолеть речку Черная, вклиниться в оборону противника на глубину от 15 до 2,5 километра, овладеть опорным пунктом немецкой обороны — Тортоловым (находился севернее железной дороги Мга — Волхов; отсюда начинается ее спуск в сторону станции Назия). Наши войска заняли населенные пункты Гонтовая Липка, Тортолово, подошли к Мишкино. На второй день наступления наибольшего успеха добилась 19-я гвардейская стрелковая дивизия (комдив полковник Д.М. Баринов), которая продвинулась на запад до 5,5 км и вышла на подступы к Синявино. Части 265-й стрелковой дивизии овладели 1-м Эстонским поселком. Несмотря на наши успехи, было видно, что темп продвижения сразу оказался в 2 раза меньше расчетного. Третий день наступления был отмечен появлением на поле боя германских частей 12-й танковой дивизии, переброшенной с ленинградского участка фронта, и гренадеров 170-й пехотной дивизии из состава 11-й армии. Спротивление противника войскам 8-й армии резко возросло. Существенно активизировалась немецкая авиация. Генерал Мерецков для достижения конечного результата готовился ввести в бой новые резервы. Так, с 27 по 30 августа в район операции прибыли и готовились к вводу в бой еще три танковые бригады — 16, 98 и 122 тбр, имевшие в общей сложности 104 танка (29 КВ, 27 Т-34, 36 Т-60, 10 Т-70 и 2 САУ Т-26). Даже 500-й отдельный танковый батальон (не огнемётный, линейный — *Примеч. авт.*), укомплектованный с трудом передвигающимися сильно изношенными БТ (26 машин с выработанным моторесурсом), также был привлечен к операции, но использовался только в обороне. До Невы оставалось 7—8 км. Тяжелые КВ-8 наводили ужас на врага, особенно большой моральный эффект огнемётание производило в ночных условиях (в пределах лесистой местности огнемётание

Танки, вперед!

было возможно в пределах 40 — 70 метров. — *Примеч. авт.*)
Примечательно эффективной была ночная атака 507 оотб (с 30 на 31 августа) в районе отметки 40,4 против немецких автоматчиков, напавших на штаб 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Немцы бежали в разные стороны, срывая с себя верхнее обмундирование и белье. Много германских солдат погибло. Результативна также была атака 500 оотб деревни Вороново против немцев, засевших в домах. В этом бою дотла спалили 15 строений вместе с их гарнизонами, а н/п был оперативно взят нашими войсками. Характерно то, что из всех потерь наших огнеметных танков ни один не был сожжен германскими пехотинцами. Солдаты врага боялись вести с огнеметными танками ближний бой. Механик-водитель 502 оотб красноармеец Патурнак рассказывал, что после того, как он дал выстрел из огнемета в направлении орудия ПТО, ведущего по нему огонь, расчет, обслуживавший пушку, бежал, а «два немца с испугу легли на землю и были раздавлены гусеницами танка».

Нашим танкистам тоже было нелегко. После выстрела патрона АТО выделялось много ядовитого газа, который приводил экипаж в полуобморочное состояние. В 507-м огнеметном танковом батальоне несколько экипажей КВ-8 в бою даже потеряли сознание. Башенные баки для огнесмеси емкостью 120 литров каждый оказались опасны в сражении, так как при попадании в них снаряда смесь разливалась по танку и боевая машина загоралась. В 502-м и 507-м батальонах начался стихийный демонтаж подобных конструкций баков. Специальные огнестойкие костюмы для экипажа, изготовленные опытной партией, получил только 500-й огнеметный батальон²¹...

Также немцы, позиционировавшие себя великими гуманистами, считали применение огнеметного оружия аморальным и нередко без суда и следствия расстреливали попавших в плен советских танкистов-огнеметчиков. Причем удивителен тот факт, что в германской армии огнеметы, хоть и з меньших масштабах, но тоже использовались.

Но вскоре немецкое командование оправилось от шока. 29 августа в бой, как уже говорилось, была введена 170-я пехотная дивизия вермахта, ранее прибывшая из Крыма и находившаяся во второй линии, а также новейшее немецкое оружие — тяжелые танки «Тигр».

Эти 56-тонные тяжелые машины, оснащенные 88-мм длинноствольной пушкой (длина 56 калибров), были запущены в производство на фирме «Хеншель», в конце июля 1942 года и стали носить индекс Pz.Kpfw* \ VI (8Й. Kfz. 181) «ТЛ&ег» Ai31. H1. Впоследствии в одном из технических отчетов автор прочитал утверждение наших специалистов о том, что для уничтожения одного «Тигра» в конце 1943 года приходилось в среднем терять подбитыми двенадцать Т-34—76. Возможно, это и преувеличение, но в умелых руках подобный танк был действительно опасным противником, поражавшим в 1942 году всю нашу бронетехнику с расстояния 1,5 км. К счастью, в августе 1942 года эти танки толком не умели эксплуатировать и сами хозяева, но указания Гитлера о немедленном боевом испытании нового «чудо-оружия» выполнялось неукоснительно.

Для «Тигров» была создана особая тактическая единица — тяжелый танковый батальон. По первоначальному штату, в составе батальона имелось 4 роты — штабная и обеспечения, две танковых и ремонтная. Батальон (асБ^еге Рапгег-АМеПип^) представлял собой отдельную воинскую часть, которая могла действовать как самостоятельно, так и придаваться более крупным соединениям.

Первым боевым подразделением «Тигров» стал 502-й отдельный батальон тяжелых танков под командованием майора Мейера. Символикой этой части стала эмблема в виде мамонта или, как у нас говорили, «слон».

Несмотря на то что батальон так и не был укомплектован до полного штата, он все равно спешно отправился на советско-германский фронт. В поход на Восток двинулись 1-я танковая рота (4 «Тигра» и несколько средних Pz.Kpfw \у III), штабная и половина ремонтной роты.

Танки, вперед!

Ранним утром 29 августа эшелоны этой элитной части прибыли под Ленинград, на станцию Мга. Разгрузившись, примерно в 10 часов «Тигры» разместились на заранее подготовленной стоянке. А уже в 11 часов поступил боевой приказ — поддержать огнем атаку своей пехоты. Понятно, что времени на подготовку к операции практически не было, экипажи едва успели проверить вооружение и приборы. Примерно через полчаса 4 «Тигра» под руководством командира батальона майора Меркера, который находился в головном танке, выдвинулись на боевую позицию. Отстрелявшись по указанным целям, танки повернули обратно. По ним открыла огонь советская артиллерия. Перед небольшой высоткой группа разделилась — две машины пошли направо, две налево. Тут же один из «Тигров» остановился из-за поломки коробки перемены передач. Чуть позже поступило сообщение о неисправности в двигателе еще одного «Тигра», а десятью минутами позже вышел из строя третий танк.

Таким образом, первое же участие «Тигров» в бою показало их низкую техническую надежность — из вышедших на операцию четырех машин сломалось три. Было сильно подорвано доверие к этим танкам у солдат и офицеров. Впрочем, наличие «детских болезней» у новых видов техники в подобных условиях — дело обычное.

Ночью началась эвакуация вышедших из строя «Тигров». К счастью для немцев, советское командование не знало, что это за техника, и практически не препятствовало эвакуационным работам, если не считать редкого ружейно-пулеметного огня.

Каждый «Тигр» приходилось вытаскивать тремя 18-тонным тягачами, которые с трудом двигались по заболоченной местности. К утру, после долгих мучений, все три танка были доставлены в тыл.

Чуть ли не из германской ставки поступил приказ — «Тигры» должны быть немедленно восстановлены и подготовлены к боевому использованию. Неисправные механизмы в

срочнейшем порядке на транспортном самолете «Юнкерс-52» отправили в Германию, на завод фирмы «Хеншель». Через несколько дней отремонтированные детали доставили на фронт тем же самолетом.

Для ремонтников и танкистов 502-го отдельного тяжелого танкового батальона вермахта первые недели сентября стали временем лихорадочной работы по восстановлению вышедших из строя «Тигров». Одновременно эта часть понесла и первые потери в людях — 1 сентября советский снаряд попал в ремонтные мастерские, в результате чего несколько человек было убито и ранено.

К этому времени советское наступление остановилось. Врагу удалось задержать продвижение наших частей на флангах прорыва — в районе Рабочий поселок № 8, Мишкино и Поречье. Жесткой обороной германские войска сковали значительные силы атакующих и вынудили их вести многодневные кровопролитные бои.

Противник, отброшенный с рубежа реки Черной, стремился задержать наступление частей Красной армии и ликвидировать прорыв. Германское командование спешно подводило из глубины свежие части, закреплявшиеся на втором оборонительном рубеже вдоль грунтовой дороги совхоза «Торфяник» — Кейколово, опираясь на узлы сопротивления опорного пункта «роща Круглая» (севернее Гонтовой Липки), Синявино, совхоз «Торфяник». Немецкие войска переходили в частные контратаки, которые успешно отбивались нашими частями. В лесах южнее Синявино противник имел только автоматчиков и мелкие группы пехоты с пулеметами, которые противодействовали выходу советских подразделений на вторую оборонительную полосу.

Больше всех во время этого периода наши войска дожимала германская авиация, владевшая превосходством в воздухе.

30 августа генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Группа армий "Север". Противник продолжает атаки южнее

Ладожского озера, но без существенного успеха. Однако и наши контратаки не обеспечили продвижения вперед. Силы, подготовленные для штурма Ленинграда, все больше и больше используются для сдерживания этого наступления»²².

Чтобы прорвать 2-ю линию немецкой обороны, ядром которой была мощная группировка из шести полнокровных германских дивизий (на 1 сентября 1942 года наше командование оценивало немецкую группировку²³ следующим образом: людей — 20700, винтовок — 11000, автоматов — 1394, ручных пулеметов — 740, станковых пулеметов — 197, минометов — 212, орудий ПТО — 167, легких орудий — 45, тяжелых орудий — 78, танков — 15) генерал К.А. Мерецков принял решение о вводе 1 сентября в сражение выдвинувшегося из второго эшелона фронта 4-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Н.А. Гагена, который поддерживали приданные 122,98-я и 16-я танковые бригады. Задача корпуса была следующая — к вечеру 1 сентября войска 4 гв. ск должны были выйти к реке Неве у поселка Анненское. Но эта мера оказалась запоздалой, к тому же сил таких уже было недостаточно, чтобы прорвать вражескую оборону. Требовались свежие соединения для наращивания удара из глубины. Однако новых значительных резервов в нужном количестве не было.

На 1 сентября в состав корпуса входили: 259-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора М.Ф. Гаврилова, 22, 23, 32, 33, 53, 137, 140-я стрелковые бригады, а также приданные 98-я и 16-я танковые бригады. Через несколько дней в состав 4 гв. ск передали 122-ю танковую бригаду.

При поддержке танкистов 98-й бригады (командир подполковник И.Г. Гордеев) частям 4-го корпуса удалось продвинуться еще на 2—3 километра на запад — до поворота реки Мойки у Келколово. До Невы оставалось пройти еще около 6 км, и блокада была бы прорвана. Однако силы наступавших иссякли.

Именно об этих днях генерал-фельдмаршал фон Ман-штейн писал: «4 сентября вечером мне позвонил Гитлер. Он заявил, что необходимо мое немедленное вмешательство в обстановку на Волховском фронте, чтобы избежать катастрофы. Я должен немедленно взять на себя командование на этом участке фронта и энергичными мерами восстановить положение»²⁴.

Одновременно с борьбой в районе Синявино войска Волховского фронта сделали попытку развернуть наступление на вспомогательном направлении в сторону н/п Шапки, Тосно. Однако трехдневные наступательные бои здесь успеха не принесли, и наступательные действия советских соединений на этом участке также прекратились. Ожесточенные бои продолжались на флангах образовавшегося прорыва, где войска из состава ударной группировки Волховского фронта, блокировав Рабочий поселок № 8, а также районы Мишкино и Поречье, вели борьбу за овладение этими опорными пунктами вражеской обороны. В центре полосы наступления продолжались «кровавые лобовые» атаки на Синявино.

До сих пор не существует точной оценки по поводу продвижения наших сил Волховского фронта в этот период проведения Синявинской операции.

Генерал Мерецков указывал, что «первый эшелон прорвал вражескую оборону на фронте в пять километров и углубился в ее боевые порядки на расстояние до семи километров. К 5 сентября наибольшая глубина прорыва составила девять километров...»²⁵

Генералы С.П. Свиридов и В.П. Якутович сообщали: «К 4 сентября войска Волховского фронта, действуя севернее ж/д... захватили участок фронта немецко-фашистской армии шириной более 12 километров и продвинулись в западном направлении в глубину противника на 15—20 км»²⁶.

Наконец, в книге фельдмаршала Э. Манштейна, руководившего германским контрнаступлением, сказано: «Севернее дороги, идущей из Ленинграда через Мгу на восток, противнику

Танки, вперед!

удалось захватить участок фронта 18-й армии шириной 8 километров в западном направлении до района севернее Мги»²⁷.

Последнее «осмысленное» наступление на Синявино началось 8 сентября 1942 года. К этому времени уже стало ясно, что введенный в сражение 31 августа второй эшелон армии (4-й гвардейский корпус с частями усиления) не сумел прорвать оборонительный рубеж противника и выйти к реке Неве. Элемент внезапности уже прошел, началось позиционное противостояние.

Противник к этому периоду подтянул и продолжал подтягивать свежие части, прочно удерживая и опираясь на свои опорные пункты: роща «Круглая», Рабочий поселок № 7, Синявино, Рабочий поселок № 6 и другие. Стремясь восстановить утраченное положение, то есть выйти на рубеж реки Черной, германские войска проводили частые контратаки при поддержке артиллерии и авиации.

Особую активность враг проявлял, действуя из рощи «Круглая» по правому флангу советских войск. Доставалось также и левофланговым соединениям.

Проблема прочного обеспечения наших флангов (особенно правого) стала самой насущной задачей. Поредевшие части первого эшелона с трудом справлялись с этим делом, но они не смогли воспрепятствовать просачиванию мелких групп автоматчиков противника, которые, выходя в тылы наших частей, нарушали подвоз и эвакуацию. Авиация противника, господствуя в воздухе, практически непрерывно массированными налетами «утюжила» советские боевые порядки и тылы. Но наше командование все же надеялось на успех, а может, и на чудо, и опять решило продолжить наступление на Синявино, а далее двигаться на 2-й городок. Для этой цели были привлечены совершенно свежие 191-я стрелковая дивизия и 122-я танковая бригада, тем более что наши войска находились всего в 1,5 км от Синявино. Однако из-за опоздания к исходному рубежу пехоты 191 сд атака, назначенная на 6 сентября, была отменена.

8 сентября наступление началось, но уже в несколько другом — северном направлении. В нем участвовали уже 53-я отдельная гвардейская стрелковая бригада и танки 122-й танковой бригады. Советское командование стремилось обойти крупные опорные пункты обороны немцев и просочиться в тыл противника. Сначала это удалось: пехотинцы и танкисты без потерь достигли высоковольтной линии. Но на этом все и закончилось.

Как и всегда в случае неудач, наше руководство стало «тасовать» командующих, способных выполнить поставленную задачу. С 9 сентября начался ввод в наступление 3-го эшелона войск Волховского фронта — вновь сформированной 2-й ударной армии. Название армии было только на бумаге, так как в этот момент в ней имелись штаб, «одна стрелковая дивизия 8-тысячного состава и одна стрелковая бригада»²⁸. Директивой Мерецкова от 8 сентября 4-й и 6-й гвардейские корпуса были подчинены командарму 2 генералу Клыкову²⁹.

Задачи наступления были определены в директиве ком-фронта от 8 сентября следующим образом: «... п.2. Северная группа войск Волховского фронта вводит в бой 3-й эшелон и переходит в общее наступление с задачей разгромить синя-винскую группировку противника, стремительным ударом в направлении Анненское выйти к восточному берегу р. Нева на соединение с войсками Ленинградского фронта...

П.3. 2-я ударная армия (128, 259, **191**, 294, 374 сд, 3 гв. сд, 23, 32, 33 и 53 сбр, 16,98 и 122 тбр). Ближайшая задача — овладеть районом роща "Круглая", предварительно изолировав ее от Синявино, Рабочий поселок № 5, Рабочий поселок № 6, Синявино и стремительно, развивая удар в направлении Московская Дубровка, выйти на восточный берег р. Нева. Для обеспечения ударной группы с юга овладеть Келколово...

П.4. 8-я армия (265, 11, 286 и 24 гв. сд) прочным удержанием рубежа Келколово, пос. 1-й Эстонский, Тортолово, Вороново надежно обеспечить операцию 2-й ударной армии от контрударов противника с направления Мга, оз. Синя-

винское, пос. Михайловский, Гайтолово и Турышкино, Вороново...»³⁰

Этот этап операции, скорее всего, проводился «для отчета Ставке». Свежих соединений 2-я ударная армия практически не имела, поэтому какого-либо перелома добиться было уже невозможно.

В течение 9 и 10 сентября части 53 огв. сбр и 122 тбр продолжали вести безуспешные бои на северном направлении: на север наши войска продвинулись всего на 200—250 метров от высоковольтной линии. Впереди лежало торфяное болото и располагались мощные укрепления противника, который к тому же заминировал этот участок и подтянул орудия ПТО.

Легкие танки сразу же завязли в болоте, тяжелые туда и не совались, так как для действий на этой местности постоянно требовались саперы. Последних было очень мало, к тому же инженерные войска во время работ несли тяжелые потери от вражеских автоматчиков, так как нашей пехоты для прикрытия всей операции было крайне мало. За два дня боев бригада потеряла 1 КВ, 2 Т-34 и 1Т-60. Вследствие весьма тяжелых условий движения по болоту 5 танков вышло из строя по техническим причинам. С 11 по 14 сентября оборонялись уже наши войска, причем танки были расставлены в боевых порядках пехоты. Отразив несколько контратак противника, 122-я танковая бригада потеряла 3 КВ, 1 Т-34, 3 Т-60, 1 Т-26 и 1 САУ Т-26.

С 14 по 17 сентября 122-я танковая бригада и теперь уже введенная в бой 22-я отдельная стрелковая бригада продолжали атаки на рощу «Круглая». Находясь у горловины прорыва войск 8-й армии, она (роща) стала местом концентрации немецких сил для контрудара, но продвинулись всего на 700 метров на север вдоль высоковольтной линии. 20 сентября, в том числе и на этом участке, противник перешел в контрнаступление³¹.

В разгар боев, 8 сентября 1942 года, на синявинский участок Волховского фронта прибыл последний резерв Ставки —

•

29-я танковая бригада (7 КВ, 11 Т-34, 36 Т-60), которую намеревались ввести в бой в ближайшие дни. Но время было упущено — 7 сентября на ТВД начались затяжные дожди и местность, и без того болотистая, стала совершенно непроходима для танков. 12 сентября бригада все-таки была введена в операцию, но выполняла она скорее оборонительные задачи, тем более что противник активизировался.

Немцы, подтягивая к периметру прорыва все новые и новые части и соединения 11-й и 18-й армий, артиллерию и авиацию, 10 сентября сами перешли в контрнаступление. Но нашим частям тогда еще удавалось отражать германские удары. Об этом говорят следующие записи в дневнике Галь-дера:

«10 сентября 1942 года. Группа армий "Север". Войска Манштейна, наносящие контрудар, встретили сильное сопротивление. На Неве успешно ведутся оборонительные бои.

11 сентября 1942 года... Наступление Манштейна оставалось».

Но, несмотря на изменение обстановки, 2-я ударная армия все еще пыталась наступать. Что это было за наступление, хорошо видно из воспоминаний командарма генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова³².

«Через час начальник штаба (Волховского) фронта Стельмах срочно вызвал меня на провод (дело происходило 10 сентября 1942 года. — *Примеч. авт.*).

— На Старикова (8-я армия) со стороны Тортолово и Мишкино движется до 30 танков. Надо помочь. Вышлите хотя бы роту.

Роту? В ротах осталось по 20—30 человек...

Примерно к середине 10 сентября я перестал чувствовать правый фланг соседа. Смотрю, а вдоль речки Черной продвигается противник, человек до 500, а с другой — до двух с половиной батальонов. Уже отбито 7 контратак — две от Синявина, две от Торфяного, три на других участках фронта...

... 11 сентября. Снова невероятно трудный день. В воздухе — самолеты врага. Они бомбят непрерывно. Чадно горит торф. Наша землянка подпрыгивает, вот-вот выскочит из земли. До 400—700 вражеских самолетовылетов ежедневно. Связь с частями нарушилась...

Враг подтянул в район Келколово, против нашего стыка с 8-й армией, самоходки. Надо ожидать и танки. От Круглой рощи части Биякова (6 гв. ск) отбивают атаки новых сил врага. А из штаба фронта очередное внушение за медленное продвижение...

Корпус Биякова продвинулся на 100—120 метров. Бари-нова атаковали группы противника. Он отбивается. Гитлеровская авиация вновь накрыла пункт управления армии. Бомбы рвутся у самой землянки. А с запада и востока видны вражеская пехота и танки...

В стык 8-й и 2-й ударной армий проникла большая группа автоматчиков. Продвинувшись вдоль ручья, они вышли в тыл наступавшему 6-му корпусу».

В этот же день (11 сентября) командующий Волховским фронтом К.А. Мерецков директивой № 0/20/ОП приказывает командарму Клыкову продолжить наступление на си-нявинском направлении, уповая на успехи Ленинградского фронта (об этой операции будет сказано ниже. — *Примеч. авт.*). Указывая в директиве, что «войска Ленинградского фронта частью сил форсировали р. Нева и закрепились на ее восточном берегу в районе Арбузово, Анненское — главной задачей 2-й ударной армии является быстрейший выход к восточному берегу Невы на соединение с войсками Ленинградского фронта.

Приказываю:

1. Обеспечивая себя со стороны Синявино, главными силами 4 гв. ск нанести 12 сентября 1942 года удар в направлении треугольник желдороз, Московская Дубровка. Ближайшая задача — овладеть районом свх. "Торфяник", треугольник ж.д., отметка 19,8 на трассе высоковольтной линии.

С прорывом фронта выбросить на соединение с войсками Ленфронта 29 танковую бригаду.

2. Продолжить наступление силами 6 гв. ск. с целью перехвата дороги между рошей "Круглая" и Рабочим поселком № 7».

Однако, поскольку к 11 сентября соединения Ленфронта окончательно покинули плацдарм на левом берегу Невы, «идти на соединение» было уже не с кем. Активизации наступательных действий не произошло, а 29 тбр помогала обеспечивать оборонительные задачи.

Мерецков, в критических ситуациях скорый на расправу, снимает генерал-майора Н.А. Гагена с должности ком-кора и назначает его командиром 259-й стрелковой дивизии. С 13 сентября 1942 года 4-м гвардейским стрелковым корпусом стал командовать генерал-майор СВ. Рогинский, 6-й гвардейский стрелковый корпус продолжал возглавлять генерал-майор СТ. Бияков.

К 17 сентября наступательные действия Волховского фронта фактически прекратились, однако враг продолжал перебрасывать в этот район новые силы. В период с 10 по 20 сентября командование противника перебросило на мгин-ское направление 96-ю пехотную и 5-ю горнопехотную дивизии (в советских документах иногда упоминается как 5-я горнострелковая дивизия), сняв их с тосненского направления. 28-ю егерскую (легопехотную) дивизию перебросили с участка Кириши—Грузинов, 121 пд прибыла с Ленфронта, а 132 пд — из Крыма. Впоследствии с помощью этих соединений были организованы мощные фланговые контрудары, которые наносились по советским позициям с 20 сентября.

В течение сентября не прекращались и боевые действия Ленинградского фронта, который отчаянно стремился помочь своим соседям. В первой половине месяца с 9 сентября 55-й армией предпринимались попытки очистить от нацистов район Ям—Ижоры, но они оказались неудачными. Тогда было решено помочь Волховскому фронту — с

Танки, вперед!

3 сентября Невская оперативная группа (НОГ) Ленфронта начала подготовку к форсированию Невы в районе бывшей московской Дубровки. Штабами Ленинградского и Волховского фронтов согласовывается решение о ведении 9 сентября 1942 года одновременного наступления: частей НОГ с предполагаемого к восстановлению Невского «пяточка» в сторону Синявина, соединений Волховского фронта из района Келколово им навстречу. Основная цель операции состояла в том, чтобы двумя дивизиями прорвать вражескую оборону на левом берегу Невы, овладеть Мусталово и, развивая успех на Синявино, соединиться с застрявшими в позиционных боях соединениями Волховского фронта. Но автору кажется, что в реализацию скорого форсирования Невы не верило даже командование Ленинградского фронта.

За несколько дней до преодоления этой водной преграды командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров вместе с командующим артиллерией Ленфронта генералом Одинцовым приезжали на предполагаемый участок прорыва и осматривали его.

«... С рассветом на обрывистых берегах Невы открылась черная панорама изрытых левого и правого берегов Невы. На крутом, обрывистом участке вражеского берега прочно высилась серая громада главного корпуса 8-й ГЭС с земляными насыпями эстакад. Железобетонные стены электростанции, пробитые снарядами с нависшими на них прутьями арматуры, словно ключья разорванной одежды высвечивали замаскированные, как бы подвешенные орудия и минометы. Именно оттуда отлично просматривалась река и наш правый берег. Этот мощный бастион будет снова поражать точным и прицельным огнем несколько километров окружающего пространства, в том числе весной оставленный и снова намечаемый к занятию плацдарм-"пяточек".

— Какое-то осиное гнездо... Измаил какой-то, — зло выговорил находившийся на рекогносцировке рядом с Говоровым

Одинцов. — Разбомбить надо, иначе не возьмешь. — Говоров промолчал. Господство в воздухе было пока у немцев.

Осматривая берега, он думал о времени суток для начала форсирования реки.

С рассветом? — будет угроза быстрого налета пикирующих бомбардировщиков.

Ночью? — сложность управления выдвижением войск и неточность стрельбы нашей артиллерии. О многом, многом еще думалось командующему».

Как и предполагало командование Ленинградского фронта, в спешке по приказу Ставки подготовленная операция по форсированию Невы уже 9 сентября провалилась. Две дивизии (86 и 46 сд), переправившись через реку, вклинились во вражескую оборону на противоположном берегу (их усилия поддерживала 11 сбр), однако развить свой успех не смогли и отошли на исходную позицию. Чтобы избежать напрасных потерь. Ставка 12 сентября приказала Военному совету Ленинградского фронта прервать операцию и выделила на подготовку нового наступления две недели.

Потери в этой бесславно закончившейся «акции» указаны в донесении Ленфронта от 12 сентября — «в результате проведенной операции наши потери выражаются: в личном составе — убитых 738, раненых 2245 человек...» (далее перечисляются потери в материальной части).

Ставка ВГК, по указанию которой и было осуществлено подобное неподготовленное действие, обличала командование Ленинградского фронта в директиве № 17061 от 12 сентября 1942 года (подписана Сталиным и Василевским): «Так как Ленинградский фронт оказался неспособен толково организовать форсирование р. Невы и своими действиями глупо загубил большое количество командиров и бойцов, Ставка Верховного главнокомандования приказывает операции по форсированию р. Нева прекратить»³³.

20 сентября 1942 года Манштейн перешел в контрнаступление против ударной группировки Волховского фронта.

Сначала немецкие войска начали давить по нашему авангарду севернее Мги, стараясь отсечь соединения 4-го гвардейского корпуса. Затем силы 30-го армейского корпуса 11-й армии вермахта (132, 170, 24-я пехотные дивизии), наступая со стороны Сологубовка — пос. Михайловский, а войска 26-го армейского корпуса — с севера, от рощи Круглая и Рабочего поселка № 7, соединились в районе поселка Гайтолово, в конце концов отрезав «клин» наших наступающих войск.

Вот как описывал финал Синявинской операции генерал армии К.А. Мерецков: « 20 сентября противник перешел в контрнаступление, пытаясь отрезать наши авангардные части... Шесть пехотных дивизий, три горноегерских и части танковой дивизии стали сжимать клещи вокруг нашего авангарда. На земле и в воздухе развернулось ожесточенное сражение... Горели леса и болота, земля застилалась густым едким дымом. За несколько дней этой невероятной по своей силе артиллерийско-минометной и авиационной дуэли весь участок был превращен в изрытое воронками поле, на котором виднелись одни обгорелые пни...»³⁴

В этой операции германское командование повторно применило новейшие немецкие танки «Тигр», тем более что к 15 сентября были полностью восстановлены все вышедшие из строя тяжелые гусеничные боевые машины.

21 сентября четыре «Тигра» и несколько средних танков Pz.Kpfw.IV Ausf. H из 502-го батальона тяжелых танков были приданы 170-й пехотной дивизии вермахта (к этому времени в состав батальона прибыло еще три «Тигра»). Танки должны были действовать против полуокруженной группировки Волховского фронта в районе поселка Тортолово. Командир батальона майор Меркер пытался доказать вышестоящему командованию, что местность после дождей стала совершенно непроходима для тяжелых танков. Однако все его возражения были бесполезны — приказ об участии «Тигров» в наступлении был подписан лично Адольфом Гитлером, который «категорически настаивал на их применении».

22 сентября танки начали наступление, которое закончилось полным провалом. Один Pz.Kpfw.IV перевернулся при переходе через дамбу, несколько других средних танков были подбиты советской артиллерией и загорелись. У одного из «Тигров» по непонятной причине заглох и не заводился двигатель (после боя механик-водитель сказал, что возникла неисправность в электропроводке танка), а экипаж покинул машину. Позже этот танк загорелся, так как кто-то из экипажа, предположив, что машину спасти не удастся, бросил в люк ручную гранату. Три других «Тигра» под обстрелом советской артиллерии сумели немного продвинуться вперед, но застряли в болоте.

Через несколько дней с большими трудностями при поддержке артиллерии и пехоты удалось эвакуировать 3 танка. «Тигр», который увяз дальше и глубже других, несмотря на все усилия, вытащить не удалось. Кроме того, он находился под постоянным огнем советской артиллерии.

Техническому персоналу и командиру 502-го батальона майору Меркеру этот танк доставлял сильную «головную боль». Предложение Меркера взорвать танк было отвергнуто командованием ОКВ, так как оно опасалось, что даже по отдельным деталям противник может получить какие-либо сведения. Судьбой этого «Тигра» озаботилось высшее командование вермахта и даже сам фюрер. Меркер получил указание: «Танк ни в коем случае не должен попасть в руки противника». Только 25 ноября, после долгих препирательств, его наконец взорвали. Сам же батальон 26 сентября был выведен с линии фронта. Так, совсем бесславно, прошло первое применение знаменитого впоследствии тяжелого танка «Тигр» в боевых условиях, за что и расплатился майор Меркер, который в конце ноября 1942 года был смещен со своего поста.

Главным виновником этого провала был не «майор-стрелочник», а совсем другой человек. В своих «Воспоминаниях солдата» знаменитый германский военачальник Гейнц Гудериан говорил о том, что в неудаче применения «Тигров»

Танки, вперед!

•

виноват сам Гитлер: «В сентябре 1942 года "Тигр" вступил в бой. Еще по опыту Первой мировой войны было известно, что при создании новых образцов вооружения следует запастись терпением и дождаться их массового производства, а затем применить их сразу в большом количестве. Зная об этом, Гитлер тем не менее хотел как можно быстрее увидеть в деле свой главный козырь. Однако перед новыми танками была поставлена абсолютно второстепенная задача: локальная атака в труднопроходимой местности в заболоченных лесах под Петербургом. Тяжелые танки могли двигаться только в колонну по одному по узким просекам, попадая под огонь противотанковых пушек, расставленных вдоль них. В результате — потери, которых можно было избежать, преждевременное рассекречивание новой технологии, и, как следствие, невозможность в будущем застать противника врасплох».

С мнением Гудериана соглашались министр вооружений Шпеер и начальник Генерального штаба вермахта Гальдер. В целом все специалисты были едины во мнении, что местность под Ленинградом была совершенно неподходящей для применения «Тигров». Кроме того, экипажи таких танков еще не были достаточно подготовлены, а неудачное применение новой техники имело тяжелые психологические последствия и для пехоты, и для боевых экипажей, формируемых в 500-м тяжелом учебном танковом батальоне.

Конечно, даже несколько таких суперсовременных танков, как «Тигр», не могли решить судьбу этой достаточно крупной операции. Действительный результат могло показать только массовое применение подобных машин. А пропагандистский эффект, на который, по-видимому, и рассчитывал Гитлер, не состоялся из-за неподходящей для применения танков местности и тактических просчетов. На этом история «Тигров» в Синявинской операции закончилась, но и без этого «чудо-оружия» дела у нашей ударной группировки Волховского фронта были плохи.

Хочется привести несколько цитат из дневника Франца Гальдера, посвященного этим дням:

«21 сентября... Манштейн выступил. Незначительные первоначальные успехи.

22 сентября... Группа армий "Север": 11-я армия. Отразив вражеские контратаки с запада против левого фланга нашей наступательной группировки, 30 ак силами 132-й дивизии перешел в наступление. В ходе боев... наши войска, преодолевая болотистую лесистую почти непроходимую местность, сумели во второй половине дня продвинуться еще дальше на север и овладеть важными высотами севернее Тортолово. В полосе 26-го армейского корпуса 121-й дивизии во второй половине дня удалось прочно овладеть отрезком дороги к северу от Гайтолово протяженностью 300 метров. Контратаки противника отражены...

На участке фронта по Неве никаких существенных изменений.

24 сентября 1942 года. Группа армий "Север": 30-й армейский корпус продвинулся незначительно. 26-й армейский корпус овладел северо-западной окраиной Гайтолово. В 16.00 начался новый штурм Гайтолово. Противник подверг бесчисленным, но тщетным контратакам с восточного и юго-восточного направлений восточный фланг 121 пд. На участке вклинения — неослабевающее упорное сопротивление противника».

К сожалению, на «самом интересном месте» дневник генерала Гальдера заканчивается: 24 сентября Гитлер уведомил его об отставке (ввиду давних разногласий по вопросам ведения войны); историки лишились важного источника информации о ходе боевых действий, в том числе на нужном нам этапе. Новым начальником генерального штаба сухопутных сил Германии (ОКХ) стал генерал Цейтлер.

Передовые части советской «наступающей» группировки потеряли связь со своими тылами уже 25 сентября 1942 года, так как именно в этот день некоторые наши соединения (на-

пример, 372 сд) получили приказ отбить Гайтолово и Гонтовую Липку. В районе Тортолово, не давая окончательно сомкнуться немецким «клещам» окружения, сражалась 73-я морская стрелковая бригада. Официально приказ о выводе наших частей, находившихся западнее Черной речки, на восточный берег последовал 27 сентября 1942 года. Медлить было нельзя — еще «дырявый» внешний и внутренний фронт германских «клещей», отрезавших от основных сил Волховского фронта соединения 8-й и 2-й ударной армий, могли в любую минуту превратиться в неприступный бастион. Ставка, обеспокоенная возможным повторением истории боев под Харьковом, 29 сентября 1942 года направила Мерецкову директиву № 107629, которая в названии имела следующую фразу: «... о выводе 2-й ударной из окружения». Заканчивался этот документ следующими пунктами приказа:

«1. К 10.00 29 сентября 1942 года по-честному донести об истинном положении частей западнее р. Черная и о наличии проходов в горловине юго-западнее Гайтолово.

2. Взять на себя и свой штаб руководство выводом 2-й ударной армии в район восточнее Гайтолово».

Основные силы ударной группировки Волховского фронта были выведены на восточный берег реки Черной 29—30 сентября. Сделано это было следующим образом — пехота и танки (7 гв. тбр), переброшенные с других участков (Волховского) фронта, наносили удары по хилому германскому периметру окружения. Образовывались проходы, через которые по ночам просачивались группы изможденных воинов, вырвавшихся из окружения. На вопрос: «Откуда, братишки? Из каких частей?» — коротко отвечали: «Из ада... 2-я ударная».

Исход продолжался до 2 октября (хотя в отечественной историографии официально датой окончания Сиявинской операции считается 1 октября. — *Примеч. авт.*). Местность болотистая, дорог нет. Днем все пространство простреливалось насквозь, даже проползти невозможно. В этих услови-

ях разведчики из деблокирующих соединений Волховского фронта отыскивали проходы, встречали и сопровождали вышедшие из «котла» подразделения³⁵.

В начале октября 73-я морская стрелковая бригада фактически выполнила свою деблокирующую задачу, но тут в окружении оказался 3-й батальон этого соединения. Остатки подразделения — 147 человек — спас разведчик Н.В. Че-кавинский, отыскавший единственную тропу через болото. Бойцы 3 километра ползли по ней «на животе», но вышли из окружения.

По немецким оценкам, наши войска, окруженные в районе Синявино — Мга — Гайтолово, были частично (7 дивизий из 16, 6 стрелковых бригад из 10, 4 танковые бригады из 6) уничтожены или взяты в плен. Манштейн в своих воспоминаниях приводил следующие цифры потерь: «Нами было захвачено около 12000 пленных, противник потерял свыше 300 орудий, 500 минометов и 244 танка. Потери противника убитыми во много раз превышали число захваченных пленных».

Манштейну после успешно проведенной операции по разгрому наступательной группировки Волховского фронта в октябре 1942 года Гитлером в торжественной обстановке был вручен фельдмаршальский жезл, соответствующий ранее присвоенному ему высокому званию генерал-фельдмаршала. Но людских и материальных ресурсов, необходимых для восполнения потерь (6 октября Манштейн сообщил в ставку Верховного командования, что для наступления ему необходимы еще 18 пехотных батальонов и 10 тыс. солдат. — *Примеч. авт.*), понесенных в сражении с войсками 8-й и 2-й ударной армий, у Германии не было. Без этого вновь наступать на Ленинград стало невозможно.

Однако в тот момент, когда уже «вырисовывалась» невозможность достижения Волховским фронтом реки Невы, некая инерция оперативных планов вновь заставила предпринять наступление уже Ленинградский фронт.

БОРЬБА ЗА ПЛАЦДАРМ

В конце сентября 1942 года для бронетанковых войск Ленфронта наиболее важной задачей стала поддержка стрелковых соединений Невской оперативной группы в ходе форсирования реки Невы и захвата плацдарма у Невской Дубровки. Бои продолжались с 26 сентября по 7 октября 1942 года.

Так как форсирование Невы, начатое войсками Ленинградского фронта 9 сентября 1942 года, потерпело полное фиаско, Ставка приказала подготовить операцию более тщательно и привлечь к ней более крупные силы. Поэтому войска Невской Оперативной группы Ленинградского фронта получили следующую задачу: «...силами 86,46, 70 сд и 11 осбр со средствами усиления форсировать реку Нева на участке Пески — Выборская Дубровка, прорвать оборону противника, овладеть плацдармом на левом берегу, установить связь с войсками 8А (Волховского фронта. — *Примеч. авт.*) а, во взаимодействии с ними, окружить и уничтожить синявинскую группировку противника, снять блокаду с Ленинграда»³⁶.

Новое наступление было назначено на 26 сентября. Форсирование планировалось осуществить на участке Анненское, 1-й Городок вышеозначенными в приказе стрелковыми дивизиями и стрелковой бригадой при поддержке танковых частей, авиации и десантов морской пехоты.

Для усиления стрелковых соединений НОГ к 8 сентября 1942 года было переброшено около 90 танков: 86-й и 118-й отдельные танковые батальоны, а также Отдельный легкотанковый батальон (плавающих танков). Что же представляли собой эти бронетанковые части?

Самым подготовленным являлся 86-й танковый батальон (31 танк), и ранее представлявший собой сколоченное подразделение с боевым опытом. 86 отб в качестве усиления придавался правофланговой 86-й стрелковой дивизии полковника В.А.Трубачева, действовавшей в направлении на н/п Анненское.

118-й отдельный танковый батальон был спешно сформирован на базе 48-го танкового батальона 152-й танковой бригады 10 сентября 1942 года (поэтому в документах нередко вместо 118 отб используется старое название — 48 тб. — *При меч. авт.*) и имел в своем составе 30 танков: 10Т-34, 10Т-2би и 10 БТ-2. 118 отб был придан 11-й отдельной стрелковой бригаде генерал-майора Н.Ф. Никитина.

Несмотря на спешное доукомплектование, 86 и 118 отб были неплохо обучены и сколочены, оба командира батальона и часть комсостава имели опыт форсирования реки Невы на том же участке в операции 1941 года³⁷.

Самым «проблемным» был Отдельный легкотанковый батальон, который укомплектовали легкими плавающими танками Т-37 и Т-38, изъятыми из расформированных армейских разведывательных батальонов Ленфронта. Древние машины наскоро подлатали на заводах Ленинграда, и 14 августа 1942 года эта часть была сформирована. Ввиду того, что со дня формирования и до 7 сентября 1942 года батальон находился на исходных позициях в составе 55-й армии и выполнял задачу по усилению стрелковой дивизии в Усть-Тосненской операции, время на специальную боевую подготовку по преодолению водных преград он не имел. Часть машин из 29 танков олтб из-за технической изношенности вообще не могла плавать. Штаб батальона полностью сколочен не был, да и командир батальона капитан Белов не имел необходимого боевого опыта по проведению специальных операций. Поэтому тренировки танкистов начались за неделю до начала событий — 19 сентября 1942 года³⁸.

Из трех десятков танков реально годились для форсирования реки только несколько Т-38. Сама эта боевая машина представляла собой легкий плавающий разведывательный танк, запущенный в производство в 1936 году. Т-38, разработанный под руководством видного советского конструктора Н.А. Астрова в КБ завода № 37, весил 3,5 тонны, был вооружен только 7,62-мм пулеметом ДТ и имел противопульнуоза-

щиту. Для движения на плаву использовался трехлопастный гребной винт. Экипаж танка составлял 2 человека. Эта машина серийно производилась в 1936, 1937 и 1939 годах (всего было выпущено 1382 танка) несколькими различными сериями. В 1936 году выпускались три (условные) разновидности этого танка: с бронекорпусами и башнями Подольского завода имени Оржоникидзе и ходовыми тележками раннего образца (по типу Т-37А); с бронекорпусами Подольского завода, башнями Ижорского завода от Т-37А и ходовыми тележками раннего образца; с бронекорпусами и башнями Подольского завода и ходовыми тележками позднего образца (они отличались отсутствием поршня внутри горизонтальной пружины, а для того, чтобы направляющий стержень не вышел из трубки при возможности в случае разгрузки катков, к кронштейнам тележки крепился стальной трос. — *Примеч. авт.*). С начала 1937 года в конструкцию танка Т-38 ввели ряд изменений: на смотровую щель в лобовой щитке механика-водителя стали устанавливать броневую планку, предохраняющую от попадания свинцовых брызг при ружейно-пулеметном обстреле танка, в ходовой части использовались, как уже говорилось, тележки нового (позднего) образца. Кроме того, в производство пошел радиофицированный (тогда говорили радийный. — *Примеч. авт.*) вариант Т-38, оснащенный радиостанцией 71-ТК-1 со штыревой антенной. Ввод антенны находился на верхнем переднем листе корпуса между местом механика-водителя и башней. Радиофицированная машина называлась Т-38 РТ.

Весной 1937 года выпуск танков Т-38 был приостановлен. Да и правда, машина была плохонькая: слабое вооружение, тонкая броня, низкая скорость движения на местности и главное — недостаточные возможности на плаву. Десант даже из двух человек не посадишь — машина, словно подводная лодка, медленно уходила под воду. В случае же нарушения герметичности корпуса скорое затопление этого «судна» было неизбежно. Поэтому машину стали модернизировать

и даже изготовили 10 новых Т-38М, которые, впрочем, не слишком отличались от старых (все Т-38М использовали только в качестве учебных. — *Примеч. авт.*). В стадии разработки находился новый плавающий танк Т-40, производство которого могло начаться только в 1940 году. Поэтому в 1939 году завод № 37 получил разрешение на выпуск некоторого количества обычных танков Т-38 (не модернизированных). Используя имеющийся задел бронекорпусов, изготовленных в «далеком» 1937 году, было собрано еще 112 линейных танков Т-38.

Таким образом, разведывательные танки Т-38 не особо годились для форсирования реки под обстрелом противника, но выбирать было особенно не из чего.

Из 29 машин олтб были отобраны 10 относительно новых танков Т-38 с лучшими экипажами: все боевые машины были тщательно проверены и подготовлены к плаванию, а танкисты тренировались в вождении танка на воде. Каждый экипаж проплыл пять раз на своей машине через озеро Кор-кинское (в составе одиночного экипажа, взвода и роты) и два раза — через Неву (в составе взвода). Во время тренировок 2 танка утонули (один в озере и один в реке), наскочив «на подводные предметы», но через два дня были эвакуированы и вновь вошли в строй.

Все остальные экипажи олтб, 86 и 118 отб тренировались на озере в погрузке и выгрузке по аппаратам, для чего 41-й отдельный инженерный моторизованный батальон (оимб) собрал и спустил на озеро 12-тонный паром. Тренировки шли с 20 по 25 сентября, и к концу тренировок экипажи уже удовлетворительно «водили» танки на плаву и лихо «загружались» на паром по аппаратам.

Политико-моральное состояние личного состава всех трех танковых батальонов НОГ (в оперативном подчинении командующего НОГ был также 1-й бронепатальон на БА-10 и БА-20, но он в операции не участвовал. — *Примеч. авт.*) было «здоровым, настроение приподнятым». Наши бойцы стреми-

лись как можно скорее переправиться на левый берег Невы и освободить Ленинград от блокады. Экипажи рот, которые были назначены для переправы в последнюю очередь — рота Т-34 из 118 отб и рота БТ-5—7 из 86 отб, — просили бросить их в бой первыми.

Однако укрепления противника и особенности местности делали задачу наших войск архисложной.

Германские войска, находившиеся в течение года на левом берегу Невы, имели здесь прочно укрепленный оборонительный рубеж. Все подступы на правом берегу и рубежи на левом берегу реки Невы противником были тщательно пристреляны артиллерийским и минометным огнем и хорошо наблюдались с левого берега из района 8-й ГЭС и Анненского. Подобные обстоятельства сильно затрудняли выбор подходящих исходных позиций на левом берегу реки Невы и действия танков после осуществления переправы.

Сама Нева в предполагаемом районе форсирования достигает ширины 400 метров и имеет крутые берега, недоступные для выхода танков. На всем участке форсирования имелся лишь один более или менее пригодный участок для выхода танков — на востоке в районе пристани по лошине вдоль узкоколейной железной дороги. Этот единственный выход был тщательно пристрелян противником. Скорость течения реки была довольно высокой и составляла около 1 метра в секунду.

Местность на правом берегу, который занимали наши войска, западнее и северо-западнее Невской Дубровки — лесисто-болотистая, с хорошими подступами для танков, с наличием «исходных и выжидательных позиций», укрытых как от наземного, так и от воздушного противника. Но крутость правого берега допускала паромную переправу танков лишь в отдельных местах, а именно:

- а) переправу в 200 метрах южнее устья реки Дубровки — пристань Московская Дубровка;
- б) Пески — пристань Анненское.

На левом берегу местность непосредственно у берега была захламлена разбитыми лодками и бревнами. Сама же болотистая почва с трудом давала возможность выгрузки танков с парома и затрудняла передвижение гусеничных боевых машин вдоль берега. К востоку от «обреза реки» местность была открытая, сплошь изрытая траншеями, в воронках от снарядов и авиабомб, к тому же заполненных водой.

Советское командование понимало, что в таких условиях передвижение и транспортировка танков возможна только ночью, а днем боевые машины могли поддержать пехоту лишь в качестве неподвижных огневых точек. Поэтому было принято следующее решение:

а) поддержать первый эшелон стрелковых дивизий главного направления ротой плавающих танков олтб (10 машин Т-38);

б) переправу танков начать по выходу пехоты на рубеж второй высоковольтной линии (однако обстановка заставила сделать это гораздо раньше);

в) после переправы танков на левый берег использовать их в качестве неподвижных огневых точек в системе обороны стрелковых дивизий на основных направлениях;

г) танки придавать: правофланговой 86 сд, действовавшей в направлении н/п Анненское — 86 отб; центральной 70 сд — олтб, левофланговой 11 осбр — 118 отб.

Таким образом, фланговым дивизиям намеревались придать пушечные танки, а центральной — пулеметные. Подобное решение вытекало из предположения о контратаках противника с флангов — из района 8-й ГЭС и Мусталово, что в ходе боев и подтвердилось. Однако впоследствии выяснилось, что успех сопутствовал только 86-й и 70-й стрелковым дивизиям (для 86 сд местом переправы был определен район Бумажного комбината, а для 70 сд — район устья реки Дубровки).

Операция готовилась очень тщательно. Наши танкисты и саперы выбрали и оборудовали (были улучшены спуски к

берегу, а сам берег расчищен) два пункта паромных танковых переправ. Для танков активно готовились исходные позиции (экипажи рыли капониры и маскировали размещенные там танки). Командиры взводов и рот выбирали пути движения с исходных позиций на переправы, а механики-водители занимались изготовлением указателей маршрутов (стойки с указателями, покрашенные в белый цвет). В бинокли и стереотрубы БСТ наш комсостав тщательно изучал противоположный берег.

Ввиду того что пропускная способность каждой танковой переправы не превышала возможности одной танковой роты (10 танков) за ночь, с исходных на выжидательные позиции выдвигалась только одна рота от каждого переправляющегося батальона.

Было определено, что за 30 минут до готовности 12-тонного парома (максимальной грузоподъемностью 14 т) из лодок А-3 (к движению) танки попарно выдвигались к нему, располагаясь на следующих рубежах: 2 танка — на пункт переправы (100 м от берега), 2 танка — на промежуточный пункт (400—500 м от берега), остальные — на исходных позициях. Таким образом достигалось рассредоточение боевых машин от артиллерийского огня противника и гарантировалась бесперебойная подача танков на паром.

После отплытия одного танка на пароме очередные подходили на свои места, ведомые связными-проводниками.

У парома должен был находиться старший по погрузке — танкист (помощник коменданта переправы), из лиц среднего комсостава. На противоположном берегу был приемщик танка — также средний командир (как правило, помощник командира переправляющейся роты по технической).

Связь командного пункта переправы с паромом по опыту 1941 года осуществлялась световыми сигналами при помощи «трехцветных карманных фонариков».

Вся подготовительная и организационная работа в основном была проведена командирами танковых и понтонных

• батальонов, а руководство осуществлялось оперативными группами АБТВ и инженерного отдела НОГ без участия командиров и штабов стрелковых соединений, коим были приданы танки и понтонные батальоны. «Стрелковые командиры» лишь ограничились отдачей необходимых приказов, что привело в дальнейшем к столь любимой русским народом импровизации.

25 сентября 1942 года 1-я рота плавающих танков олтб получила задачу по форсированию Невы в первом эшелоне.

В 03.30 утра 26 сентября подразделение из десяти плавающих танков Т-38 организованно выступило с исходных позиций и в 04.30 спустилось на берег.

При спуске в воду одна машина неожиданно сломалась, а у двух свалились гусеницы. Их потащили на исходные позиции, а 7 оставшихся танков в боевом порядке «развернутая линия •» спустились в воду и поплыли на левый берег. В 70 метрах от берега один Т-38 наскочил на какой-то подводный предмет и затонул. Противник обнаружил наши боевые машины и открыл сильный артиллерийский и минометный огонь. Бронебойные пули, которые легко поражали наши Т-38, отправили на дно еще 3 танка. Оставшиеся три машины все-таки прорвались на левый берег и открыли стрельбу по противнику, но вскоре были подбиты. Паромы с пехотой первого эшелона задержались, и, чтобы не попасть в плен, экипажи поплыли обратно. Живыми на правый берег вернулись только 3 человека. У немцев было подавлено 2—3 легких пулемета и убито несколько автоматчиков³⁹.

Пусть и несколько позже, но пехота постепенно начала переправляться на левый берег Невы, где 86 сд и 70 сд удалось отбить плацдарм шириной по фронту 2—2,5 км, а глубиной 400 м. Затем плацдармов стало два — в районе Арбузове и Московской Дубровки. К концу первого дня на левый берег удалось переправить части двух дивизий и бригады. Однако германские войска непрерывно контратаковали, и, чтобы

Танки, вперед!

удержать плацдарм, вопреки первоначальным планам наше командование решило начать переправу танков немедленно. Из-за маленькой площади плацдарма и невозможности построить необходимое количество паромов решили переправлять только легкие танки.

Вечером 26 сентября 1942 года командир 86 сд отдал приказ об организации переправы 86 отб на левый берег. В 24.00 26.09.42 г. танкисты и саперы приступили к сборке двух паромов на двух пунктах переправ. На пункте № 1 к 07.00 27 сентября был готов паром, но при подходе танка к берегу противник открыл сильный огонь с флангов, а затем начал бить через реку «прямо в лоб». Паром был разбит, танк «уехал обратно».

Следующей ночью наши бойцы опять собирали паромы. К 06.00 на пункте № 1 снова удалось подготовить один паром. На него погрузили танк, и паром двинулся к левому берегу. Немцы обнаружили плавсредство и открыли по нему огонь. Из-за того что танк «обстреливался» из пушки и пулеметов, боевая машина была сожжена, но паром уцелел. Так паром с догоревшим танком и причалил к вражескому берегу. На пункте переправы № 2 паром сделали раньше — к 24.00 27 сентября. Танк быстро погрузили, но при отходе паром был поражен снарядом и затонул, экипаж на танке пытался эвакуироваться своим ходом по накренившемуся настилу. В итоге боевая машина сползла с накренившегося настила и тоже утонула.

В 05.00 на вновь собранном пароме очередной танк опять отчалил от берега и под сильным огнем противника форсировал реку. Наконец высадиться удалось, но танкисты на берегу встретили лишь небольшую группу пехотинцев 86 сд, отрезанную от основных сил. Это небольшое «войско» вместе с танком двинулось на соединение с основным гарнизоном плацдарма.

Однако за 250—300 метров от переднего края обороны 86 сд этот танк был мастерски подбит нашей пехотой, при-

нявшей его за немецкий, так как «он шел от позиций противника».

29 сентября германские войска атаковали правый фланг 86 сд и потеснили наши силы в районе Анненской. Переправу 86 отб пришлось прекратить.

К этому моменту все первоначальные планы потеряли актуальность. Для группировки войск на плацдарме стала действовать новая переправа на участке 70 сд генерал-майора А.А. Краснова — на 200—300 м выше устья реки Дубровка. Это было очень удачное решение!

За четыре ночи — 30 сентября, 1, 2 и 3 октября — без каких-либо потерь на левый берег Невы было переправлено 26 танков — 19 пулеметных и 7 пушечных. По маркам: Т-37/Т-38 — 16, Т-26 пулеметных — 2, БТ-2 пулеметных — 1, Т-26 пушечных — 7. Погрузка танков занимала 10—15 минут, один рейс — 1 час 30 мин.⁴⁰

Переправленным на левый берег танкам приходилось действовать в исключительно тяжелой и сложной обстановке.

Боевые машины выдвигались на указанные рубежи под артиллерийским и пулеметным огнем противника, а некоторые уничтожались врагом еще до занятия огневых позиций. Выход на фланги — в район Арбузове и школы п. Московская Дубровка — был совершенно невозможен из-за непроходимой местности.

Из-за вышеизложенных причин лишь только один танк Т-26 (пушечный) с великими приключениями прорвался в район Арбузово (правый фланг 86 сд), а остальные боевые машины в качестве огневых точек заняли огневые рубежи на стыке 70-й и 86-й стрелковых дивизий. Танки были зарыты в землю по обе стороны узкоколейной яселезной дороги. В качестве огневых точек пулеметные и пушечные боевые машины ежедневно отражали контратаки противника, которые следовали непрерывно с 1 по 6 октября.

Самый тяжелый бой произошел 5 октября 1942 года. Между 14.30 и 16.00 немецкий отряд из 40 человек во главе с

Танки, вперед!

несколькими офицерами просочился сквозь оборонительные позиции наших войск на стыке 70-й и 86-й стрелковых дивизий. Враг, следуя вдоль узкоколейки, прорвался через нашу оборону и почти дошел до Невы. Фактически плацдарм был разрезан на две части. Началась паника, и несколько групп советских пехотинцев, бросая винтовки, побежали к берегу. Танкистам отступить было некуда, поэтому 2 танка, находившиеся на огневых позициях, открыли по немцам шквальный огонь из пулеметов. Один из механиков-водителей 118-го отдельного танкового батальона (башенный стрелок этого танка был убит, командир танка ранен, а сама боевая машина увязла в болоте) посадил башенным стрелком танка пехотинца и открыл по немцам огонь. Группа командиров-танкистов в составе старшего политрука Орлова, красноармейца Байды (оба из олтб), капитана Мазура, лейтенанта Ставницкого, лейтенанта Рындина (все из 118 отб), взяв два ящика гранат, забросали ими немцев, а затем бросились на врага врукопашную. В результате схватки большая часть германских солдат была убита, остальные бежали. При этом красноармеец Байда заколол немецкого офицера ножом, а механик-водитель Рожков несколько немцев убил из револьвера системы Нагана⁴¹.

Потери нашего десанта были достаточно значительны. Согласно докладу командующего Ленинградского фронта Ставке ВГК от 4 октября 1942 года, за четыре дня наступления 86 и 70 сд, а также танковые части и другие обеспечивающие подразделения понесли общие потери в 8244 человека.

Ввиду изменения общей обстановки в межфронтовой операции и трудности удержания плацдарма Ставка разрешила командованию Ленфронта отвести на правый берег части 70-й дивизии и 11-й отдельной бригады (директива Ставки № 170638 от 5 октября 1942 года).

6 октября было решено очередную неудачную наступательную операцию прекратить и перейти к обороне. Волховский фронт закончил отвод своих войск еще раньше —

1 октября. Начальнику АБТВ Невской оперативной группы было приказано эвакуировать уцелевшие личный состав и материальную часть на правый берег (так как сам плацдарм при обороне был слишком мал для танков). Но состояние машин было к этому времени таково, что из 26 танков после незначительного ремонта можно было эвакуировать лишь 5. Остальные были сильно повреждены артогнем и авиацией противника или так застряли в болотах, что никакая эвакуация этих боевых машин была невозможна.

В ночь с 6 на 7 октября на левый берег реки Невы для ремонта и подготовки к эвакуации уцелевших пяти танков были направлены две ремонтные бригады в составе 10 человек под руководством помощника командира 118-го отдельного танкового батальона по техчасти. Эти бригады за 7 октября отремонтировали 4 танка, но противник снова разбил их артогнем; также вскоре отремонтированный БТ-2 уже при подходе к парому от прямого попадания снаряда сгорел.

Таким образом, эвакуировать удалось только один Т-26 пушечный, а остальные танки после снятия с них исправных пулеметов, оптики и «стреляющих механизмов» пушек были подорваны саперами из 12-го гвардейского «минерного» батальона. Отдельный легкотанковый батальон, потерявший 23 из 29 танков, был расформирован⁴².

Расширить захваченные плацдармы, прорвать оборону на всю глубину и соединиться с Волховским фронтом войска Ленинградского фронта не смогли. По приказу Ставки Верховного главнокомандования бои на плацдармах прекратились, основные силы были эвакуированы на правый берег. 55-я армия, продолжавшая вести бои за плацдармы в районе Ивановского, также получили приказ отойти на правый берег и прочно закрепиться. Необходимость отвода войск была вызвана тем, что врагу удалось к этому времени полностью отразить удар Волховского фронта и, по существу, восстановить положение на шлиссельбургско-синявинском выступе. «При создавшейся группировке войск противни-

Танки, вперед!

ка, — отмечал в телеграмме начальник Генерального штаба генерал А.М. Василевский, — не исключена возможность его попытки форсировать реку Неву... с целью нанести удар с юго-востока на Ленинград и перерезать наши коммуникации на этом участке»³.

10 октября 1942 года последние части и подразделения ударной группировки Невской оперативной группы, которой временно командовал начштаба Ленинградского фронта генерал-лейтенант Д.Н. Гусев, покинули левый берег Невы. Небольшой плацдарм, отвоеванный нашими войсками в районе Арбузове и Московской Дубровки, остался под советским контролем (с 10 по 20 октября плацдарм обороняла только одна рота 70-й стрелковой дивизии под командованием капитана Н.А. Бритикова), а с 20 октября 1942 года по январь 1943 года оборонялся достаточным для этой цели количеством войск Красной армии — усиленным батальоном 314-го стрелкового полка 46-й стрелковой дивизии полковника Е.В. Козина.

Несмотря на большие потери боевых машин, советские танкисты сыграли одну из ключевых ролей при обороне плацдарма (особенно 5 октября). Но отвоеванный плацдарм для использования танков в обороне был слишком мал: если бы пехоте удалось отбросить врага хоть еще на 1 км от берега, чтобы плацдарм был не менее 1,5—2 км в глубину и 3—4 км по фронту, можно было бы перевести на левый берег эвакуосредства и средства ремонта и в условиях наступающей зимы не зависеть от паромной переправы. Но этого не произошло.

Таким образом, Синявинская наступательная операция не решила задачи по прорыву блокады Ленинграда. Однако она имела положительное значение для общего хода борьбы на советско-германском фронте, и прежде всего под Ленинградом. Противник был вынужден перебрасывать в район сражения соединения с других участков фронта, в том числе подготовленные и для летнего штурма города. В результате активных действий Волховского и Ленинградского фрон-

тов враг отказался от проведения операции «Нордлихт», на которую германская Ставка возлагала большие надежды. Синявинская операция сорвала очередной план штурма Ленинграда. Манштейн, который с 4 сентября возглавлял действия германских войск по отражению удара Волховского фронта, впоследствии писал: «И вот вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось "сражение южнее Ладожского озера"...

Если задача по восстановлению положения на восточном участке фронта и была выполнена, то все дивизии нашей (11-й. — *Примеч. авт.*) армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи»⁴⁴.

Следует отметить, что после провала нашего «всеобщего наступления» в первой половине 1942 года Ставка ВГК дает указания командующим фронтами усилить внимание вопросам создания прочной обороны. В частности, по директиве Ставки от 5 октября командующий войсками Волховского фронта обязывался организовать на наиболее опасных направлениях Мга — Волхов и Мга — Кириши не менее трех-четырёх оборонительных рубежей, иметь здесь оперативный резерв для контрудара по противнику. Такие же указания давались и по другим ответственным участкам фронта в районе Ленинграда, в частности, по укреплению западного берега реки Невы.

При проведении Синявинской операции войска Волховского и Ленинградского фронтов, силы КБФ и Ладожской военной флотилии понесли общие потери в 113 тысяч 674 человека. Из них безвозвратные потери — 40 тысяч 85 человек⁴⁵. По докладу командующего Волховским фронтом от 1 октября 1942 года, «... общие потери противника за всю операцию составляют: убитыми и ранеными 51 700 человек, уничтожено 260 самолетов, 140 орудий, 300 минометов, 400 пулеметов и

Танки, вперед!

*

197 танков». Автор склоняется к тому, что немецкие потери были еще меньше, но доказать этого не может. Оставляя в стороне точность приводимых данных, получаем соотношение общих потерь личного состава наших войск и противника как 2,2: 1. Печально, но лучше воевать мы тогда не умели.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

¹ *Мюллер-Гиллебранд* Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Том III. Война на два фронта. М., Воениздат, 1976, 0.94.

² КТВ/ОК\У, Ва! .И, з. 77.

³ НШегз \Уе!зипёеп !иег с!Ее Кпе^!иеБгип^ 1939—1945, з. 199.

"КТВ/ОК^ .Вй.И.з. 78.

⁵ *Манитейн* Э. Утерянные победы. Перевод с немецкого. М., 1957, с. 265—266.

⁶ *Мерецков К.* На службе народу. М., 1968, с. 299.

⁷ ЦАМО РФ, ф. 204, оп 89, д. 196, лл. 1—7.

⁸ *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1968, с. 298.

На Волховском фронте. 1941—1944 гг. М., 1982, с. 154.

Официальное название «Добровольческий легион «Норвегия»», был создан 1 августа 1941 года. Согласно штату, легион должен был состоять из 1218 человек (но 20 октября 1941 года добровольцев было уже 2000). Командиром части являлся легион-штурмбанфюрер Артур Квист. Структурно легион «Норвегия» состоял из штаба, противотанковой роты, взвода военных корреспондентов, пехотного батальона под командованием Моргена Баке (три пехотных роты и одна пулеметная), моторизованной части легиона (мотоциклы БМВ), двухдивизионного подразделения самокатчиков (велосипеды), моторизованного отделения телефонистов и четырех отделений радиосвязи под общим командованием штурмбаннфюрера

Танки, вперед!

Финна Ганнибала Кьельструпа. Частью легиона также считался запасной батальон под командованием Генриха Петер-сена, созданный в Хальместранде под Осло.

16 марта 1942 года легион прибыл на ленинградский участок советско-германского фронта, где был введен в состав 2-й пехотной бригады СС. В этом районе части легиона несли патрульную службу, находясь в подчинении командования полевой жандармерии, затем участвовали в боях.

¹ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, д. 1634, лл. 324—326.

¹² Там же, лл. 331—333.

¹³ Там же, лл. 328—330.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1283, д. 109, лл. 155—158.

¹⁵ Полицейская дивизия СС была сформирована из членов полиции в октябре 1939 года по штатам пехотной дивизии; в этом качестве и использовалась в боях под Ленинградом.

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1283, д. 109, лл. 155—158.

¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 218, оп. 1258, д. 129, лл. 34—38.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 1474, лл. 1—6.

¹⁹ Там же, лл. 6—8.

²⁰ Там же, лл. 8—12.

²¹ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 80038 ее, д. 37, лл. 230—232.

²² *ГальдерФ.* Военный дневник... 1939—1942 гг. М., 1971, т. 3, кн. 2, с. 332.

²³ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 1474, лл. 14—15.

²⁴ *Маништейн Э.* Утраченные победы. М., 1958, с. 266.

²⁵ *Мерецков КА.* На службе народу. М., 1968, с. 304, 307.

²⁶ *Свиридов В.П., Якубович В.П., Василенко В.Е.* Битва за Ленинград. 1941—1944 гг. М., 1962, с. 266.

²⁷ *Маништейн Э.* Утраченные победы. М., 1958, с. 266.

²⁸ *Мерецков КА.* На службе народу. М., 1986, с. 308.

²⁹ На Волховском фронте. Л., 1978, с. 159, 160.

³⁰ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 102, лл. 83—85.

⁸¹ ЦАМО РФ, ф. 204, оп. 89, д. 1474, лл. 18—22.

³² Вторая ударная в битве за Ленинград. Л., 1983, с. 21 — 25.

-
- ³³ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1258, д. 128, лл. 160—162.
- ³⁴ *Мерецков К.Л.* На службе народу. М., 1986, с. 308—309.
- ³⁵ Вторая ударная в битве за Ленинград. Л., 1983, с. 171—172.
- ³⁶ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, лл. 1—2.
- ³⁷ Там же, лл. 2—3.
- ³⁸ Там же, лл. 3—4.
- ³⁹ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, д. 1661, лл. 14—17.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, лл. 1—4.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 203156, д. 8, л. 134.
- ⁴⁴ *Маништейн Э.* Утерянные победы. Перевод с немецкого. М., 1957, с. 266—267.
- ⁴⁵ Всероссийская книга памяти. 1941 —1945. Обзорный том. М., 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

«Обратная сторона медали»	3
Танкисты маршала Кулика	17
«Ледяная переправа»	39
«Танк-агитатор»	56
«Малютка» против «Тигра»	65
«Недоросли»	81
Из жизни «реставраторов».....	102

СИНЯВИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (19

августа — 1 октября 1942 года)

Обстановка на ТВД	116
Перед битвой	125
Начало операции	133
Основной удар	138
Борьба за плацдарм	169

Научно-популярное издание *Забывшие
страницы Второй мировой*

Мощанский Илья Борисович

**ТАНКИ, ВПЕРЕД! Курьезы танковой
войны в битве за Ленинград**

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*
Корректор *Е.Ю. Таскон*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение №
77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2000 г.

Е-таЛ: uespefu@yandex.ru
Бир: //y/l*AU.yesbe.ru

Подписано в печать 13.03.2009. Формат 84x108 %,,.
Гарнитура «ЗсбооШоокС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Неч. л. 6. Тираж 6000 экз. Заказ № 140.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати».
152901, р. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (499) 188-88-02, (499) 188-16-50.
Тел./факс: (499) 188-89-59, (499) 188-00-73.
Интернет: yulu№.uespe.ги
Электронная почта (E-mail): uesbe@uespe.ги
По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 188-66-03
E-mail: gek1ata@uesbe.ги

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве: Компания

«Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

yul№.lablgt1-8por.ги

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (8312) 63-97-78

E-mail: uespepp@taП.ги

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

yulu«г.4ор-кт?а.ги

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ar1y@op11ta.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

Книга известного военного историка И.Б. Мощанского посвящена использованию бронетанковых войск Красной армии в самой длительной операции Великой Отечественной войны — сражении за Ленинград. С 1941 по 1944 год силы Северо-Западного, Северного, Ленинградского и Волховского фронтов, а также нескольких отдельных армий сделали все, чтобы сохранить город на Неве для нашей страны и мировой культуры.

В представленной работе описаны малоизвестные операции сражения под Ленинградом, а также быт и жизнедеятельность штабов, соединений и, нередко, рядовых танкистов. Опираясь на архивные и историко-литературные документы, автор описывает трагические и комические происшествия, так хорошо характеризующие национальную идентичность нашего народа. Наиболее подробный анализ посвящен Снявинской операции (19 августа — 1 октября 1942 года) — неудачной попытке Волховского и Ленинградского фронтов прорвать блокаду Ленинграда.

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ISBN 978-5-9533-3884-4

9 785953 338844

